

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№3 2018

ISSN 0130-8173

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
М.В. Никитина, редактор отдела публицистики

Редколлегия:

К.В. Алексеев,
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 26.03.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

К 125-летию классика якутской литературы,
выдающегося государственного деятеля и
учёного П.А. Слепцова – Ойунского

Елена Слепцова - Куорсуннаах

Предисловие
к «Воспоминаниям»
П.И. Расторгуева

Воспоминания Павла
Ивановича
РАСТОРГУЕВА

4-6

Проза
Николай ЛУГИНОВ

Кюёх Ары – маленький
уголок Большого Мира

(Повесть четвёртая)

10

Личность
Анатолий БУРЦЕВ

«Филологический –
судьба моя...»

(К 80-летию М.Г. Михайловой)

26

Поэзия

Николай Винокуров-Урсун

*”Врубаясь в лёд или стоюя сено,
Якут имеет вкус к любой поре...”*

30

Владислав АВДЕЕВ

Чужие письма

Повесть

34

Предания старины далёкой... .

Варвара КОРЯКИНА

Образы мистических
удаганов
в мифологии саха

62

Два рассказа

Ольга ПРИЛУЦКАЯ

Родовая память

Капли боли

70-74

Поэзия

Ирэн ДРОЗД

*«Ковыль мне нежно
гладил душу...»*

77

Люди искусства

Валентина ЧУСОВСКАЯ

ФОРМУЛА

ПРОСТРАНСТВА

Сценография Николая Попова

81

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Владимир ТОМСКИЙ

37-ой год.

Хроники

(Псевдослучайные выборки)

88

Актуальное интервью

Анна ПАВЛОВА

Не хлебом
единым...

94

Предисловие

Накануне 120-летнего юбилея П.А. Ойунского, весной 2013 года, нам с поэтом Гаврилом Андреевым представилась возможность поучаствовать в поэтическом фестивале Международной организации «Тюркской» в столице Республики Кыргызстан Бишкеке. В связи этим, заодно, было решено посетить архивы и библиотеки Новосибирска, Томска и Омска, где в свое время учился, отбывал ссылку и работал Платон Алексеевич. Особенно хотелось уточнить, действительно ли он в годы Гражданской войны в селе Казанка Томской губернии чудом избежал расстрела.

Наш маршрут составил и провел соответствующие переговоры Андриян Васильевич Лукин. Итак, творческая экспедиция наметила такой маршрут: Якутск – Новосибирск – Томск – Омск – Астана – Бишкек – Алматы – Якутск.

Андриян Васильевич заранее связался с архивами и краеведами этих городов. Но, к нашему огорчению, по объективным и субъективным причинам не удалось посетить архив г. Новосибирска. Зато повезло с Томскими и Омскими архивами.

В пяти верстах от старинного сибирского городе Томск нашлась маленькая деревня Казанка. Как уже понял читатель, мы руководствовались воспоминаниями самого Платона Алексеевича. В 1917 году Ойунский поступает в Томский педагогический институт. Отучившись всего год, он возвращается на родину – устанавливать Советскую власть. Но в конце августа 1918 года в результате вооруженного переворота власть в Якутии переходит к Омскому правительству. Многих противников новой власти выдворяют за пределы Якутии, в том числе и Платона Алексеевича с его другом и соратником Максимом Аммосовым. Они отбывают в Томск на место назначенной ссылки. Платону определяют на жительство

деревню Казанка, а Максиму – деревню Ново-Кусково.

Платону Алексеевичу с большим трудом удается трудоустроиться в школу учителем. Квартирует он у местного жителя Ивана Расторгуева, который имел сыновей Павла и Илью. В сентябре по всей Сибири громко объявляют о назначении адмирала Колчака Правителем всей Сибири. Гражданская война разрастается по всей России. Платон Алексеевич в Казанке и близлежащих промышленных, шахтерских поселках разворачивает бурную агитационную деятельность за советскую власть. Организует подпольную большевистскую ячейку, поднимает шахтеров Анжеро-Судженска на демонстрацию.

В этой богом забытой татарской деревушке он творит свои литературные шедевры: «Не все ль равно?!» (стихотворение, посвященное М. Аммосову), поэму-олонхо «Красный шаман», пьесе «По указу царя», начало пьесы «Большевик».

Летом 1919 года, по воспоминаниям Платона Алексеевича, белые отряды подожгли три близлежащие от Казанки деревни. Карательный отряд под командованием штабс-капитана Сурова (который впоследствии в чине полковника будет участвовать в авантюре генерала А.Н. Пепеляева) в Казанке без суда расстрелял 18 человек. Платон Алексеевич заранее предупредил местных ревкомовцев, что может произойти страшная расправа, и посоветовал уйти в лес. Многие так и сделали. Но спустя некоторое время они вернулись обратно, и поплатились за это жизнью. Платона Алексеевича тоже арестовали и приговорили к расстрелу. Но ему удалось чудом избежать смерти.

Воспоминания об этих событиях опубликованы во многих печатных изданиях, сборниках произведений самого Платона Ойунского. Мно-

гие исследователи сомневались, думали: может, поэт приукрашивает свою биографию. Именно с целью подтвердить правдивость воспоминаний поэта об этом историческом отрезке времени мы направились в деревню Казанка. Но там нас ждало разочарование. Старожилы не помнили, что в те годы у них жил ссыльный учитель по фамилии Слепцов. Мы вернулись оттуда ни с чем. По приезду в Якутск Андриян Васильевич тщательно изучил историю Томского края и обнаружил сведения о существовании ещё одной деревни Казанка – за рекой.

Через полтора года, по инициативе заместителя генерального директора Медиа-холдинга «Якутия» Афанасия Ивановича Ноева, делегация из пяти человек отправилась в Томск для увековечивания памяти Платона Алексеевича в его альма-матер – Томском педагогическом университете. Администрация области и города с большим энтузиазмом организовали это поистине историческое мероприятие. На самом видном месте здания бывшего института открыли памятную плиту, посвящённую Платону Ойунскому. Были проведены удивительно теплые встречи, приемы. Томичи искренне гордились своим выпускником – бывшим ссыльным. Имя великого поэта звучало везде.

Когда автор этих слов снова изъявила желание найти деревню Казанка, организаторы с большой охотой поддержали мою просьбу. Но вот они привезли нас в поселок, и я разочарованно ахнула. Он оказался той же Казанкой, где полтора года назад нас постигла неудача! Мне пришлось промолчать – из-за уважения к организаторам. Ведь они собрали всех старожилов, краеведов Казанки. Состоялась очень теплая встреча, открытие выставки по истории тех революционных лет. Жители искренне хотели найти хоть какой-нибудь факт, связующий их посёлок с Платоном Ойунским. Напрасно. В конце поездки я спросила: «Жила ли здесь в те годы семья Расторгуевых?» Они ответили: «Нет». Тогда спросила: «А может, была еще вторая Казанка? Ведь он пишет, что рядом с Казанкой были деревня Ново-Кусково и шахтерские поселки Анжерское и Судженское». Они, к сожалению, не знали, так

как в годы коллективизации исчезло много деревень, участков и шахтерских поселков. Так и вернулись ни с чем.

Но через некоторое время мне звонит Афанасий Иванович и говорит, что действительно нашли вторую Казанку. Но это теперь дачный поселок и называется он совсем по-другому. Также, оказывается, местные краеведы пообещали поработать над моим вопросом.

В жизни порой случаются удивительные вещи, которые иначе как мистикой не назовешь. Через год или полгода опять зазвонил мой телефон. И Афанасий Иванович растерянным голосом рассказал мне об удивительном случае. В заброшенной «второй» Казанке стояла маленькая старая школа. Когда рабочие пришли его снести, у них сломался трактор-бульдозер. И им пришлось убирать старые полы руками. Вдруг один из рабочих под полом обнаружил старую тетрадь. На нем корявым почерком было написано: «Воспоминания Павла Ивановича Расторгуева».

Низкий поклон этому рабочему человеку за то, что он не выбросил выдавшую всякие виды истрепанную тетрадь. Он отнес её в школу. К тому времени известие о якутском ссыльном уже дошло до администрации посёлка, учителей и музейных работников. Читая воспоминания, они быстро обнаружили в тексте не совсем привычную для тех мест фамилию «Слепцов» и тоже не столь уж распространенное имя «Платон». Тут же отправили тетрадь в Томск, а уже оттуда мы получили копию воспоминаний.

Автор записок – человек малограмотный, поэтому и читать, и собрать воедино обрывистый текст было непросто. Но главное – содержание воспоминаний Павла Расторгуева просто поразительно совпадает с воспоминаниями Платона Алексеевича.

Пользуясь случаем, хочется выразить особую благодарность всем тем, кто имел отношение к этому удивительному событию. Большое спасибо Афанасию Ивановичу Ноеву и администрации Томской области и города Томска – за увековечивание памяти Платона Алексеевича и нахождение уникального исторического документа.

Воспоминания Павла Ивановича РАСТОРГУЕВА*

*Видел своими глазами Павел Расторгуев.
Передай Нюре С., в школу почитать, и Бабрикину И.
Воспоминания Павла Ивановича Расторгуева
о брате Илье Ивановиче Расторгуеве.
На память ученикам Казанской школы.*

Привёз Чернышев Михайло отряд Сурова или карателей белогвардейцев на Гончар отряд и Лупкова. Прошло уже несколько лет. Нет Отцов и Матерей. Остались жены и братья, сестры и дети. Вечная память нашим партизанам. 13 человек, они шли за интернационал и за программу Ленина.

Посылали Гончарова и Расторгуева Илью да Белоглазова Степана А. Ново-Кусковской волости, узнать, что там делается.

Степан Белоглазов видал, как издеваются над людьми. Через 5 дней ушёл из деревни Ново-Кусково. Ночью числа 8 мая перешел речку Соколы и прошел караул часовых, оделся, обулся. Приходит в Казанку, и говорит Илье Расторгуеву, собирай ячейку. Белоглазов С. рассказывал, что издеваются, что он своими глазами видел, а Расторгуев Ильи и остальные ребята слушали. И тут они договорились уйти на Кидрову Гриву в Челбак. Они ушли. Но подумали, что отцам и матерям станет обидно, что сделали их ребята. Это было во время обедни и за утрени веторашке. Потом староста сам слышал и видел как стегают и расстреливают, сжигают дома многих дерев-

нях. Ну и Степан Белоглазов остался дома, подумав, что будет людям – то и мне.

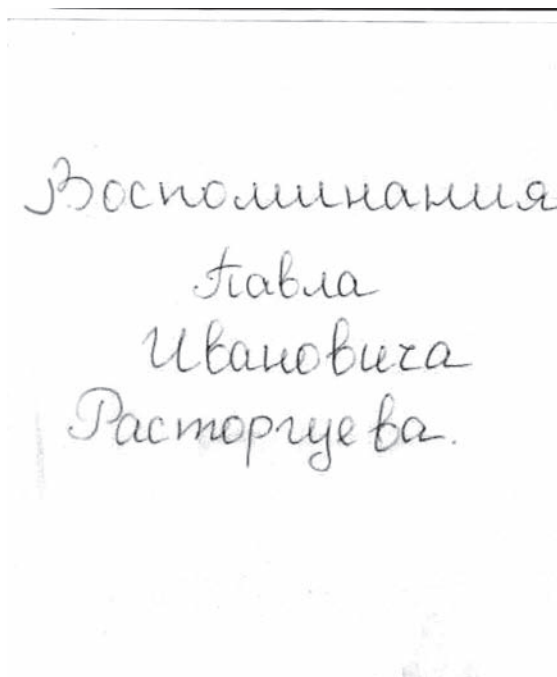
В то время приезжает Коволев Корней, привозит бумажку или записку. Там был выписан список партизан, крестьян или членов ячейки 26 человек. Суоров взял бумажку и положил в карман. Посылает Белоглазова А. и Расторгуева Левонтия в Казанку.

В числа 9-10 приезжает Гончаров, говорит, что дома не живет, нельзя. И Слепцов Платон Алексеевич говорит, надо уйти, в тайгу. Гончаров взял газеты и уехал обратно в свой отряд Ивано-Богословку (татары). Скоро Гончаров взял свой отряд и приехал в поселок Вяской Челбак за Казанкой. Это в числах 10 или 9. В отряде были наши Казанские ребята Авчиников П., Субботин В. Им осталось жить мало.

Попу Иванискому и старосте церковному говорят старики и матери: «что сделали наши сыновья худого?» Отвечает священник: «пущай идут по домам, я не дам им стегать и пороть Крестьян». Из тайги приходят ребята за продуктами и остаются дома. Шерянкин И. Тулупов Карпук и Потоденкин Володя, Суханов Поликарп, Расторгуев И. Кузнецов И. Подумали, придут, постегают нас и все живы. Дальше, через день взяли да

ВОСПОМИНАНИЯ ПАВЛА ИВАНОВИЧА РАСТОРГУЕВА.

* Стиль, орфография и пунктуация документа сохранены.

пришли остальные и успокоились. Ну, Белоглазов С. все говорил, «зря дома живем, приехал очень большой отряд. Привел отряд Черношев Михаил их около 800 человек с оружием и пулеметами».

Отряды расположились на два фронта. Первый вблизи от Челбака, а второй ближе к Казанке. 11 число Субботин П. и Ковалев Евсей, писарь Покшинцов Тихон так же остались дома.

Рассказывал Авигиников Петро, с утра, 12 мая приезжает отряд Сурова. Прибыли в Казанку с Орловки. Быстро оцепили деревню, расставили своих солдат на мельницу-ветрянке, на серку и по проулкам. Так и оцепили Казанку. У двора Чуприкова стали собираться на сходку. Поведали раза 3 Крестьянам. Не куда было деться, не веселым видом шли на сходку. Окружили двор Чуприкова, поставили часовых. А молодежь не пускали во двор. Кто жил на конце деревни не пошли на сходку. Новиковых 4 брата и Лешковы, Зарютин и Соврацов.

Суров, вскоре, с утра поехал на разведку в Вязкой Челбак. Гончаров пропустил развед-

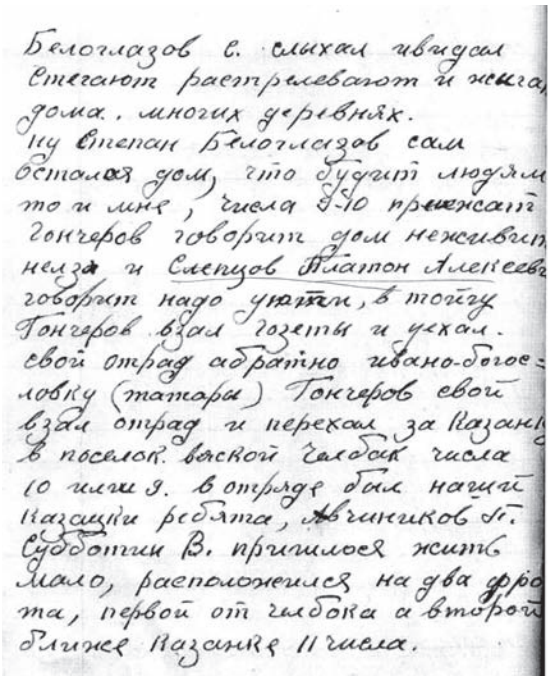
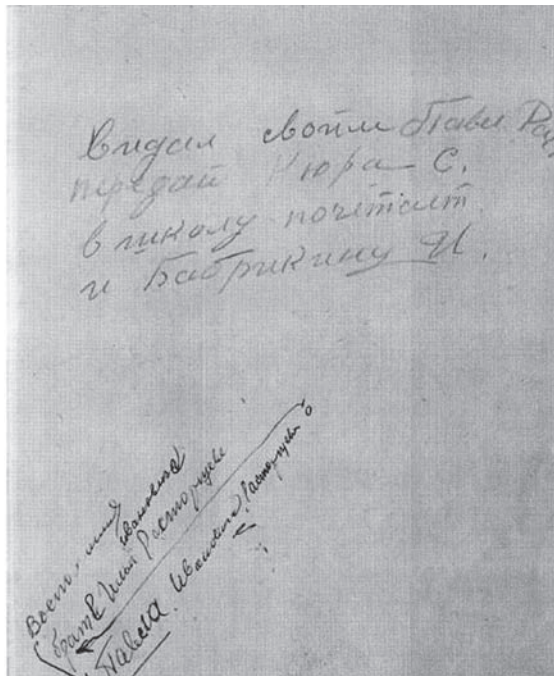
ку у Казанки и расположился вблизи Челбака. Тут пошла стрельба. Убили и ранили лошадей. Но отряд усилил Суров. Взял пулемет и пошла стрельба или бой между Челбаком и Казанкой. Время это было часов 12 дня. Перевязать раненых солдат и лошадей было нечем. Гончарову пришлось уйти с поля боя в тайгу, недалеко от Челбака. Ушли на Весёлый Стан к Челыму.

Суров приходит в поселок Вязкой Челбак. Собрал на сходку. Крестьян стегали и расстреливали коммунистов 4 человек. К 7 часам приезжает в Казанку. Поручик спрашивает: «кто у вас коновалы?». Староста отвечает: «у нас есть».

Посылают Аббакумова Ивана и Поподенкина Якова лечить лошадей. Лечили под горой. В тоже время дал команду становиться в строй смирно и стал выкрикивать по тому списку, которую привезли из Ново-Кускова. Было выписано 21 человек. Их стегали и посадили в избушку. Стегали около 40 человек, кто стоял за Советскую власть. Стегали до крови и посадили 16 человек поставили на караул. Староста Субботин П. и писарь Пакшинцев Т. и Поп, Ковалев Евсей, дочь Чуприкова, сноха сидели за столом вместе Суровым что-то обсуждали. Ковалев Евсей говорит, что у них есть протокол общего собрания, где подписывались за Советскую власть. Чуприкова Ольга говорит, что протокол у Чернова Петра Ф.

Вывели из избушки Чернова Петра и стали стегать второй раз. Суров спрашивает, «отдашь протокол?». Чернов Петр лежа говорит, «у меня нет протокола». «А где же?», «У Расторгуева Ильи». Садят обратно Чернова Петра, и выводят второй раз стегать шомполом Расторгуева И. Илья входит в дом. Они с ним пошли в дом. Прошли, открыли западню. Жена Агафия стала спускаться в погреб. В это время её ударили прикладом в спину и полезли сами. Стали искать. А брат Илья не мог, без чувства был. Но протокол общего собрания не нашли. На столе стоял самовар с трубой. Не нашли. Опять побили Расторгуева Илью и посадили обратно в избушку. Протокол загорел в самоваре.

В это же время приводят жеребца. Взяли за 100 рублей. Поручик стал садиться на коня, а тот не давался, убежал. Курзенев М.С. подхватил за

узды и вывел коня и за одно Чуприкова со двора. Этим он спас самого себя и ушёл домой. Вот уже часов 8 или 9 выводят Белоглазова С чтобы стегать второй раз. Так стегали что он не мог идти на расстрел. Взяли двое за руки и потащили на расстрел. Расстреляли прямо на огороде. И тут же Субботина Григория. А крестьян, которых стегали на дворе, распустили по домам. Потом повели на расстрел Чернова Николая и Быкова Филипа. Он собирал хлеб и другие питания. Быков Филип сразу упал. А Чернов Николай стоял 3 раза. Стреляли залпом. Он все стоял. Капитан подошел и срубил сашкой. Через 3 дня голову нашли. Он у калеки Сухановой кирпичи уделывал.

Ведут вторую партию: Паподенкина Володи и Чернова Петра Р, Шерянкина Ивана. Они шли. Очень почернели. Раздели и поставили затылком, и залпом стреляли из 6 винтовок. Попадали наши ребята. Стали рубить сашками. Палачи еще ведут четвертую партию. Ведут Суханова Поликарпа и Черемисина Антона, и Курзенева Ивана. Раздели и поставили на расстрел. Залпом стреляли и покололи штыком. Палачи пошли.

За последним ведут на расстрел Расторгуева Илью и Левина Н., и Сычева Василия, Карпуху Толупова. Шли мимо нашего двора. Тоже были черными на вид. Мать Абросемовна хотела проститься с сыном. Ну, её толкнули, она упала. Подняла сноха Арина В. и с братом Павлом повели её домой. Я побежал посмотреть. Они раздевались. И Сычев Василий говорит, «господа офицеры, стреляйте меня в грудь!». Но ему дали ответ «повернись!». И залпом стреляли. Они попадали. Мой брат соскочил и через прясло перескочил. Шальная пуля догнала его, и он упал на своем огороде и докалел. Левина Никиту два раза штыком кололи. Сычев В. долго бился, а Толупов Карпук скоро уснул.

Вечная память нашим ребятам. За интернационал, за программу Ленина умерли.

Идет Капитан, заходить 2 дому. Спрашивает у Расторгуева через окно: «Слепцов здесь живет?» Сноха Аграфена отвечает «здесь». «Дайте мне его» стали кричать. «Вас зовут Платон Алексеевич?», а сам дал команду «убирайте штыки» и окно растворил и припас гранату. Но Слепцов не

ВОСПОМИНАНИЯ ПАВЛА ИВАНОВИЧА РАСТОРГУЕВА.

пошёл в дом, а ворота. «Что изволит Капитан?» «Вы Слепцов?», «Я». Капитан повернулся вперед, команду дал через плечо. Эти его ударили прикладом. Платон Алексеевич упал. Побили повозкой и посадили на телегу. Повезли его Ново-Кусково на допросы. Но он, ни где не был замешен. Через 10 дней пришёл на старую квартиру.

Я унимал мать и сноху Агафью. Готовил мотилу и вижу на огороде беглеца. Побежали. Думали брат идет. А это Левин Н. шёл. Подхватил его на плечо и притащил в горницу и одел. Левин Никита, «Паша, сходи к нашим, нет ли у них самогона». Нашли немножко, принес ему, но он перешёл к брату, под крыльцо лёг. Я ему самогону подал и одел.

С матерью пошли на место расстрела, где лежат трупы. Уже стало светать. Вот и 13 число. Стало светло. Подходят и наши отцы и матери, и жены, и дети. Каждый у своего трупа. Крику, и реву. Ревут. Рассветало. Уже 10 часов утро 13 число приезжают повозки. Стали укладывать трупы на телегу и повезли на кладбище. А родителей не пустили на кладбище. Вот что было 13 число мая.

Левина унесли два мужика домой. А Черновой, тетке Татьяне нашли голову. Несет она в куле по деревне и воет. И сама похоронила. Дальше ловили по доносу, кто спрятался в это время. Ну, поймали Буханова Ивана и Новикова Тимофей Г.. И ловили Курзенева Максима С. он был дома. Окружили дом, ну он смекнул, заскочил на потолок и встал за трубой. Поручик посмотрел. Нет никого на потолке. Сели на повозку и уехали в Ново-Кусково. Это по доносу Ковалева Евсея и попа. Увезли Ново-Кусково Буханова Ивана и Новикова Тимофея. Их в штабе стегали. Но они пришли домой. А остальных крестьян загоняли во двор. Их дежурили. Они ночевали где придется, сторожке и возле церкви до самой зимы. Крестьянам сеять пришлось мало, до самой зимы на подводах были.

В ноябре месяце сделали переворот. Перебили всех офицеров. Ново-Кускове и Сергеевском, в деревнях сделали переворот. Перебили их начальник Гончаров и Лупков с партизанами.

И пошли наступление на Томск.

Дал Гончаров команду перехоронить наших всей деревней. В Казанке сделали 13 гробов и покрасили черной краской. Несли по всей Казанке на кладбище. На Красную площадь приезжали старики партизаны из Ново-Кускова.

Вечная память нашим Крестьянам и Коммунистам.

Борьба была за интернационал, за программу Ленина, и за Советскую власть.

Вот исполнилось уже 48 лет. Разбудить бы их, и они посмотрели бы на нашу Родину и Советскую власть, на строительство, на города и трактора.

На память о наших 13 большевиках для музея города Томска.

*Писал брат
Ильи Рассторгуева
Павел Рассторгуев.*

Николай ЛУГИНОВ,
народный писатель РС(Я)

Кюёх Ары – маленький уголок Большого Мира

(Повесть четвёртая)

1. ОКОЙ – ХОЗЯИН КЮЁХ АРЫ

Кюёх Ары означает «зеленый остров». И к этому ничего не надо добавлять. Стоит лишь оглянуться вокруг – и сразу оценишь, насколько этот «остров» отличается от пустыни. Расположен он на южном краю Саракумов¹. В пустыне ничего не может так радовать, как долгожданный островок спасения у воды. Оазис Кюёх Ары – этот поистине «райский уголок» – приютился в устье небольшой речки, сбегаящей с отрогов Куньлуня.

Речка эта, как и другие в этих местах, бесследно исчезает на самом краю пустыни, уходя в пески у подножия огромных барханов, которые, кстати сказать, и заслоняют ее от глаз жаждущих прохлады путешественников. Со стороны пустыни почти невозможно найти эти места. Слишком немыслимым чудом казались слухи о находя-

¹ Саракумы – Южные песчаные пустыни (букв.).

щемся где-то здесь устье небольшой речки, и караваны часто проходили мимо. В Кюёх Ары попадают или случайные путники, или точно знающие дорогу.

Окой – единственный хозяин Кюёх Ары, прожил здесь безвылазно всю свою жизнь. Когда-то давным-давно, придя с севера Саракумов, в этом оазисе обосновались его родители, изгнанные за что-то из своего рода Харатай². Упомянуть в разговорах причину отъезда, как крайне нежелательную тему, они избегали даже между собой и, тем более, с детьми. Обычно, изгнание из рода – одна из крайних мер наказания. Явно, что совершили они нечто неблагоприятное.

Уже в Кюёх Ары у них родились два сына – Окой и Окун. В «райском уголке» они прожили счастливую жизнь.

Говорят, что в те далекие времена по многочисленным притокам речки безбедно жило мно-

² Харатай – Северные дядья (букв.).

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

жество семей, содержа скот, занимаясь охотой и рыбалкой. Но затем случилась беда: в паре кёс западнее оазиса рудознатцы обнаружили в горах нефрит, особо ценимый в Китае. Позже выяснилось, что горы оказались богаты и другими редкими самоцветами. А в завершение всего нашли здесь и золото. Рудокопы очень скоро основали там город Саратай³, куда со всех концов стали стекаться людишки, желающие быстро и легко разбогатеть. С тех пор в Кюёх Ары не стало покоя от разбойников всех мастей. Даже если ты не добывал никаких драгоценностей, угроза быть убитым или ограбленным оставалась вполне реальной. Постепенно – из-за постоянного страха – жители Кюёх Ары переехали кто куда. Один Окой остался.

И жил Окой из года в год по заведенным однажды правилам. Похоронил отца и мать, успел жениться. Двух дочерей подарила ему жена. Но счастье его длилось недолго. Однажды, вернувшись с охоты, Окой не обнаружил дома свою семью. Видимо, забредшие в Кюёх Ары разбойники увели их с собой для продажи в рабство. Поиски не принесли успехов.

С тех пор от них не было никаких вестей. Сгинули бесследно. Был бы кто из них жив, наверняка дал бы о себе знать. В тех краях хуннов много. И караванщики часто там бывают. Сколько раз он упрасивал их порасспрашивать о семье в Китае. Купцы объясняли бессмысленность поисков, в один голос отвечая, что искать там человека бесполезно – слишком много в тех краях людей, муравьев в муравейнике меньше.

Окой в одиночестве продолжал жить у себя в Кюёх Ары – тише воды, ниже травы. Хорошо, что, благодаря высоким барханам, все подступы к заповедному местечку были надежно сокрыты от постороннего взора. Знающие люди могли сюда добраться только зимой, летняя жара перекрывала все пути.

Основной скот Окой привык держать подальше от посторонних глаз. Отара из семнадцати овец, шести коз и четырех верблюдов паслась сама по себе в недоступном месте.

И хотя скот пасся сам по себе, но, конечно,

³ Саратай – Южные дядья (букв.).

под приглядом. Каким-то образом удалось Окою приручить двух матерых волков. Они ревностно охраняли скотину, не подпуская к отаре других хищников – ни четвероногих, ни двуногих. Особенно любили волки гонять лисиц – любительниц до новорожденных ягнят. Сами «серые охранники» за год съедали обычно не более двух самых слабых овечек.

В Кюёх Ары Окой держал в основном птицу: уток, индюков и фазанов. Если требовалось еду приготовить – всё под рукой. А для отвода глаз и прокорма путников двух-трех баранов и трех коз для дойки было вполне достаточно.

Уважать путников, неважно, кто они – торговцы или разбойники, надо. И это даже выгодно... Если бы ему нечем было угощать их, то разбойники давно бы его убили. А так получается, что присутствию Окоя им полезно, поэтому из расчета, что и впредь он может им понадобится, они его поддерживали, иногда оставляя что-нибудь из награбленного. Постепенно у Окоя накопилось множество ковров, тканей, летней и зимней одежды.

Иногда благодарные торговцы одаривали его дорогими китайскими шелками. Окой всякий раз, глядя на подарки, с тоской думал о пропавшей жене и дочерях: «Вот бы они радовались такой красоте, да не суждено». Ему незачем было хранить шелка, и он выменивал их на ослабевших лошадей и ослов, которые, не будучи обменены, всё равно пали бы в дороге.

Вспоминая о пропавших близких, он иногда думал, что в нынешние лихие времена им всё равно не дали бы здесь спокойно жить. Если они живы и как-то сумели устроиться на новом безопасном месте, может, это и к лучшему. Он, Окой, не смог бы их здесь защитить.

Так и пролетела день за днём его жизнь. Заезжие купцы-караванщики одаривали его из благодарности или в оплату его услуг, разбойники же, верные себе, забирали всё, что им понравится, да и прочее, на глаза попавшееся, заодно. Никакой жизни не стало теперь в Кюёх Ары. Окой не то чтобы привык, а приучил себя смотреть на все эти события, как на посланное ему Свыше. Ограбят – особо не расстраивается,

одарят – принимает спокойно, воспринимая как привычную обыденность, словно листопад или взошедшую на прокорм скота траву в поле.

2. БРАТЬЯ

Внешне братья были не похожи друг на друга.

Окой – чернявый, небольшого роста, медлительный в мыслях и движениях молчун. Окун, тремя годами младше брата, выглядел как белый хунн: светловолосый, рослый, был быстр в движениях, к тому же – краснобай. Еще при жизни родителей ему стало тесно в родном Кюёх Ары, и лет четырнадцати ушел он из дома с очередным караваном. Много лет уже минуло с тех пор, а вестей о нём нет как нет. Окой смирился с мыслью, что брат, как и его жена с дочерьми, сгинул в чужих необъятных просторах.

Каково же было его удивление, когда несколько лет назад, осенней ночью, Окун неожиданно вернулся в его жизнь.

– Окой, не бойся, это я, твой брат Окун...

Окой сразу узнал его по голосу, но в первые мгновения опешил, ибо искренне давным-давно считал брата покойником.

Оказывается, Окун служил в хуннских войсках при армейском обозе, где занимался всяким хозяйственным снабжением.

Пришел он к нему в тот раз тайком от хуннов. Отсюда Окой заключил, что брат скрывал от них место своего рождения. Да и то, что он, хорошо знающий эти места, выбрал не самое удобное место для ночевки – войско стало лагерем выше по течению реки, – говорило о многом. Значит, он не хотел, чтобы спутники узнали о его истинных корнях.

Это почти не удивило брата. Окой хорошо помнил, что там, где появлялся Окун, всегда появлялась какая-то тайна. Настоящая или выдуманная – трудно сказать, с раннего детства у него была склонность одно выдавать за другое, чтобы в итоге что-то для себя выгадать. Не прочь он был прихвастнуть и приврать, хотя, насколько помнил Окой, особо это ему не помогало. Даже,

наоборот, будучи уличенным во лжи, он попадал в разные неприятные истории.

Бедный Окун! Он всегда был недоволен тем, что есть. Всё было ему не по душе: и родина – Кюёх Ары, и родители. Он всё куда-то стремился – к иному далекому, непознанному, придуманному.

И надо же, как бывает в жизни – удача, ни с того ни с сего, возносит таких людей высоко. Правда, случается это на короткое время, а затем, так же неожиданно, сводит на нет все их достижения. Кто бы мог подумать, что Окун станет правителем знаменитого Саратае?

Три года назад один караванщик рассказал Окой, что в Саратае – после очередного переворота – правителем стал какой-то Окун.

Окой от неожиданности лишился дара речи. Не из зависти не обрадовался он успеху брата, а всем существом своим почувствовав животный страх от понимания, что и это добром для него не кончится. В тот миг он догадался: главное, чтобы сейчас и потом никто не узнал о его родстве с новым правителем, который вряд ли усидит в своём кресле даже год.

Конечно, была у него смутная надежда, что это не его брат, а другой какой-нибудь Окун. Имя-то распространенное. Но со временем он убедился в худших предположениях – это был его родной брат, любящий приврать для красного словца, напустить туман на всем известные события, обмануть излишне доверчивого. В этот раз, видимо, его обман удался, и до поры до времени он стал правителем.

Окой не сомневался, что это долго не продлится. И, предчувствуя неминуемую беду, стал ждать, когда и чем закончится эта новая братова затея, со вниманием слушая рассказы заезжих караванщиков о делах в Саратае.

Как ни странно, Окун сумел усидеть почти целых два года, что, по меркам разбойничьего Саратае, очень даже долго. За это время в Саратае появилось подобие порядка. Жители зауважали нового правителя, каждый, как мог, выражал ему свою преданность и благодарность.

Возможно, излишне загордился Окун и расслабился, поверив льстивым похвалам в свой

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

адрес, и не заметил, как за его спиной ближайшее окружение, привыкшее безнаказанно воровать, начало готовиться к новому перевороту.

По случайному стечению сложившихся в его пользу обстоятельств, Окун сумел избежать предательского кинжала в спину. Бросив накопленное, он ухитрился скрыться, тайком добравшись до своего скакуна.

Тогда у поверженного правителя Саратая не оказалось никого на земле ближе и надежнее, чем брат Окой. Потому направил он лошадь свою в сторону Кюёх Ары. Днем прятался в укромных местах, а по ночам ехал. Свои-то места он ещё не забыл.

Окой совсем не удивился, увидев измотанного дорогой брата. Ничего не спросил, первым делом дал Окуну утолить жажду напитком из кислого козьего молока, затем, приготовив ему постель, уложил спать. Всё было и так ему ясно, а утро вечера мудренее.

А с утра пораньше переправил его на каменный остров посреди реки. Никто бы не догадался, что на недоступной скале с отвесными берегами может быть тайный лаз, который вел в довольно просторную пещеру.

Окун больше всего удивился тому, что брат – человек темный, ничего не знающий о мире, кроме ближайших окрестностей Кюёх Ары – каким-то удивительным чутьем заранее знал, чем закончится его головокружительный, но кратковременный взлет. Не просто знал, но и ждал его, подготовив надежное убежище, где Окун впервые за всю свою бедовую жизнь ощутил себя в полной безопасности. Оказывается, чувство покоя намного дороже, чем преходящее ощущение безграничной власти и могущества. И этот покой ему устроил его брат Окой, который для Окун всегда был никчемным, бесполезнейшим, ни к чему не пригодным человеком.

Признаться, он всегда относился к нему с пренебрежением. А оказалось, что Окой умён и проныцателен. Сумел же он, живя вдали в полном неведении обо всех его передрагах и не зная истинного хода событий, тем не менее, всё заранее рассчитать и подготовиться к встрече.

Удивительно... Надо было вернуться Окуну

домой, чтобы понять, что истинное положение вещей виднее издалека, откуда, казалось бы, никаких подробностей не видно и не слышно.

А сколько у него – теперь уже бывшего правителя – было образованнейших, разумющих грамоте многих народов, объездивших весь мир советников. И они ничего о готовящемся перевороте не подозревали и не знали! А этот никчемнейший, на первый взгляд, крестьянин и скотовод Окой, совершенно косноязычно выражающий свои мысли даже на родном языке, каким-то невероятным образом знал... и подсознательно всё предвидел.

Советники же изучали дела, во всё вникали, постоянно тесно общались с людьми, которые тайно от них сумели организовать свержение Окуну... И в конце концов, как бы в наказание за свою «слепоту», сами оказались убиты...

3. ОКОЙ

На другой день Окой приготовил для брата знатный ужин, по такому случаю зарезав гуся. Окун покинул своё каменное убежище, и братья «пировали» вместе впервые за много лет, говорили по душам, вспоминая родителей, давным-давно отошедших в мир иной.

– Да, дорогой мой брат! Теперь тебе надо быть постоянно начеку. И не стоит так вольно вести себя, – с грустью вымолвил Окун.

– Почему это? – недоуменно спросил Окой.

– Я думаю, не позже завтрашнего дня сюда придут ищейки. Они станут выспрашивать у тебя, не проезжал ли кто?

– Не понимаю, для чего им тебя преследовать, ведь они уже захватили власть?

– Им надо удостовериться, что я мертв и больше не зарюсь на трон.

– Зачем? Чем ты – беглец – можешь им угрожать?

– Они уверены, что у меня в тайниках спрятаны несметные сокровища. Из-за них они и свергли меня. А если у меня есть деньги, то я смогу нанять войска и вернуть себе трон.

– Смешно и одновременно грустно мне думать об этом. Скажи тогда, почему они так считают.

– У кого подленькая душонка, тот видит во всех те же изъяны и боится даже тени своей.

– А ты нигде ничего не припрятал на черный день? – простодушно спросил Окой.

После этих слов брата Окун изменился в лице.

– Нет!.. Потому что я, дурак, наивно думал, что сел на саратыйский трон надолго, почти навсегда... А что получилось, ты знаешь. Если бы я тогда допускал подобное развитие событий, то, конечно, смог бы припасти кое-что на черный день. Ты представить не можешь, какими богатствами я распорядился... Ты не представляешь!..

– А зачем мне это представлять... – хладнокровно усмехнулся Окой. – Все равно ничего этого теперь нет, а значит, и не было вовсе.

– Как это не было? Было! Еще как было! – разгорячившись, выкрикнул Окун.

– А какой прок от твоего крика? Кричи не кричи – нет сейчас у тебя с собой ни гроша, вон одна лошадь пасется. Значит, ничего не было. Совсем. Никогда... Сон это...

– Да, резонно рассуждаешь, – печально промолвил Окун. – Правильнее и проще жить мне теперь именно с такими мыслями. Я – никто и ничто. Пойду к себе. Спасибо за ужин. Не по себе мне что-то. Так и кажется, что с минуты на минуту погоня прискачет. Днем больше не приду. Ночью будем видеться.

– Ну, смотри, как знаешь. Хотя так далеко вряд ли кто забредёт, – сказал Окой, ему искренне стало жаль брата, и он попытался немного успокоить его: – Да и найти нас не просто, ты же знаешь.

«Бедный Окун! Какое же у него самомнение! Даже в случае с погоней он уверен в своей значительности и исключительности. Какая может быть погоня за ним? Кто решится проникнуть в пустыню так далеко? Если и пытались найти и догнать его, то, скорее всего, в ближайших окрестностях Саратая. Да, наверняка, там же и бросили это безнадежное дело. Главное ими сделано, они захватили власть. А кому нужен беглый бывший правитель? И вообще, глядя на него нынче, трудно поверить, что он был правителем Саратая. Может, придумывает? Был каким-нибудь

десятым помощником настоящего правителя? Любит он прихвастнуть. Весьма возможно... Да что теперь говорить об этом! Сейчас можно только пожалеть его, как человека, попавшего в беду».

Но совсем скоро опасения Окуна подтвердились: прискакали трое на взмыленных конях, вооруженные с ног до головы. Настороженно осмотрелись, исследуя окрестности, и, не найдя никого, кроме одинокого Окоя, спешившись, привязали лошадей в тени деревьев.

– Кто ты? – строго спросил старший усатый воин.

– Окой.

– Давно здесь обитаешь?

– С рождения.

– Тут никто не проезжал?

– Бывает, проезжают. Но не часто.

– И кто же это?

– Недавно караван с севера проходил.

– Это когда? Сколько дней прошло, помнишь?

– Конечно, помню, у меня гости – большая редкость. Двенадцать дней назад был большой караван, около семидесяти навьюченных верблюдов и серьезная охрана.

– И всё? Одинокий путник не проезжал?

– По этим местам одинокие путники не ездят, слишком опасно.

После этих слов усатый задумался, на мгновение потеряв к Окою интерес. Затем, что-то высчитывая про себя, спросил:

– Отсюда до Саратая сколько?

– В китайских ли примерно двести сорок, а по хуннским меркам – двенадцать кёс.

– О-о, прилично мы проехали. Мне кажется, достаточно, – не замечая Окоя, казалось бы, разговаривая сам с собой, произнёс вслух усатый. – Он, наверное, где-нибудь околел по пути. Пора нам обратно. Во время дележа власти надо быть поблизости... А мы в такую даль забралась...

Эти слова Окой услышал четко. Он сразу понял, о ком шла речь, но сделал вид, что ничего не расслышал.

Тем временем усатый, продолжая о чем-то размышлять, ходил, заложив руки за спину. Затем, неожиданно остановившись, задержал дол-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

гий взгляд на каменном острове. Окой испугался не на шутку, опасаясь, а вдруг Окун чихнет или неожиданно выйдет из пещеры. Но обошлось.

Усатый окликнул своих подчиненных, успевших напоить коней. И они, вскочив в седла, шагом, будто никуда и не спешили еще недавно, тронулись в обратный путь.

Окой на радостях сразу же хотел окликнуть брата и рассказать ему обо всём, но, опасаясь возвращения погони, удержался.

4. ОКУН

Окун, заметив трех всадников, сразу понял, что гости эти явились по его душу. И будто въевшись услышал речи глашатаев на площадях: «Догнать беглеца и схватить, где бы он ни был. Найти его – живого или мертвого. Доставивший его счастливец – получит сто золотых монет...»

Так, примерно, должно было звучать одно из первых распоряжений «преемника» Бадая – предателя, севшего на место Окуна. Окун наивно полагал, что поднятый им из самых низов, можно сказать, из грязи, человек будет вечно благодарен своему покровителю, станет вернейшим его помощником. А на деле Бадай, пользуясь безграничным доверием Окуна, организовал переворот. И вот уже занял его место...

Окун сразу узнал усатого всадника из своей охраны. Он отличался особенным усердием и подобострастием. Лишь завидит своего правителя – в струнку перед ним вытягивался. А теперь прискакал в такую даль за его же головой. Смотри, как старательно ищет следы, высматривает. Должно быть, весь измечтался об обещанных ста золотых, если ради них не остановился перед предательством. Окун и не подозревал, что у этого человека никогда не было никакого понятия о чести, совести, истинной преданности делу и службе. Даже не найдя его самого, голову «его» – якобы доподлинного Окуна, – нарочно обезображенную, эти негодяи старательно доставят ко двору с превеликим удовольствием.

Да, возможно, еще и не одну. И будут оспаривать друг у друга, чья – «самая настоящая». Множество несчастных пострадает только из-за похожих рыжеватых волос. Ничего не подозревая, подвернутся им под руку – и даже понять ничего не успеют, а уже будут убиты.

С горечью вспомнил Окун, что два года назад, сев на трон, он сам долго выбирал себе приближенных, сомневался, внимательно присматривался, и вот кого, в итоге, оказывается, предпочел: таких подлецов приблизил, каких еще поискать!

В оправдание себе можно сказать, что не из кого было выбирать. Теперь он понимает, что иногда нельзя узнать порядочного человека в толпе подлецов. Но почему тогда он не догадался об этом?

Бедный-бедный Саратай! Кого ни возьми – все с двойным или тройным дном. Ни на кого нельзя положиться. Словно кто-то с умыслом каким подбирал их и отправлял в этот край – подлец на подлеце сидит и подлецом погоняет. Замкнутый круг получается.

Окун печально вздохнул, поймав себя на мысли, что и сам хорош... Каким образом он сам взошел на трон? Конечно же, нечестным. И только сильно снисходя к себе, можно назвать эту скользкую дорожку – просто «неправедным путем». А как иначе было прийти к власти? Иначе – никак.

Окун вдруг припомнил, что его несказанно поразили хуннские нравы в годы службы в их армии. У них самое ценное – доброе имя. Оно лучшее наследство, потому ценится дороже жизни. Не дай бог оставить после себя хоть малейшую тень. Беда будет преследовать весь род.

В их среде почти совсем не бывает не то что обычных раздоров, но даже малейших недоразумений. Непонятным образом исключены даже понятия воровства, обмана, хитрости, подсиживания, недоброжелательности. Все довольны своим положением, местом в обществе.

Но всё это хуннское общественное великопение совсем не понравилось Окуну. Ему казалось, что в их мире, как в глубокой пещере – спёртый, застоялый воздух, словно всё застыло, потому

что нельзя проявлять предприимчивость ни в чём. Разве что в бою. Но воевать Окун боялся и попросту не умел.

У хуннов человек на одном месте, при одной должности может служить десятилетиями, словно забытый всеми, и не смеет он проявлять недовольство своим положением, полностью положившись на волю начальства. А ведь жизнь идет. И человеку хочется побыстрее воплотить в жизнь свои желания, испытать доселе невиданное.

Ему всегда хотелось чего-то нового. Поэтому Окун покинул хуннов...

Там такие, как он, утерявшие родовые связи, вызывают недоверие. У хуннов родовая принадлежность – главное таланта и врожденных способностей. Там род является главным стержнем государства, поручителем благополучия лично каждого.

С одной стороны, вроде бы хорошо иметь защиту, заступничество, но с другой – дамокловым мечом нависает огромное количество обязанностей перед родом. Хунн очень ограничен ограничением личной воли, из-за этого постоянно ощущает себя повязанным по рукам и ногам.

Недаром после хуннской службы Саратай показался для него очень привлекательным. Порадовался Окун, прежде всего, вольнице: делай что хочешь, живи как желаешь, и никто тебе не указ. Что бы ни совершил, если успел улизнуть или сумел вывернуться – всё с рук сойдет, словно ничего не было. Ты – герой. Ты – свободен и, главное, ни перед кем неподотчетен.

Да и Окун по складу своего характера и юркости натуры тоже понравился саратайцам. Легко и быстро он сходил с нужными людьми, не только с лёгкостью находя общий язык, но и без всякого напряжения решая свои дела, никому не принося неприятностей. А как он умел заводить новые знакомства!

Сначала Окун устроился в охрану караванов. Благодаря слуху о службе в хуннской армии, ловко пущенному им же самим, быстро выбился в начальники. Он же со временем удачно устраивал и ограбления этих караванов, благодаря чему довольно быстро сколотил состояние. Но

до того, как о его темных делах могли прознать, успел отойти в сторону и заняться торговлей.

В Саратае время текло быстрее, чем где-либо – подобно щепкам несло его жителей в бурное течение жизни. Только успевай ввязываться в прибыльные дела да уворачиваться от разных бед. А справляешься – значит, ты в короткий срок сможешь достичь того достатка, которого в других местах люди не достигают и за всю жизнь.

Постепенно Окун стал вхож в круг самых богатых людей Саратая.

В тот период в Саратае каждый год, иногда даже дважды, происходила смена власти. Почему-то это всегда случалось осенью или весной, перед караванными сезонами, когда наступало время отправлять в Китай добытые за летние или зимние месяцы драгоценности.

При каждом перевороте всех бывших правителей и их помощников обезглавливали, если, конечно, они не успевали убежать, а новые хозяева делили между собой и государственную казну, и имущество казненных.

Теперь Окун понимал, что странным образом главные организаторы переворотов каждый раз оставались в тени. И так постоянно.

Окун весьма критически со стороны наблюдал за очередными потугами дорвавшихся до власти, подмечая их промахи и ошибки, про себя думая: «О, я бы так никогда не сделал. Я-то...»

Но вот настал тот самый главный день, когда самые солидные и уважаемые люди Саратая обратились к нему торжественно и с почтением:

– Дорогой Окун! Слезно просим – спаси Саратай и вместе с ним всех нас. Нам надоела эта катавасия. Кроме тебя никто не способен навести порядок в государстве. За тобой хуннское могущество, гарантирующее нашу безопасность. Спаси нас, и мы будем верой и правдой служить тебе.

Бедный Окун! Ведь он давно понял, что нельзя ни в коем случае доверяться сладким речам и пустым посылам этих прохиндеев, погубивших столько доверившихся им правителей.

Но, зная это – о, человеческая гордыня! – он всё равно согласился.

Видимо, потому, что уже давно сам ожидал

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

от них именно этих слов, сам хотел им поверить и – поверил!

Как всякий самонадеянный новичок, он думал, что у него-то сложится всё иначе. Да куда там...

Всё, что ему действительно удалось сделать – усидеть дольше предшественников. Почти два года он правил, наслаждаясь своим могуществом. Но печальный итог все его достижения стёр в пыль.

5. ОКОЙ И ГУРГАН

Когда всадники отправились восвояси, Окой понял, что на этот раз беда миновала.

Как хорошо, что Окун позавчера, предвидя погоню, сразу попросил брата спрятать где-нибудь подальше его лошадь. Окой успел увести ее вверх по реке за ту крутую излучину, где в укромном, почти недоступном случайному путнику месте, пасутся его семнадцать овец, шесть коз и четыре верблюда. Стреножив коня, он выпустил его пастись на косогор, обильно поросший травами. Прежде чем отпустить уставшее животное, Окой долго его обтирал, чтобы пропитать своим запахом. Это был своего рода обязательный обряд для новичка в стаде, иначе старая волчица, обосновавшаяся в этих краях около десяти лет назад, не подпустила бы к своим подопечным. Она усердно отгоняла бродячих волков и прочих хищников. Сама же брала свою долю только в самое голодное время – по одной ослабевшей овце каждой весной, и еще – раз в два года, когда у нее самой появлялись волчата.

Чаще всего Окой носил ей остатки пищи со своего скудного стола, лишь после гостей перепали куски посытнее.

Окою не понравилась слишком вышколенная, породистая, умная лошадь... Всем своим видом она была здесь чужой... Он не сильно разбирался в лошадиных достоинствах, но почувствовал, что она какая-то особая, поэтому, как всякая слишком дорогая вещь, поневоле вызывающая зависть и жажду обладания, является источни-

ком опасности. Было бы правильным держаться от нее подальше.

В памяти вдруг возник образ Гургана – предводителя небольшой местной банды, промышленно грабежом случайных путников. Крупные караваны хорошо охранялись и были им не по зубам. Гурган! Вот кому бы понравилась эта лошадь... Как раз по душе его пришёлся бы подарок.

И мысль эта посетила его не случайно. Хозяин Кюёх Ары был благодарен Гургану, тот его никогда не обижал. Правда, если бы у Окоя было, что грабить, неизвестно, как бы он себя повел. Давным-давно его бандиты увели у Окоя стельную козу, Гурган заставил их вернуть ему аж двух. Откуда они их достали, осталось тайной. Ведь поблизости людей не было.

Гурган и его люди четко знали о любом передвижении в этих местах, потому они, несомненно, должны были заметить, как он отвел сюда лошадь. Если так, то главарь скоро заявится.

Но как он объяснит им, каким образом ему досталась такая невиданная здесь прежде дорогая лошадь? На таких только правители могут позволить себе ездить. Он догадается, что кто-то тайно приехал в Кюёх Ары и спрятался. А тут еще и погоня объявилась – их-то они точно засекали. Поэтому его надо задобрить. Но чем? Об этом Окой уже успел подумать.

Такие люди чрезвычайно осторожны и не любят непонятных вещей – человек приехал и пропал, а лошадь осталась. Неизвестность эта явно влечёт за собой опасность и для них.

Окун понимал, что разбойники больше бояться не саратайцев, те – свои люди, такие же разбойники, как и они, с ними всегда можно было найти общий язык. Опасаются они хуннов – с этими суровыми вояками не договоришься. Они, как главные держатели порядка во всей империи, через каждые два-три года отправляют в эти края свои отряды, которые выслеживают разбойников по всем караванным путям.

Предположения Окоя сбылись. Назавтра он услышал с другого берега назойливый условный птичий свист и сразу догадался, что это пришел Гурган.

– Ну что, хозяин, какие новости? – спросил тот, когда Окой по каменистому броду переправился к нему.

– Недавно приезжали из Саратая трое. Похоже, кого-то выслеживают.

– Странно. Кого же они могут выслеживать в такой дали? Наверное, важную птицу.

– Да кто их знает, – вначале уклончиво ответил Окой, но затем сказал придуманное заранее, переведя разговор в нужное ему русло: – Я тебе подарок приготовил. Не простой, а знатный. Только не выпытывай, откуда он.

– Да? – глаза Гургана загорелись жадным огнем. Это говорило о том, что он уже успел поглядеть на лошадь. Это был человек, многое испытавший и повидавший, потому – мало что ценивший. Но в этот раз от слов Окоя он совершенно изменился в лице.

– Да... Подфартило мне, Гурган. Но лично мне этот фарт ни к чему. А вот тебе – пригодится. Заедешь к моей отаре и сам увидишь.

– Ну, дорогой, ты меня заинтересовал своим подарком, – вдруг до странности смущенно сказал Гурган. Вот уж от кого это было странно даже ожидать.

– Подарок мой – редкой породы лошадь. Три дня назад прискакала... без седока, – сознательно сделал паузу Окой.

– Да? Махтал⁴... Я сумею тебе отплатить.

– Ты же знаешь, Гурган, мне ничего не надо в этой жизни: ни денег, ни богатства. Я ценю только безопасность, которую ты мне обеспечи- ваешь. Надоело трястись перед каждым прохо- димцем, но куда больнее – ожидание возмож- ного унижения.

– Пока жив, я буду благодарен тебе, Окой. Та- кой конь – это же моя самая сокровенная мечта, – разоткровенничался Гурган и прослезился от волнения.

Такой нежданной открытости Окой очень удивился, потому что Гурган был чрезвычайно сильным и довольно жестоким человеком, не склонным к проявлению каких-либо «нежных» чувств. Всё его существо состояло из постоянной злобной враждебности – как из клубка змей –

⁴ Махтал – спасибо.

из-за множества обид, накопленных с детских сиротских лет, когда он мыкался по Саратаю, побираясь и выпрашивая себе кусок на пропита- ние...

Может, в каких-нибудь иных краях сироту пригрели бы, пожалев. Но саратайские нравы были крайне жестоки к слабым, они уважали только сиюминутное превосходство, силу и бо- гатство. Слабых – при первой возможности – по- рабощали, в лучшем случае просто гнали прочь.

Беспомощный сирота копил в душе все жиз- ненные обиды как некую драгоценность. Он изо дня в день начинал свое утро клятвой – со временем отомстить всем обидчикам, и черная злоба в итоге взрастила его жестокий нрав. Чуть подрос, сразу стал воплощать в жизнь свою меч- ту о беспощадной мести, промышляя разбоем на дорогах.

Затем женился, появились дети, и начал он жить по-человечески в одном из тайных бандит- ских становищ недалеко от караванных путей. Но однажды всё разрушили хуннские летучие отряды, которые очищали пути от разбойников. Они нашли это поселение и казнили всех жите- лей.

Таким образом, Окой с Гурганом, лишившись семей, оказались друзья по несчастью.

Если разобраться, это горькое сходство судеб делает людей намного ближе друг к другу, чем кровное родство.

Получается, что Окою Гурган ближе и роднее брата Окуна. Окой глубже понимает Гургана, чув- ство жалости к нему острее, а к Окуну – полное безразличие.

К тому же, Окун вспомнил о брате и вернулся в родные Кюёх Ары только потому, что не оказа- лось у него другого надёжного убежища.

6. ПРАВИТЕЛЬ ОСТРОВА САРТАС

Окун из своего убежища видел, как к реке, крадучись и озираясь, подходил черноволосый сухопарый человек, и насторожился, посчитав его за соглядатая. Человек исчез в прибрежных зарослях и оттуда несколько раз свистнул по-

птичьей. Это услышал Окой, суетившийся у коистра, и сразу направился к тем зарослям.

Но почему Окой не боится его и идет на условный свист? Значит, они очень хорошо знакомы. Но тогда почему он не приходит к нему открыто? Он прячется от людей. Честный человек не станет прятаться. Значит, он – беглец. Вот так-так... Наш Окой не так прост, как кажется.

Смотри-ка, у него есть еще и какие-то тайные связи, о которых он не рассказал Окуну. Впрочем, это совсем не странно. Почему он должен раскрывать ему все свои секреты? Они не виделись много лет и стали почти чужими. Он – не обязан... Ибо брат никогда не был его подданным. А ныне скорее он – Окун – подданный брата.

Окуна неприятно удивило, что он, оказываясь, по-прежнему продолжает считать себя правителем Саратая, думая, что ни у кого из подданных от него не должно быть секретов. Любопытный секрет он продолжает считать заговором против себя, а значит – против его власти.

На деле сам он такой же беглый, прячущийся ото всех, как этот чернявый. А может, он, как и я, беглый правитель? Всё может быть. Земля велика и, должно быть, много на ней маленьких государств, подобных Саратаю.

***

Окун из-за невозможности выйти наружу и любопытства стал обследовать свои новые владения. Оказывается, Сартаас имел обширные подземные коридоры, почти все из них выходили к воде. Еще он обнаружил два довольно просторных зала – один почти безукоризненно круглый, другой овальный, где можно было проводить заседания примерно человек на пятьдесят-шестьдесят. Стены из разноцветных камней были гладкими, обточенными многовековым течением вод.

Его удивляло то мастерство и вкус, с которым великолепие это было обустроено, словно всё создавал незаурядный мастер каменных дел. А ведь сделала всё – всего лишь вода!

Теперь в этих залах ему можно было, не выходя наружу, посидеть на солнце, погреться в тепле

или в тени, где приятно потягивало прохладным речным воздухом через длинные коридоры. Окун нашел и еще две пещеры, одну – поглубже, где было тепло и тихо, а другую – повыше, с воздухом посвежее. В них можно было соорудить спальни: зимнюю и весеннюю. Его удивило и то, что он в юности ничего не знал про островные пещеры. И даже на остров они никогда не переправлялись почему-то.

– Настоящий дворец! Дворец, а вовсе не тюрьма.

Признаться, даже в Саратае, когда вся власть была в его руках, у него не было такого просторного жилища. Планы обустроиться у него были, но он не успел их осуществить.

Правду сказать, он почти ничего не успел. Два года промелькнули, как мгновение.

Окун, осваивая каменные палаты, был в восторге от своего нового места жительства. Заложив руки за спину, он медленно прохаживался по коридорам, то спускающимся к воде, то поднимающимся вверх, откуда наслаждался прекрасным видом на реку и Кюёх Ары.

«Хорошо бы теперь отдохнуть, успокоиться, подумать о душе», – вспомнил Окун слова У Хуана, помощника хуннского сегуна, с которым довелось ему близко общаться на службе у хуннов. Китаец следил за хозяйственным обеспечением армии.

Но думать о душе у Окуна почему-то не получалось, наверное, опасался невзначай вытянуть что-нибудь неприглядное из совершённого им на пути к богатству и к власти.

В настоящем его положении не до раскаяния. Со всех сторон покусывала его обида, она же заслоняла ему всё.

Да и как смириться и успокоиться, если всего неделю назад он был всемогущим правителем Саратая, подданные которого не овец и коз пасли, не рис и просо сеяли, а добывали в огромном количестве драгоценные камни, серебро и золото.

Одно его слово могло в одночасье обогатить последнего бедняка и разорить первого богача.

Власть у него была, считай, неограниченной, намного большей, чем у китайских императоров,

действия которых опутаны множеством правил и законов, ограничены судами. Даже хуннские саархааны вынуждены каждое свое действие согласовывать с главами родов, а поступки сверять со сводом родовых установлений.

А он – правитель Саратая Окун, мог сделать с каждым всё что угодно. У них не было законов, ограничивающих произвол властителя, и, тем более, при безродных подданных не существовали родовые связи.

Это ощущение неограниченной власти давало человеку глубокое, ни с чем не сравнимое удовлетворение от своей жизни и судьбы. Почти невозможно это понять, пока не ощутишь сам. Особенно усиливалось состояние счастья, когда видел, насколько люди вокруг беспомощны и слабы, всего и всех боятся, дрожа перед всяким. Что за скотская жизнь у них?!

А у него – Окуна, была настоящая жизнь. Была... несколько лет... полноценная.

Жаль, что он не успел ни насладиться ею, ни даже осознать всё её величие – теперь уже далеко и недоступной для него жизни.

Обидно!

Обида захлестывала, переполняла всю его суть...

Человеческая неблагодарность, подлость и предательство ближайшего окружения довели его до этого несчастья.

Сколько он вытащил из самых низов!.. Все предали, до единого все.

Но и сам хорош! Кого выбрал в помощники из сонма окружавших людей? Получается, что он сам выбрал последних подлецов, а думал, что вокруг него наилучшие. Жизнь показала, что его избранники оказались пошлыми предателями, и особенно выдающийся из них – его ближайший доверенный человек – Бадай.

Самым низким образом, оказывается, обманывал он его. Порой в душу Окуна закрадывались сомнения, но враньё Бадаю было слишком искусно, и он, сам того порой не желая, заглатывал очередную его ложь, как глупая рыба наживку.

Например, на праздниках перед великими застольями при большом стечении народа и вельмож Окуну преподносили на серебряных

подносах отрезанные головы его врагов, якобы врагов. Головы были настолько обезображены и облеплены мухами, что кто были на самом деле эти несчастные, узнать не представлялось возможным. А организовывалось это настолько торжественно и в хорошо подобранное время, что воспринималось всеми как высшая ступень, венец торжества. Но и «враги» были «якобы», и подчинённые – верны лишь своей подлости.

Своим зычным голосом Бадай гремел:

– Видите, как закончилась жизнь предателя, изменившего правителю Саратаю? Смотрите внимательно! Так было, так есть и так будет со всеми, кто против великого Окуна посмеет бунтовать! Потому что у нас, саратайцев, никогда не было и не будет подобного правителя – посланца Тэнгри!

Народ, слыша это, в страхе и в восторге падал ниц перед своим правителем и его помощниками.

Окуну, еще не успевшему привыкнуть к подобным почестям, становилось неуютно, но, если честно признаться, было и столь же приятно. Два эти чувства недолго уравновешивали друг друга. Лесть делала своё дело – удовлетворение от ощущения собственного величия побеждало.

Спустя год, когда он по сроку пересидел всех своих ближайших предшественников, он начал постепенно освобождаться от настороженности. Начинало ему казаться, что хвалебные речи и благодарное отношение к нему народа, в действительности замученного непрерывными грабежами, – было естественным и правдивым.

Куда бы ни поехал, народ бурно приветствовал его: «Уруй-айхал нашему спасителю и благодетелю!» Всюду стекались люди и бурно славили и благодарили.

А ему вроде бы и незачем было ставить под сомнение народную искренность, потому что, судя по всем докладам, жизнь простых людей улучшилась несказанно.

Только сейчас он понял, что его нагло обманывали, что вся эта «благодарность» ничего не стоила, народ, якобы прославляющий его, представляли особо обученные люди, как бы слу-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

чайно оказывавшиеся на пути. Простой народ никогда и не знал о времени и порядке его передвижений из-за перестраховки охраны, опасавшейся попытки убийства.

Окуна обвели вокруг пальца, а он охотно во всё поверил. Теперь от понимания своей слепоты становится еще горше. Так пошло, так просто можно облапошить только наивного глупца, каковым он и оказался.

7. Думы о Большом Мире

Окой был старше брата на три года, но Окун с ранних лет во многом превосходил медлительного старшего брата, оказавшись сообразительнее и языкастей, потому быстро научился изворачиваться и врать, обманывая сначала по мелочам. Продолжил же по-крупному, поняв, какую огромную выгоду можно извлечь из этого, если быть осторожным.

В судьбе человека все начинается с малого, так получилось и у Окуна.

В годы его детства возле их оазиса караваны ходили часто. С одним из них навсегда и ушел из родного дома двенадцатилетний Окун, и на долгие годы канул в неизвестность.

А Окой остался дома при старых родителях.

– Ты, Окой, слабак во всех жизненных вопросах, – говорил ему отец. – Надо тебе иметь смелость признаться в этом.

– А что мне даст признание своей слабости? – наивно спросил тогда Окой.

– Многое. Зная свои недостатки, ты реже будешь попадать в просак.

– Это почему? – удивление невозможно было скрыть.

– Чего тут понимать. Вот если бы ты увязался за своим братом, ты сразу бы погиб на чужбине, а он, я уверен – не пропадет, этот вывернется из любого положения.

– Не понял...

– Он умеет обманывать и притворяться, с таким талантом он избежит многих бед. А ты ничего такого не смеешь и помыслить.

– Странно мне, что вы его хвалите. Тогда почему, воспитывая нас, внушали быть честными, преданными, добрыми?

– Это хорошо только здесь, в Кюёх Ары, когда вокруг тебя, в основном, твои близкие или друзья. А в большом мире – всё наоборот. Там на добрых и честных воду возят, на их наивности и преданности ушлые люди строят свое благополучие. Поэтому ты отсюда никуда не вылезай, если хочешь дожить свой век спокойно и свободно. А уйдешь отсюда – сразу попадешь в рабство. Ты не сумеешь, как Окун, соврать, когда прижмут – извернуться в своих интересах так, что обман окажется на пользу.

– Но, ага⁵, это же неприлично.

– Конечно, с точки зрения ответственности перед Высшими силами – плохо. Но что делать, если внешний мир живет только по таким правилам? Выживать-то надо... – тяжело вздохнул тогда старый отец, понимая всю меру ответственности за подобные разговоры с сыном. – Мне стыдно перед Всевышним Тэнгри говорить такие непотребства сыну. Но я хочу, чтобы ты знал истину о Большом Мире... И чтобы это знание – спасло бы тебя.

– Значит, Большой Мир изначально порочен? А что же тогда Создатель? Как допустил он подобное?

– Замолчи, дурак малохольный! Я же говорил тебе... не лезть решать непонятные тебе вопросы. Вообще, все эти сложности не нашего ума дело. Пойми и, запомнив это, не задавай глупых вопросов.

– Ну, хорошо, если вы правы и Большой Мир страшен и ужасен для таких неумех, как я, тогда объясните, почему китайцы и хунны живут совсем иначе?

– Почему?.. А так и живут, сами по себе, соблюдая свои законы.

– Но законы их совсем другие. Как они уживаются в Большом Мире? Разве они тоже врут и изворачиваются? Как это мир на них влияет?

– Ты опять много лишнего хочешь знать! – отец бросил гневный взгляд на любопытного сына и покачал головой. – У китайцев за обман

⁵ Ага – отец.

сразу в рабство отдадут, а за воровство – и вовсе руку отсекут.

– О-о, ужас какой! Но правильно же делают!

– Иначе им нельзя. У них столько людей живет, что без таких жестоких наказаний их не удержишь в повиновении.

– А у хуннов как? Эти грозные воины, наверное, за воровство не руку, а голову отсекают?

– Нет... Всё иначе.

– Это как?

– У них вообще нет такого понятия, как воровство, а уж тем более – обман или враньё.

– Странно... Как это? – простодушно удивился Окой.

– Очень просто. Они отгородились от Большого Мира своей армией и живут сами по себе. Китайцы – по хорошо продуманным законам, а хунны – по родовым уложениям.

– Но они общаются с Большим Миром, вступают в разные переговоры, торгуют, обмениваются товарами. Почему их никто не обманывает?

– Они заставляют всех инородцев считаться со своими законами. А для этого нужна сила – непобедимая армия. Большой Мир считается только с силой, а всех слабых заставляет безоговорочно принимать его порочные нравы.

– Вот это да! – воскликнул Окой. – Значит, лучше всего сразу без сопротивления принимать нравы Большого Мира? Что и сделал наш изворотливый Окун. Иначе пропадёшь ни за грош. Как же быть – я совсем не умею изворачиваться, а тем более – обманывать.

– Поэтому и говорю, что лучше всего не высываться тебе за пределы Кюёх Ары.

– А мы, ага, родом из Харатая, да? – воспользовавшись добродушным расположением отца, спросил Окой.

– Да. Наш Харатай – один из небольших хуннских родов – намеренно перемешан со многими другими мелкими родами, не входящими в Хуннское государство. Харатайцы сейчас живут на окраине Большого Мира, летом кочуют по горным пастбищам, зиму проводят на окраине степи. Счастливый край! – и отец тяжело вздохнул, вспомнив давние годы.

– А тогда почему вы оставили тот прекрасный

край и переселились в Саратай? – Окой не мог остановиться, не так часто отец бывал с ним откровенен, потому и решился задать мучивший его вопрос. – Или вас изгнали из рода?

Отец, только что бывший в крайне благодушном расположении духа, вдруг рассердился и повысил голос:

– Откуда ты это взял? Сказал тоже: изгнали! Никто никого не изгонял... Просто молодые были, по глупости сорвались с насиженного места в поисках лучшей доли. Захотелось побыстрее разбогатеть... Вот и поперли за тридевять земель, не думая о последствиях... Дураки были... А ты – сын наш. Потому такой же тупой тугодум уродился.

Так, то ли в шутку, то ли всерьез закончил отец и, сердито тряхнув головой, ушел. Окой посмотрел ему вслед с жалостью. Они не часто говорили так проникновенно. И он своими глупыми вопросами рассердил его. Всегда он так... Умный бы не стал задавать вопросы, вызывающие такую боль у любимого человека.

Бедные его родители! Он вспомнил, как они в редкие вечера умиротворения с такой тоской и любовью говорили о покинутой родине, вспоминая поименно родных и близких, выстраивая мысленно их судьбы. Правда, почти всегда после этого оба расстраивались, а мать тайком от отца даже плакала.

Как бы ни был Окой «недалек», но и он сделал для себя вывод, что с Харатаем у них связана какая-то неприятная история, про подробности которой они предпочитают помалкивать даже в разговоре между собой.

Видимо, всё было совсем не так просто, как об этом говорил Окою отец.

Окуну вникать в события прошлого было неинтересно, из них нельзя было извлечь хотя бы малейшую выгоду. Он интересовался только тем, что можно немедленно использовать с пользой для себя.

А то, что братья оказались крайне разными даже внешне, пригодилось позже. Никто не смог догадаться, что они родные братья, это и спасло их.

Окой с малых лет знал, что брат, всё схваты-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

вающий на лету, быстро соображающий, относится к нему – в детстве медлительному, косноязычному и слабому физически – с крайним пренебрежением. Окой не обижался на его отношение, считая, что оно было справедливым.

***

Приготовив брату любимую им с детства утятину с просом, Окой, предварительно осмотревшись вокруг, позвал Окуня условным козлиным блянием.

Проголодавшись за день, «островной правитель» быстро и жадно ел, но неожиданно, остановившись, прослезился и с благодарностью посмотрел на брата. Окой даже опешил от неожиданности, подумав: «Что это с ним случилось? Обычно крайне расчётливый, сильный, властный и жестокий человек – обходившийся прежде без малейших «слюнявых» нежностей, никогда не дающий даже намека на возможную чувствительность, вдруг... заплакал как маленький мальчик, у которого нехорошие товарищи отняли игрушку. Как давно я не видел плачущего брата...»

– Они... Они предали меня! Все до единого – предали! Как же так? Я же столько добра им сделал, а они... Они...

Окунь будто захлебнулся от нахлынувших переживаний и замолчал. А Окой обнял брата и стал гладить его облысевшую голову. А когда тот немного успокоился, сказал:

– Зря ты обижаешься на них.

– Как это зря?! Они же!.. – опять вскинулся в обиду Окунь.

– Тебе самому от этих переживаний хуже станет. Забудь о них. Отвлекись от грустных мыслей о минувших ужасных событиях. Иначе обида отравит тебя, разъест изнутри. Постарайся забыть...

– Сказал тоже, забыть. Как такое возможно? Если бы не эти подлецы, сидел бы сейчас на троне, купался в богатстве, а не кормил комаров у твоего костра.

– Всё равно, постарайся отойти от своей беды. Что делать, случилось и случилось... Станешь и дальше нянчиться с болью – совсем пропадешь. И еще... Я, может быть, и глупее тебя, но знаешь, что я тебе скажу?

– Ну?

– Тебя почти наверняка должны были убить. Так? – в упор спросил Окой.

– Да...

– Твои предшественники – бывшие правители Саратая – живы? Где они сейчас?

– Всех убили. Одного – прямо на троне, двоих зарезали в постели, остальных – где застали.

– Вот! И тебя должны были убить, а ты жив. Не это ли повод для радости?

– В чём-то ты, брат, прав... – горько усмехнулся Окунь.

– Не где-то, а кругом прав, – сказал Окой, довольный, что сказанное им произвело на брата такое впечатление. – Это еще не всё, – продолжил он, осмелев.

– Что же еще?

– А то, что ты сумел в своей жизни осуществить мечту. Ты был самым настоящим правителем. Многие ли достигли такого? Я уверен, немногие.

– Да, это так, – всё с большим удивлением слушая брата, нехотя вымолвил Окунь. – Но ты пойми, я и сейчас мог бы сидеть на троне.

– Опять ты про своё! Забудь про это. Куда более страшнее другое – ты сейчас был бы вонючим трупом, а голова твоя пожиралась червями и мухами, пусть даже и на серебряном блюде. Вспомни, насколько зол и решителен был Лохматый, приезжавший за твоей головой!

– Да... Да... Да... – тише и всё неувереннее произносил Окунь, содрогнувшись от воспоминаний о своих ночных кошмарах, где были такими жутко правдоподобными отрубленные головы на подносах.

– С твоим возвращением я понял многое. Во-первых, хорошо, что ты и все остальные считали меня никчемным, бесполезным человеком. Я был настолько бедным, что никто даже не покушался ограбить или убить меня – им это не принесло бы никакой чести и выгоды. Во-вторых,

оказалось, что всё это происходило со мной на моё, а главное, на твоё счастье. Иначе ты бы нынче совсем пропал.

– Х-м... получается, что и тут ты прав, – печально промолвил Окун, осмыслив сказанное и решив перевести разговор на другую тему. – Ты, брат, очень хорошее укрытие подготовил, мне понравилось, прямо дворец какой-то! Неужели ты ждал меня?

– Даже не знаю... А безопасность твоя теперь только в твоих руках. Будь осторожен, могут опять нагряться.

– Отныне надо быть еще осмотрительнее. Махтал тебе, брат... Махтал! Я всегда пренебрегал тобой. А сегодня из твоих уст я услышал столько правды, сколько за всю свою жизнь от самых мудрых своих помощников не слышал. Мне же всегда все врал. Понимаешь, всю свою жизнь я прожил среди вранья... Горько это осознавать... Горько. Спасибо за правду.

8. Окун. Мысли в каменном дворце

Окун вернулся на Сартае весьма озадаченный разговором с братом. Для него он всегда был бесполезным человечком. А теперь Окой, всю жизнь не выходящий за пределы Кюёх Ары, ничего не знающий об окружающем мире, и которого он вообще считал недоумком, раскрыл ему многие жизненные вопросы по-иному – так на них он сам еще долго не решился бы посмотреть.

Главным было то, что всё его близкое окружение в Сартае – не только друзья, соратники, но и множество подчиненных: от важных сановников до самых последних прислужников – оказывается, всё время врало ему. А он, вроде как зная это, не придавал значения или считал совершенно безобидным приукрашиванием, без которого нельзя, которое стало как бы отличительным признаком высшего общества, где всё должно преподноситься в возвышенном виде. А природное, не подправленное рукою «мастера», воспринималось как пошлость.

Окун не без труда вспомнил, когда все вокруг начали ему врать. Оказалось, что сразу же, как только окружение почувствовало его влияние и появившуюся следом возможность пожить за его счёт. В то время он неожиданно для всех и себя самого разбогател. Ему удалось благополучно провести в Китай один за одним три каравана драгоценностей и там выгодно обменять их на китайские товары: шелк, зеркала, украшения и прочие мелочи, очень востребованные в Сартае. Тогда он за одно лето увеличил свое состояние в десятки раз.

Прежде всего Окун удивился изменениям в себе: он стал увереннее держать себя, разговаривать степеннее, а главное – всё время думал, как он выглядит со стороны.

Наверное, все это связано с резким расширением его возможностей. Вещи, о которых давно мечтал, как о чем-то далеком и недостижимом, вдруг стали доступными и даже обыденными.

Окун стал думать с размахом. Он понял, что перед ним чудесным образом раскрылись ранее наглухо закрытые двери, и обнаружились новые возможности. Незнакомые люди, признавая его силу и превосходство, начинали лебезить перед ним и угождать.

Удивительно было то, что Окун все эти перемены в себе замечал сразу, в душе всё вроде бы учитывал и не принимал близко к сердцу, но, оказывается, постепенно всё же поддался чарам всеобщего признания и стал воспринимать эти восхваления как единственную и бесспорную действительность. В этом были главные истоки его грядущей беды. Хотя и не только его. Мало кто из властителей сумел избежать этого соблазна.

***

Окун предпочитал заходить в свое убежище по довольно длинному коридору, усыпанному разноцветными поблескивающими крупными камнями. Они так и вылетали у него из-под ног. «Наверняка, – думал он, – среди них есть изум-

НИКОЛАЙ ЛУГИНОВ. КЮЁХ АРЫ – МАЛЕНЬКИЙ УГОЛОК БОЛЬШОГО МИРА.

руды и яшма, и так ценимый в Китае нефрит. Вот бы продать, наверное, приличную сумму можно выручить...»

Он усмехнулся от этих мыслей: «Надо же, что не увижу – прикидываю цену, пытаюсь понять, сколько можно заработать. Наверное, нескоро отвяжется от меня это прикладное восприятие мира. Сейчас, когда островное убежище надежно защищает меня от грозного мира, который так насмехательно оценил его голову в сто монет, и не поймешь сразу, что сильнее ранит – обида от предательства или унижительная оценка его головы. Но таков тот жестокий мир, где все имеет свою цену и никому нельзя доверять».

Опять обида, горькая, обжигающая душу, стала пожирать его изнутри и, кажется, распространяться на все окружающее, искажая действительность. Но, слава Тэнгри, Окун вспомнил слова брата, призывающего из самосохранения не обижаться на изгнавших его. Он – жив, дышит вольным воздухом родины, видит чистое небо, солнце и облака. Значит, всё для него обстоит благополучно. Как бы ни были ловки эти подлцы, Окун их снова обманул, сумел убежать, оставив с носом, и назло всем – выжил. Опять вернулся ужом, как бывало много раз прежде, прыгнул на скакуна – и был таков.

Это ли не повод для радости? Как бы ни было

ему прежде уютно в своем дворце, но сейчас у него убежище куда безопаснее и надежнее. Отсюда он опять свысока может смотреть на этот подлый и грязный мир. Главное – жив. А у живого человека, да ещё такого, как Окун, всё ещё впереди. Надо терпеливо дожидаться своего счастливого часа и не упустить его. Хотя в этой хватке с ним мало кто может потягаться, и свидетельством тому – удача, постоянно сопровождавшая его по жизни.

Нет, Окун не пропадет. Не дождетесь. Он еще раз накинёт узду на морду этому подлому миру. Он еще заставит всех этих низких людишек лебезить перед ним. Но на этот раз его уже не проведешь – он будет осторожнее и мудрее.

Окун остановился, услышав посторонний звук. Причиной настороженности был бессознательный страх, что опять кто-то по его душу приехал. Но когда волна испуга схлынула, он, вслушавшись, догадался, что это к брату опять пришел тот лохматый главарь местной банды.

Окун осторожно высунулся, стараясь разглядеть бандита, но в густых речных зарослях ничего уже не было.

(Окончание следует)

*Перевод с якутского
Владимира Крупина.*

Анатолий БУРЦЕВ,
доктор филологических наук,
профессор

«Филологический – судьба моя...» (К 80-летию М.Г. Михайловой)

Марта Георгиевна Михайлова оставила глубокий след в истории высшего образования, науки и культуры Республики Саха (Якутия). Многочисленные выпускники, коллеги и друзья всегда с теплом в сердце вспоминают ее замечательные лекции о классиках русской литературы, вдохновенные радио- и телепередачи о якутских писателях.

М.Г. Жиркова-Михайлова родилась 17 марта 1938 года в с. Майя в семье коренных якутских интеллигентов, в которой хорошо понимали роль образования и культуры.

Ее дед по отцовской линии Николай Жирков был состоятельным человеком демократических взглядов. В его старинном доме в Якутске по улице Октябрьская долгое время размещалась редакция популярной в 1960-ые годы газеты «Молодежь Якутии». Другой дед по матери Семен Егоров на собственные деньги построил здание для Хаптагайской школы. После революции он подвергся репрессиям.

Мать Марты Георгиевны, Анастасия Семе-

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ – СУДЬБА МОЯ...»

новна Егорова, окончила женскую гимназию в Якутске и потом работала учителем в той же Хаптагайской школе. Отец, Георгий Николаевич Жирков, выпускник Якутского реального училища, всю жизнь проработал бухгалтером. У них была прекрасная библиотека, и в семье царил культ книги.

В 1956 году, окончив среднюю школу № 9 г. Якутска, Марта Жиркова поступила на первый курс отделения русской филологии только что открывшегося Якутского государственного университета. В студенческие годы два человека сыграли большую роль в последующей судьбе Марты Георгиевны как педагога и ученого.

Это Константин Федорович Пасютин, участник Великой Отечественной войны, после окончания Пермского государственного университета приехавший в Якутию и с 1948 года по 1957 год возглавлявший кафедру русской и зарубеж-

ной литературы. У него Марта Георгиевна занималась в спецсеминаре «Якутия в русской художественной литературе».

Это кандидат филологических наук Зинаида Николаевна Альбина, воспитанница ленинградской научной школы, начиная с 1957 года в течение десяти лет тоже заведовавшая кафедрой русской и зарубежной литературы. Окончив в 1961 году университет и получив диплом с отличием, Марта Георгиевна начала свою научно-педагогическую деятельность на кафедре русской и зарубежной литературы. Через год поступила в аспирантуру к З.Н. Альбиной по специальности «Русская литература» и начала работать над темой «Поэзия сибирской ссылки 80–90-ых годов 19 века».

После защиты кандидатской диссертации (1972) последовали годы плодотворной преподавательской работы на родном историко-филологическом факультете в должности старшего преподавателя, доцента, а с 1995 года – профессора кафедры русской и зарубежной литературы. Марта Георгиевна с неизменным успехом читала один из основных курсов истории русской литературы первой половины 19-го века. Это был ее коронный раздел, включающий творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Ею были разработаны спецкурсы «Поэзия декабристов», «Русская литература Якутии», «Поэзия Блока», «Поэзия серебряного века», «Литературное Зазеркалье».

По выражению М.Я. Мишлимович, Марта Георгиевна принадлежала к «эмоциональному» направлению в педагогике и методике преподавания, в отличие от академического направления. Это ей принадлежало крылатое выражение, ставшее слоганом: «Филологический – судьба моя...»

В 1982–1987 годах М.Г. Михайлова заведовала кафедрой русской и зарубежной литературы. Это был очень ответственный период в развитии кафедры, которая приобрела классический университетский характер. Ее большая заслуга заключалась в том, что кафедра сохраняла свое лицо, берегла и развивала традиции.

Высокий уровень, превосходное качество от-

личали не только учебные занятия М.Г. Михайловой, но и дипломные, курсовые сочинения ее студентов. Она демонстрировала еще одно почти обязательное для высококлассного преподавателя-литературоведа качество – личный, гуманизированный подход к предмету. То же самое относится и к ее научно-исследовательской и учебно-методической деятельности. Не случайно она не раз признавалась «Лучшим преподавателем ЯГУ».

Интересы Марты Георгиевны как преподавателя и исследователя не замыкались в рамках русской классической литературы. На ее счету учебное пособие «Пушкин и Якутия», ее перу принадлежали статьи о Лермонтове, Рылееве, Бестужева-Марлинском, Чижове, Чернышевском, Короленко. В то же время замечательной стороной научного творчества М.Г. Михайловой являлся региональный компонент – она автор творческих портретов якутских и местных русских писателей, соавтор «Истории якутской литературы» (1993), подготовленной совместно с коллегами из Института языка, литературы, истории. Пособие «Русская литература Якутии» было отмечено в 1991 году дипломом Министерства высшего и среднего специального образования России, а его дополненный вариант, изданный в 1995 году в Новосибирске под названием «Очерки русской литературы Якутии», представлял собой научную работу в русле направления «История русской литературы Сибири».

Вообще особой заслугой М.Г. Михайловой является не только включение в практику университетского филологического образования регионального компонента, но и изучение творческих связей русских писателей с Якутией. Поэтому в ее книге анализировались письма Н. Чернышевского, рассказы В. Короленко, поэма К. Рылеева «Войнаровский», романтические баллады А. Бестужева-Марлинского и Н. Чижова, творчество Д. Давыдова, автора ставшей народной песни «Славное море – священный Байкал», стихотворений «Жиганская Аграфена», «Амулет», «Тунгус». Отдельный очерк был посвящен творческой судьбе М. Александрова, написавшего первое

художественное произведение о Василии Манчары – поэму «Якут Манчара». Известно, что М. Александров даже был знаком со своим героем.

В поле зрения М.Г. Михайловой находилась деятельность русских писателей П. Черных-Якутского, П. Драверта и Н. Олейникова, стоявших у истоков развития публицистики и журналистики на русском языке в Якутии. В книгу были также включены творческие портреты местных русских писателей – современников автора.

Сильная сторона Марты Георгиевны как специалиста – прекрасная осведомленность в живом литературном процессе. В списке ее критических работ – статьи, очерки, заметки о произведениях В. Санги, В. Гаврильевой, Ч. Чертова, В. Федорова, Улуро Адо, М.Ефимова, С. Руфова, С. Осипова. Не случайно как критик она стала членом Союза писателей Республики Саха (Якутия).

М.Г. Михайлова была руководителем инициативной научно-исследовательской программы «Русско-якутские литературно-художественные связи». В русле этой темы она регулярно участвовала в научных конференциях, выступала с докладами на международных, всероссийских и региональных научных форумах в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Иркутске, Магадане.

Признак и результат научного авторитета Марты Георгиевны – выпущенные под ее редакцией сборники трудов кафедры «Русско-якутские литературно-художественные связи» (1992), «Литературные традиции эпохи и преломление их в Якутии» (1995), получившие отклики и признание в ближнем и дальнем зарубежье.

М.Г. Михайлова не замыкалась в университетской аудитории, она не была кабинетным ученым и педагогом. В связи с этим нельзя не выделить специально ее подвижническую просветительно-пропагандистскую деятельность. Многим памятна ее великолепные по форме и стилю циклы радио- и телепередач «С Якутией связанные судьбы», «Творческие портреты якутских писателей», «Воспетый русской Музой город мой», «Звезды северного неба», «Школьникам о якутской литературе». На филологическом

АНАТОЛИЙ БУРЦЕВ. «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ – СУДЬБА МОЯ...»

факультете ЯГУ по ее инициативе регулярно проводились встречи студентов с известными деятелями литературы и искусства – Г. Кривошапко, А. Самсоновым, Г. Комраковым, Н. Константиновой, М. Ефимовым, С. Руфовым, В. Сивцевым, В. Федоровым, Ю. Чертовым, М. Софианиди, Г. Кэптукэ и другими.

Заслуживает признания и уважения общественная деятельность Марты Георгиевны: в масштабах республики и города – как председателя научно-методического Совета по литературе и искусству общества «Знание», лектора Института повышения квалификации работников образования, члена редколлегий журналов «Полярная звезда» и «Виллюйские зори»; в масштабах университета и родного факультета – как куратор, организатор литературных вечеров и конкурсов, а также Клуба любителей литературы и искусства «Хрустальный шар». С журналом «Полярная звезда», на страницах которого публиковались ее статьи о Л. Попове, С. Данилове, Элляе, С. Курилове, Н. Мординове, Н. Габышеве, С. Руфове, М. Софианиди, Г. Кривошапко, М.Г. Михайлову связывали несколько десятилетий сотрудничества.

Важнейший штрих к портрету Марты Георгиевны – огромная роль и место в жизни и творческой судьбе ее супруга, талантливого поэта, журналиста, общественного деятеля А.К. Михайлова, выпускника филологического факультета ЯГУ. Окончив в 1980 году аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС и защитив кандидатскую диссертацию на тему «Формирование романного эпоса как закономерность ускоренного развития новописьменных литератур Севера», он с 1991 года работал на кафедре русской литературы 20-го века филологического факультета ЯГУ. Алексей Константинович, автор восьми поэтических сборников, по праву считается одним из первых якутских поэтов, писавших на русском языке. После его безвременной кончины по инициативе Марты Георгиевны была учреждена Литературная премия имени Алексея Михайлова, задуманная для поддержки молодых писателей, делающих первые шаги в литературе.

У Михайловых было много друзей и близких знакомых. В их круг входили такие известные писатели и поэты, как Юрий Рытхэу, Владимир Санги, Олжас Сулейменов, Анатолий Преловский, Марк Сергеев, Антонина Кымытваль, Григорий Ходжер, ученые профессор МГУ Петр Григорьевич Пустовойт, доцент из Новосибирска Елена Александровна Куклина. Среди якутских друзей были Леонид Левин, Юрий Чертов, Александр и Галина Самсоновы, Алексей Томтосов и многие другие. Марта Георгиевна считалась патронессой молодых поэтов из творческого объединения «Белая лошадь».

Многогранная научно-педагогическая, культурно-просветительская, общественная, воспитательная деятельность Марты Георгиевны Михайловой получила не только широкое признание многонационального народа Республики Саха (Якутия), но и высокую официальную оценку. Звания «Отличник высшей школы СССР», «Заслуженный работник культуры РС (Я)», «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» – прекрасное и редкое сочетание, не говоря о многочисленных дипломах, грамотах, благодарственных письмах.

Николай Винокуров-Урсун

*”Врубаясь в лёд или стогуя сено,
Якут имеет вкус к любой поре...”*

Небесный сын

Родить-то родили, а рос без отца.
Дразнили мальчишки меня без конца,
Шушукались бабки, и не было дня,
Чтоб “сыном небес” не назвали меня.

На улице, в поле и даже во сне
“Сын неба, сын неба”, – все слышалось мне.
И есть в этом правда какая иль нет,
О том я не думал по младости лет.

Но рос я, и к таинству синих небес
В душе постепенно созрел интерес.
Неужто свод неба меня породил?
И мать я об этом однажды спросил.

Запуталась нитка, метнулась игла,
Глаза свои мать от шитья отвела,
С печальной улыбкой взглянула в окно:
“Да, ты от неба. Знать, так суждено...”

Я лоб свой наморщил и вышел во двор,
Растерянно в небо уставил свой взор:

За что же в окрестности дразнят меня?
Зачем же в небесности этой винят?

Уж коль я сын неба, законный вполне,
Скорее должны бы завидовать мне.
Высок мой родитель, превыше всего,
Нарядней найдите одежды его!

Шли годы, и ливни стирали их след,
Нет прежней наивности, детскости нет,
И мама печально не смотрит в окно,
И тайн изначальных уж нету давно.

А если кто шутку былую вернет
И сыном небесным меня назовет,
Скажу я: “Людей в этом мире в обрез,
На землю спустившихся прямо с небес.

С далеких небес, как мечта, голубых,
С высоких небес, как весна, молодых,
С лучистых небес, как любимой глаза,
С пречистых небес, как земная роса”.

НИКОЛАЙ ВИНОКУРОВ-УРСУН. “ВРУБАЯСЬ В ЛЁД ИЛИ СТОГУЯ СЕНО, ЯКУТ ИМЕЕТ ВКУС К ЛЮБОЙ ПОРЕ...”

Пай

Тронув памяти глубину,
Про обычай вдруг вспомнил я,
Что придуман был в старину
Не от сладкого, зная, житья,

Был ли милостив Байанай,¹
И под стрелами падал лось,
Извещал ли собачий лай –
Едет важный, почтенный гость;

Нарождался ли человек,
Редкий праздник ли наступал,
И бычок, отгуляв свой век,
Под заклинание попадал –

Златоустом глава семьи
Становился от благ мясных,
Забывал все долги свои,
Говорил с весельцой, впридых:

“Что отлетело–парню,
Что отделилось–девке.
Нате, детишки, жарьте,
Пай свой законный ешьте...”

Разгонял он туман тоски
Свистом благостным топора,
И хватала свои куски
С визгом радостным детвора.

Сколько было тогда возни
У горящего камелька!
Мог и сытого раздражить
Запах мяса наворачья.

Пережарилось – не беда,
Сыро – мало и в том беды,
В Среднем мире во всем тогда
Не бывало вкусней еды...

Было детство мое – не рай,
Но знал я и радость в нем,

¹ Байанай – бог охоты у якутов.

Получая заветный пай,
Тот, что звался в войну “пайком”.

Детство худенькое мое –
Пай мой сладкий и дорогой,
Из далеких своих краев
Помаши мне
Рукой.

* * *

Нарядна столичная площадь,
У зданий приветливый вид.
Но родины милая роща
Под окнами здесь не шумит.

...Рассветный покой Кен-Кюеля,²
Воды розоватая гладь.
Над этим озерным раздольем
Так нравится чайке летать.

Проснулась лесная опушка,
И, ролью гадалки горда,
По чьим-то заказам кукушка
Считать начинает года.

А рядом, у мшистой дорожки,
Зарничка гнездо свое вьет
И в крылышки, словно в ладошки,
От утренней радости бьет...

Родной окоем Кен-Кюеля,
Березы опушки родной...
Черты их мне чудятся в поле,
За ближней чертой городской.

И вот уже сердце не ропщет,
По дому тоска не томит,
И Родины милая роща
Шумит под балконом, шумит.

² К е н - К ю ё л ь (якутск.) – дословно: широкое озеро.
Здесь собственное название одного из озер Якутии.

* * *

Когда опять декабрьская, злая
В родном наследии стужа завернет.
Якут красиво скажет: “Как пылают
Огонь небес!” – и доху запахнет.

А в феврале махнет рукой на ветер,
Стегнет коня и с дроглой хрипотцой
Вдруг запоет о благодатном лете,
Про звон стрекоз над шелковой травой.

Когда ж от жажды на исходе силы,
И свод небес и зноен и лучист,
В душистый стог воткнет он свои вилы
И жадно пьет со льдинкою кумыс.

Врубаясь в лед или стогуя сено,
Якут имеет вкус к любой поре.
Он не стальной. Он просто знает цену
Своим морозам и своей жаре.

О нашем морозе

*Про самые жестокие
морозы якуты говорят:
«Пылают огонь неба».*

Каким одарить рассветом
Север спешит нас летом!
На зорьке в окно глянешь –
Узорный на всем глянец,

Рассвет не такой зимою.
Сосед головой седою
Качает: «Мороз крепок.
Пылают огонь неба».

Мороз в самом деле крепкий.
Как словом владели предки!
Сказать про такое мне бы:
«Пылают огонь неба».

Все знают: презрев морозы,
Зимуют у нас чоросы.³

³ Чоросы – чечётки.

Но сколько тех птиц гордых
Падает ниц, мертвых!

Быть может, ворчу я всеу,
Но мыслью лечу к косуле,
Издругшей, на снег прилегшей...
А мог бы спасти, ведь мог же!

Да, наши морозы люты,
Их даже и мы, якуты,
Порой костерим украдкой,
В тайге обходясь... палаткой.

Живем на земле стылой,
Поем о земле милой,
Греем ее сердцем,
Любим ее с детства.

Кочегар

С сипотцой дыша, выдыхая пар,
Мимо тихих стен, запертых ворот,
По снежку, что в ночь переновой пал,
Свою вахту сдав, кочегар идет.

Он опять всю ночь, не смыкая глаз,
В пояснице боль не беря в расчет,
Уголек кидал, потому что газ
Подведен к котлам не везде еще.

Дворник взгляд косит на его следы,
Что легли на снег, как грехи, черны.
А по мне, так в том никакой беды,
Ну совсем его никакой вины.

Не хотел б и сам он пятнать снежок, –
После жарких дел, кочегарских дел.
До чего ж, снежок, пахнешь ты свежо,
Так и взял бы в горсть и, как кёрчэх,⁴ ел.

Нам даря тепло, он всю ночь не спал,
У него к труду огневой подход.

⁴ Кёрчэх – взбитые сливки.

НИКОЛАЙ ВИНОКУРОВ-УРСУН. “ВРУБАЯСЬ В ЛЁД ИЛИ СТОГУЯ СЕНО, ЯКУТ ИМЕЕТ ВКУС К ЛЮБОЙ ПОРЕ...”

Что ж ты, бог двора, на дороге встал?
Лучше шапку скинь – Кочегар идет.

Играют в войну бекасы

Взмывая свечой над рощей,
Круто, за разом раз,
Как маленький пикировщик,
Падает вниз бекас.

В кочках неподалеку
Выпь пробирает дрожь:
На пулеметный стрекот
Высвист его похож.

А снизу, от трав аласных,
Настречу ему – другой.
Играют в войну бекасы,
Играют в воздушный бой.

Птицы в войну играют...
Слушай, смотри, молчи
В самом исходе мая,
В ясной, как день, ночи.

Как их игра прекрасна
У алой опушки, здесь!
Свои у бекасов асы,
Свои виртуозы есть.

Соперника атакуя,
Они по ночам весной
Не просто тебе токуют –
Играют в воздушный бой.

Но среди этих вешних красок,
Тревожась за мир опять,
Одну лишь “войну” бекасов
Я сердцем могу принять.

Пусть никогда прицельно
В землю,
В людей,
В восход
Очередью смертельной
Летчик не хлестанет.

Пусть, занят любовным делом,
Строчит, не пугая нас,
Один лишь на свете белом
В белую ночь бекас.

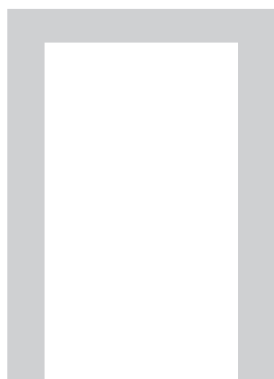
*Перевод с якутского
Сергея Шевкова.*

Владислав АВДЕЕВ

Чужие письма

Повесть

Почтовый ящик в подъезде был старый, у половины ячеек оторваны дверцы, и это говорило, что хозяева ячеек не выписывают газеты и журналы и не состоят ни с кем в переписке. Время от вре-

мени почтовый ящик забивался всяким хламом – рекламными зазывалками, предвыборными обещаниями, и Катя Воробьева, симпатичная девчонка с пятого этажа, каждый раз думала, сколько можно было издать книг на этой хорошей бумаге. Нет, тратят на всякую ерунду. Обещания кандидатов вместе с их сытыми лицами на фотографиях долго валялись в подъезде, и пенсионер дядя Миша с первого этажа всегда старался наступать на эти лица: «Обещают, обещают, а я штанов нормальных купить не могу, последние донашиваю. Ишь, рожи отъели!» Остальной народ всю эту бумажную чепуху не замечал, не читал, не прельщался на обещания, на 70% скидки – лишь ворчали уборщицы, унося зря потраченную бумагу в мусорные баки.

А вот когда на почтовом ящике появилось письмо, Катя заметила его сразу: в наше время писать письма – это что-то.

Письмо пролежало неделю и к нему присоединилось второе. Катя глянула, кому оно предназначалось – Эльзе Иртениной. Иртенина рань-

ше была соседкой Воробьевых по лестничной площадке. Красивая, статная и строгая, она, по мнению Кати, походила на царицу. Жила Эльза одна, но к ней часто приходил спортивного вида мужчина с мужественным лицом, который при встрече с Катей всегда вежливо здоровался, и Катя даже одно время была в него немножко влюблена. Неожиданно Иртенина продала квартиру и или уехала куда, или купила в городе другую квартиру – это Кате тогда было неинтересно. Интересно было – сошлась Эльза с этим мужчиной или нет. Вместо Эльзы в квартире поселилась шумная семья Дроновых.

Прошло дней десять – и на почтовом ящике уже лежало третье письмо, и тоже адресованное Иртениной. Ясно было, что это не рядовые письма, и Люба Тулушева, что написала их, явно просит помощи или чего-то требует.

Катя поискала на карте Якутии село с названием Крестовая – откуда шли эти письма, – но не нашла. Тогда решила заглянуть в Интернет. Крестовая находилась у черта на куличках, жили там русские, якуты, эвенки, основное занятие оленеводство и охота. Теперь стало понятно, почему письма – мобильной связи в наслеге не было.

Эти белые конверты не давали Кате покоя. Вдруг Любе Тулушевой требуется помощь. Конечно, нехорошо читать чужие письма, но если этим ты сможешь помочь человеку... Несколько дней этот вопрос мучил Катю, она приводила доводы «за» и «против» и никак не могла прийти к одному мнению, ей даже казалось, что она похудела от этого. Наконец, решившись, Катя взяла письмо, поднялась в квартиру и начала читать:

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

«Дорогая тетя Эльза!»

Здравствуйте! Пишет вам ваша племянница Люба. Мама умерла двадцатого февраля, я послала вам телеграмму, но вы не приехали. А я осталась совсем одна. Недавно в деревне появился Сергей Башев, говорит, что освобожден из заключения, но все в деревне знают, что он сбежал. Такой здоровый, с бандитской рожей. Его привел ко мне наш участковый Николай и сказал, что Башев временно поживет у меня. Они напился, и когда участковый ушел, Башев сказал, что берет меня в жены, и что теперь я его жена. И изнасиловал меня. Теперь он живет со мной и делает это каждую ночь. А мне сказал, если я кому пожалуюсь, он меня убьет. А кому пожаловаться? Башева и участкового все боятся, а полицейские из райцентра – друзья участкового, и приезжают сюда охотиться и пьянствовать. Уехать отсюда летом можно только на моторке, и когда я попыталась убежать, меня вернули с полдороги, и Башев меня избил. А участковый всех, у кого есть моторки, предупредил, чтоб меня не брали.

Милая, тетя Эльза, забери меня отсюда. Я больше не могу. Мне так страшно».

Катя быстро сложила письмо и сунула в конверт, но ужас от прочитанного не проходил. Она вскочила, проверила, закрыла ли дверь на щеколду, словно этот страшный Башев или кто другой, подобный ему, мог прийти сюда.

Мамочки! Зачем она прочитала письмо? Как она теперь будет с этим жить? Зазвонил телефон, заставив Катю вздрогнуть, высветился номер Максима Черкашина, но Катя не хотела ни с кем говорить, никого видеть. Через некоторое время начали настойчиво звонить в дверь, и Катя знала, кто – Черкашин. С вечера пятницы до вечера воскресенья Катина мама и тетя Глаша уезжали на дачу, и Черкашин эти дни, по сути, жил с Катей. Но сейчас даже мысль, что Максим будет обнимать ее, была ей неприятна. Максим звонил, барабанил в дверь, и Катя чувствовала, как он разозлен, но дверь так и не открыла. Последнюю попытку дозвониться Черкашин принял в двенадцать вечера и на этом успокоился. Но все равно Катя не спала всю ночь, а утром

поспешила к Насте, соседке этажом ниже, которая знала про всех всё. Работала она в парикмахерской, и туда за день вместе с клиентами стекались различные слухи и новости. Никита, муж Насти, называл ее «Справочное бюро». Худущая Настя – результат многочисленных диет – на вопрос, не знает ли она, где сейчас находится Эльза, затараторила, посыпая солью яичницу на огромной сковородке:

– Конечно, знаю. А ты что, Максима не пустила? Злой уехал, как собака. Любовь растаяла в тумане дымкою?

– Голова болела, – солгала Катя.

– Еще не поженились, а уже голова болит. Смотри, уведут твоего блондина. Вероника с десятой квартиры два раза ему предлагала подождать тебя у нее, смазливая бабенка, да и пышные формы в придачу, ляжки во, таких мужики любят. Так че ты спрашивала? Эльза, Эльза. Ага! Володя, что к Эльзе ходил, сделал ей предложение, но она отклонила, мужчина он одно загляденье, но, увы, всего лишь мент. Что он ей может дать? Так держала на привязи много лет, пока на зарубежном курорте не схлестнулась со шведским бизнесменом. К нему и укатила. Володя, как узнал об этом, чуть с собой не покончил, а потом запил. Но ведь сразу мог догадаться, что такому бриллианту, как Эльза, нужна дорогая оправа. И не мучился бы сейчас. Надо трезво смотреть на жизнь, на свои возможности, тогда не будет горьких разочарований. Слушай, а тебе она зачем?

– Ее племянница Люба ищет. Родители умерли, и Люба совсем одна осталась в глухой деревне.

– Бедная девочка, вряд ли она когда найдет Эльзу. Та ведь жила замкнутой жизнью. Никто даже не знал, откуда она приехала в наш город. Так что дать тебе ее адрес никто не сможет. Это что у тебя на голове? Разве к твоему лицу подходит такая прическа? Заскочи ко мне сегодня, я тебе волосы в порядок приведу, а то девка на выданье, а ходишь как лахудра. Никита, иди завтракать, – крикнула она мужу и шепнула Кате: – Сейчас всё это съест, и всё равно будет мало. Куда только влазит, каждое утро подавай ему яичницу. Устала яйца покупать. Может, самой

начать нестись? – Настя присела, выпучила глаза. – Ко-ко-ко...

И обе расхохотались.

– Над чем смеетесь? – появился на кухне обнаженный до пояса Никита, поглаживая большой живот. – Привет, Катюха!

– Доброе утро!

– Ну, как? Справочное бюро ответило на твой вопрос?

– Ответило.

– Позавтракаешь с нами?

– Спасибо! Я уже поела. Пойду.

Кате было стыдно за свой смех, там у чело- века горе, а она смеялась, как дура. Да и не до прически сейчас. Катя представила, что теперь Любе Тулушевой некому помочь, и она день за днем, год за годом будет жить с насильником Башевым, и чуть не заплакала от жалости. И что делать, как ей помочь? И с кем об этом можно поговорить, посоветоваться? С матерью нельзя, после смерти Катиного отца мать сильно сдала – нервы, сердце, даже после просмотра новостей по телевизору она не спит всю ночь. И тетя Глаша, сестра отца, не отходит от нее. Тетя Глаша, как приехала на похороны, сначала осталась до сороковин, потом по просьбе матери до полугодия, а потом переехала к ним насовсем. И стала главной в семье, словно заменила отца. И мать Кати во всем слушается ее советов. Был еще один человек, с которым можно было погово- рить о Любе – Максим Черкашин, Катин жених. Катя позвонила ему и сказала, что ждет его на площади возле фонтана и чтоб он немедленно ехал к ней. На вопрос Максима, почему такая спешка, сказала, что узнает, когда приедет. Пло- щадь для встречи была выбрана не случайно, если пустить Максима в квартиру, то серьезного разговора не получится.

Максим появился быстро, но Кате казалось, что прошла вечность, ей хотелось сделать для Любы Тулушевой что-то прямо сейчас, немед- ленно. Надо только понять, что. Ведь каждая ми- нута, час, день продлевают Любины мучения. И до прихода Максима это решение – так казалось Кате – было найдено. НАДО ПОЕХАТЬ В ДЕРЕВНЮ И ЗАБРАТЬ ЛЮБУ.

Максима заметила сразу. Высокий, плечи- стый, красивый – все девчонки оглядываются – ревниво и в то же время с гордостью отметила Катя.

– Ты где была? – не доходя шагов десять до Кати, заговорил Черкашин. – Звонил, звонил. Стучал в дверь. – Он подошел, поцеловал Катю. – Где была? Такой вечер пропустили.

– Была на даче, маме помогала, а телефон дома забыла, – не стала говорить правду Катя.

– А сейчас почему сюда позвала, а не домой?

– Дома тетя Глаша, вместе с дачи приехали, прихворнула она. А у меня к тебе серьезный раз- говор, вот прочитай, – протянула Катя письмо Ту- лушевой Максиму. – Конечно, нехорошо читать чужие письма, но я не вытерпела. Эта девчонка посылала их одно за другим.

Максим прочитал, протянул:

– Вот это ужастик! Где эта деревня находится?

– На карте не найдешь, в глуши: до райцентра самолетом, а дальше на попутной моторке.

– Почему она сама не уедет, зачем звать тетю? И где эта тетя?

– Тетя за границей. А как ей уехать, если участковый всех предупредил, чтоб не вздумали везти ее в райцентр. Могла бы сбежать, давно бы сбежала.

– Хорошо. А зачем ты мне дала его прочитать?

– Потому что Любу надо спасать, и немедленно.

– Кому надо?

– Нам.

– Ты серьезно? – вытаращил глаза Черкашин.

– А у тебя что, плохо со зрением, не понял, в какой беде эта девчонка?

– Все я понял. Но для этого есть полиция и МЧС. Вот к ним и надо обращаться, а не зани- маться самодеятельностью.

– В письме четко сказано: участковый друг Ба- шева, и районная полиция с ними заодно.

– Так. Подожди. У меня друг, я тебе про него говорил, Юрка Иванов, раньше в одном дворе жили, вернулся недавно из командировки, пол- года были на границе Осетии и Ингушетии. Так вот он пригласил меня на шашлыки, я сказал, что приду с тобой. Юрка мент, старший лейтенант,

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

посоветует, к кому обратиться с этим письмом. Может, Тулушеву и надо спасать, только не нам. Каждый должен заниматься своим делом.

– Ладно, поехали, – согласилась Катя, она ожидала от Максима совсем другой реакции на письмо.

Максим снял куртку, перекинул через руку:

– Не поймешь эту погоду – вчера замерзали, сегодня жара. Гуляют менты на даче у Айсена Соловьева, помнишь, был у меня на дне рождения, такой смуглый, плотный, среднего роста. У него еще шрам на лбу.

– Помню.

– Мы с ним с восьмого по десятый в одном классе сидели. Они вечно у него гуляют, а кто и живет там летом, когда жены выгонят.

И ни слова о письме, о Любе Тулушевой.

***

Только вышли из машины у ворот дачи, сразу пахнуло шашлыками, донеслась мелодия песни «По полю танки грохотали».

– Пошли, – толкнул калитку Черкашин.

Дымились два мангала, человек пятнадцать – парни, девушки – дружно подпевали, и Катя подумала, что они зря приехали: какой может быть серьезный разговор, если все под градусом. Ребята были похожи друг на друга – коротко стриженные, накачанные, в татуировках – и нагло, так Кате показалось, разглядывали ее. И она невольно отметила, что Максим отличается от них своей интеллигентностью, и это было ей приятно. Соловьев представил их как своих друзей, и тут же им вручили один шампур на двоих и налили в стаканы водки.

– За наше возвращение. Пьем до дна.

– Пей, обидятся, – шепнул Максим.

Водка обожгла горло, желудок, шашлык был пережаренный. И вообще, Катя чувствовала себя на этом празднике лишней и снова пожалела, что приехала сюда. Подошел коротко стриженный, с красивым торсом – он был по пояс обнажен – парень с наглыми глазами и, пожимая Черкашину руку, сказал:

– Давай, знакомь с дамой.

– Катя, – представил девушку Черкашин, – а это Юра Иванов.

– Очень рад знакомству, – прижал ладонь к груди и чуть склонил голову Иванов. – Красивое у вас имя. Катя, Котенок. Хочется взять на руки и погладить.

– Не надо меня гладить.

– Мы, Юра, к тебе по делу.

– Убить, что ли, кого? Это мы можем, – Иванов выставил вперед указательный палец, повел вкруговую. – Бах! Бах! Бах! Но только завтра, сегодня никаких дел.

– Поехали, Максим, – тронула за рукав Черкашина Катя. – Не будем им мешать.

– Стоп! – посерьезнел Иванов. – Что-то срочное? Тогда пошли в дом.

– Юра, ты куда? – окликнула Иванова черно-волосая девушка в большой не по размеру тельняшке. Казалось, что, кроме тельняшки, на ней ничего нет.

– Жди меня, и я вернусь.

– Шашлык возьми, не ел ведь ничего, – девушка протянула Иванову стакан с водкой и шампур.

Иванов выпил водку, поцеловал девушку в губы, вонзил зубы в мясо и зашагал в дом. Максим и Катя последовали за ним. На веранде Иванов уселся за большой, покрытый цветастой клеенкой стол, дождался мяса:

– Слушаю.

– Вот, прочтите, – положила на стол письмо Катя.

– Я вам пишу, чего же боле, – Иванов прочитал, зло бросил: – Сволочь! Взял бы и убил! И где такая мразь живет?

– Далеко, хрен доберешься, – махнул рукой Черкашин. – Мы к тебе за советом. Как ей можно помочь?

– Сразу скажу, – не задержался с ответом Иванов, – на полицию не надейтесь, и не потому, что мы такие плохие. Во-первых, чтобы возбудить дело, нужно заявление от пострадавшей. Письмо ничего не доказывает, может, это розыгрыш, чтобы заманить тетю в деревню. Но даже если здесь, в Якутске, и возьмутся за дело, то сначала сделают запрос в район. А так как райотдел, если судить по письму, заодно с участковым, то край-

ней опять окажется эта девчонка. Остается один вариант: ехать и забрать ее. Вы ее родственница?

– У нее нет родственников, тетя уехала в Швецию. Письма долго лежали на почтовом ящике, я не вытерпела и прочла.

– Так ей и помочь некому, бедная девочка.

– Я сразу сказала, надо ехать туда и увезти Любу от этого бандита.

– Приедем и что скажем? Здравствуйте, я ваша тетя? Но отпустит ли ее бандит? Туда, если ехать, то целым отрядом.

– И взять с собой пушку, – добавил Иванов.

– И вообще, вся эта затея глупая и невыполнимая.

– Наоборот, это единственный способ спасти девчонку. Найдите трех хороших ребят и – вперед. Вот вам мой совет, больше ничем помочь не могу, – поднялся Иванов.

– И зачем ты письмо прочитала, теперь будем без вины виноватые, – с укором сказал Черкашин.

– Не было печали, купила баба поросю. – Иванов вышел на крыльцо, развел руками: – Ох, и денек!

Катя подумала, что он такой же толстокожий, как и Максим.

Хотели сразу уехать, но задержал разговорам Соловьев. И вот когда уже шли к калитке, позади раздалось угрожающее:

– Убью!

С испугом оглянулись. Высокий цыганистый на вид парень наставил ружье на Иванова:

– Молись, Юра, за все ответишь.

– Что, и выпить не дашь? Ни хрена себе.

– Пей.

Иванов налил в стакан водки, залпом выпил.

– Твое здоровье, расти большой и не кашляй.

– Говорин, ты что, сдурел? – попытались ребята подойти к цыганистому.

Но он направил ружье на них:

– Не подходи, убью. Готов, Юра?

– Готов, стреляй. Смотри, не промахнись. Пожалеешь.

– Не промахнусь, – Говорин направил стволы в грудь Иванова и поочередно нажал на курки, раздалась выстрелы. Женщины вскрикнули.

Иванов продолжал стоять, как ни в чем не бывало, потом шагнул к стрелявшему и ударом в лицо сбил с ног. Тот как упал, так и продолжал лежать без движения.

Соловьев подошел, забрал ружье.

– Я его вчера холостыми зарядил, лезят тут по ночам всякие. Вот, хотел пугнуть.

Все вздохнули свободно, кто-то крикнул:

– Юра, ты заново родился, по этому поводу надо выпить!

Парень в красной футболке наклонился к Говорину:

– Живой. Юрка его в нокаут отправил. Давай-те, отнесем его в дом.

– Поехали отсюда, – попросила Катя, она все еще не могла оправиться от произошедшего.

Но уйти не успели, подошел Соловьев:

– Вы куда? Не выпили, не поели.

– Иванов знал, что патроны холостые? – спросила Катя.

– Откуда? Про ружье и разговора не было. Как утром заявили, так все разговоры о командировке, да как их встретили.

– Иванов, я не знаю, какой-то ненормальный. Надо было как-то уговорить Говорина, а он сам под выстрелы полез.

– Юрка, он такой.

– Что они не поделили? – спросил Черкашин.

– Старая история. Юрка отбил у Виктора девушку. Хотя, как отбил? Верка сама ему на шею вешалась. Так вот Виктор не может простить Юрке не то, что он у него Верку отбил, а то, что потом на ней не женился. Вот такая драма. Дело в том, что Виктор по-прежнему любит Верку, да и она не прочь за него выйти, но Говорину не дает жениться его гордость. Сказал, вот если бы она сначала была с Юркой, а потом со мной, а то она сначала спит со мной, потом с ним, потом опять ко мне. Карусель какая-то.

– И что теперь?

– Ничего. Хорошо, моей Маши не было, ей скоро рожать. Я и в командировку не поехал, боялся, что она тут без меня родит. А кроме меня у нее тут никого нет.

– А как Иванов теперь будет с Говориным, какие будут отношения? Все-таки пытался убить.

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

– Прежние будут отношения, трезвый Виктор себя сдерживает. На Юрку не только он обижается. Иванов одно время встречался с Ниной, теперь она жена Горелова, так он ее страшно ревнует к прошлому. То же самое и у Лузина с Ритой. Жизнь. Но Юрка сразу всем заявлял, что до сорока лет жениться не будет.

За все время разговора Катя следила за Ивановым и остальными, все вели себя так, словно ничего не произошло, пили, ели шашлыки. Иванов рассказывал что-то смешное, потому что все смеялись.

– Ладно, Айсен, мы пойдём, сегодня мы здесь лишние, – протянул руку Черкашин.

– О чем с Юркой говорили?

– Про письмо, – Черкашин кратко описал его содержание.

– Сволочь! – выругался Соловьев. – Да его убить мало! Юрка что сказал?

– Что на полицию надежды нет, надо самим вызывать.

– Правильно сказал. Если бы Маша не рожала, я бы вам помог. Бандит, скорей всего, в розыске, и там прячется.

В машине Катя спросила:

– Ты можешь найти хороших ребят?

– Хочешь сказать, крутых? А я предлагаю: никого не искать, а положить письмо на место и забыть о нем. Или дай мне, я его сожгу.

– Как такое можно забыть?

– Мы многое забываем, потому что бессильны что-то изменить. И с этим приходится считаться. Организм сам нас оберегает, забывает неприятное, чтоб мы с ума не сошли.

– Ты знаешь, где живет Иванов? – прервала Максима Катя.

– А тебе зачем?

– Завтра я попрошу его поехать со мной за Тулушевой.

– Он полгода был в командировке, пошлет тебя подальше и будет прав.

– Я все равно с ним поговорю, он такой... ненормальный. Он даже не пытался отговорить Виктора, чтоб тот в него не стрелял. Если кто мне поможет, то только он.

– Не будет он тебе помогать. И правильно делает.

– Неужели тебя не волнует судьба Любы?

– Знаешь, сколько девчонок находятся в Любином положении, хотя и не живут с бандитом? Устанешь за всех волноваться. Надо быть реалистом, реально глядеть на ситуацию.

Они спорили до самого Катиного дома. И хотя в квартире никого не было, Катя не пригласила Максима зайти, снова сославшись на больную тетю.

***

Утром, еще не было девяти, Катя позвонила Черкашину:

– Встал? Поехали к Иванову.

– Он еще спит.

– Вот и хорошо. А то уедет снова на дачу, напнется. Поехали.

– Ладно, жди, – с явной неохотой сказал Черкашин.

Жил Иванов недалеко от Кати в старом шлакоблочном доме, которому давно было пора на снос. Прошли по обшарпанному коридору и позвонили в дверь с номером тринадцать. Дверь открыл Иванов, был он в одних трусах, но это его не смутило:

– Какие гости! Проходите на кухню, я сейчас.

– Юра, кто пришел? – из комнаты раздался сонный женский голос.

– Пришли за тобой, полиция нравов.

– Тогда пусть и Нинку забирают.

Катю поразила чистота на кухне, не вытерпела, шепнула Максиму:

– Посмотри, какой порядок.

– Он служил на флоте, боцман. Даже после пьянки не ляжет спать, пока не наведет в квартире порядок.

Иванов появился в спортивном трико, и тут же засвистел чайник.

– Иду, иду, – Иванов достал банку кофе. – Будете?

– Спасибо! Уже пила.

– Зачем вы пришли, догадываюсь. Сейчас выпью кофе и поговорим. Но могли бы заранее позвонить.

– А мы специально не звонили, чтоб не исчез.

– Юр, я тоже хочу кофе, – жалобно протянул женский голос.

– Сейчас принесу, – Иванов достал вторую чашку. – Может, все же и вам налить? Ну, как хотите.

Он отнес кофе в комнату, вернулся и успел сделать несколько глотков, как из комнаты раздалось:

– Я тоже хочу кофе, – голос явно принадлежал другой женщине.

Черкашин ухмыльнулся и стал противен Кате в эту минуту.

Иванов отнес кофе, вернулся, сделал глоток:

– Слушаю.

– Я хочу... – начала было Катя, как из комнаты попросили:

– Юр, а пряники?

Иванов взял тарелку с глазированными лимонными пряниками, отнес в комнату.

– Так что вы хотите?

– Чтоб вы помогли нам...

Катю снова перебили:

– Кофе горячее. Юра, принеси, пожалуйста, пиалу.

Иванов взял две пиалы, унес в комнату.

Катя была вне себя, будь у нее другое дело, она давно бы ушла. Но Тулушевой нужно помочь.

Иванов вернулся, напомнил:

– Чтобы я помог вам...

– Я хочу, чтобы вы помогли нам вызволить Тулушеву.

– Я вчера думал об этой девчонке. Скорей всего, этот бандит в розыске, и может – не один. Да еще подозрительный участковый, а у нас, если мы туда поедем, не будет даже оружия. Поэтому предприятие это опасное, и прежде чем туда ехать, надо хорошенько подумать. А то ведь из такой глуши можно и не вернуться. Вы едете вдвоем или кто-то есть еще?

– Я не еду, – быстро сказал Черкашин. – Я еще вчера предложил Кате положить письмо на место и забыть о нем.

Катя глянула на Черкашина так, словно он сообщил о чьей-то смерти.

– Значит, остаемся вчетвером, ты да я да мы с тобой. Неплохой вариант, вдвоем даже лучше,

выдадим себя за мужа и жену. Молодая, красивая пара решила провести родственницу.

– Юра, я еще кофе хочу.

– Подожди, чайник включу.

– Ладно, вывезете вы Тулушеву из Крестовой. А где она будет жить? Об этом кто подумал? – спросил Черкашин.

– Временно у нас, – не совсем уверенно проговорила Катя.

– Это твое временно растянется лет на двадцать, потому что ей здесь жилье никто не предоставит, а купить она не сможет.

Иванов насыпал в чашку кофе, сахар, налил кипятку и понес в комнату.

Черкашин шепнул:

– Не ввязывайся ты в эту авантюру. Кто ты – мать Тереза?

Катя промолчала, она надеялась, что Максим поедет с ней, а Иванов будет при них кем-то вроде проводника-следопыта. Сильный, грубый, некультурный. И, может, даже спасет их от бандита. Это было во многих книгах, которые она читала. И предательство Максима очень обидело ее. Кате хотелось плакать, но она сдерживала себя.

– Если твердо решили ехать, – вернулся Иванов, – то надо обсудить финансовый вопрос. Я все командировочные отправил отцу на машину. А билет до райцентра стоит, я тебе дам, дешевле улететь в Москву. Понадобится тысяч сто, а то и больше, надо подсчитать. И второе, нужна легенда: кто мы, откуда, зачем приехали. Главное, усыпить их бдительность и успеть присмотреться, прежде чем начнем действовать. Кто из вас знал ее тетю, видел ее, сколько ей лет, где жила?

– Она была моей соседкой.

– Это большой плюс. Так что подумайте над тем, что я сказал. И еще, одежда – как в турпоход. Тулушевой – обязательно подарок и, конечно, нужно захватить с собой продукты – родственники приехали провести, к примеру, двоюродную сестру. Что-то такое. Как закроете все вопросы, звоните. И чтобы как меньше народа знало об этом, возможно, у участкового здесь свои люди или родственники. Давайте, Катя, обменяемся телефонами.

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

Только вышли из квартиры, Максим презрительно сказал:

– Дамский угодник, ему официантом работать.

– А мне понравилось, что он носил им кофе и пряники, и делал это с охотой. Сразу видно, настоящий мужчина.

– Думаешь, почему этот настоящий мужчина сразу согласился ехать, а не стал корчить из себя крутого мента? Он просто покрасовался перед тобой. Бандиты, опасно, можно из такой глуши не вернуться.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что он знает, что никто никуда не поедет.

– Как он это мог знать?

– Не обижайся, но одного взгляда на тебя достаточно, чтобы понять, что таких денег у тебя нет.

– Ты всех судишь по себе.

Всю обратную дорогу Катя молчала, а когда остановились возле ее дома, уклонилась от попытки Черкашина ее поцеловать. Чем обидела его:

– Что, на Тулушевой весь свет сошелся? Теперь ни есть, ни пить из-за нее? Каждый день гибнут тысячи людей, страдают, как Тулушева, и что? Жизнь из-за этого не останавливается, люди продолжают влюбляться, целоваться, рожать. Сама природа требует этого...

– Вот с природой и целуйся, – Катя вышла, хлопнув дверью.

Черкашин не вышел вслед за ней, а стремительно сорвался с места, но Катя не обратила на это внимание. Она думала о другом. Вот хочешь сделать добро, готова ради этого рисковать жизнью, но все упирается в проклятые деньги. Где она их возьмет? Если бы она работала, а так даже нельзя занять нужную сумму. Как потом будет отдавать. Дома никогда не говорили о деньгах – сколько есть, все наши. Жили по средствам, сэкономили, как могли, одевались скромно, Катю выручали свитер и джинсы. И только сейчас Катя поняла, какие они бедные, какая бедная обстановка в квартире. Раньше она не обращала на это внимание, гордилась тем, что у них много

книг. Тетя Глаша не раз говорила, проведя рукой по корешкам книг: «Вот наше богатство». Богатство? Как сказал Черкашин – одного взгляда достаточно, чтобы понять, что у нее нет денег. Неужели это так заметно? А она разве не видела, как они живут – на маленькую зарплату матери и пенсию тети? Почему не перевелась на заочное, не пошла работать? Жила и ничего не замечала, ничего не видела, потому что ей было хорошо. Эгоистка! Кате стало стыдно, стало жалко мать и тетю. И что теперь делать? Забыть Тулушеву, как предлагает Максим? Но как такое можно забыть? Она послонялась из комнаты в комнату, погладила кота, что, как адъютант, сопровождал ее, и включила телевизор. Показывали новую яхту российского миллиардера, по палубе, как на подиуме, расхаживали полуобнаженные дамы, увешанные драгоценностями. Катя видела много раз, как эти сволочи, словно для того, чтобы позлить народ, вот так, на всю страну кичились своим богатством, но впервые ее охватила ненависть к ним. Она словно повзрослела, «протрезвела» за этот день. Однокурсник Влад Ермилов говорил, что быть бедным стыдно, и что история движется по спирали, и обязательно будет новая революция, кровавая, как никогда, потому что до того обнаглели эти воры, что достаточно появиться настоящему лидеру, и все пойдут за ним. Достаточно искры, чтобы вспыхнуло пламя. И надо полностью, не жалея даже детей, искоренить род этих воров, как делал это Чингисхан.

С Ермиловым всегда спорил Тарасов, лучший друг Влада. Отец его был богат, и богатство свое приобрел не совсем честным путем.

– Каждому свое, – говорил Тарасов, и было непонятно, действительно он так думает или просто хочет позлить Влада, – тут уж ничего не поделаешь. Так будет всегда, кому – деньги, кому – шиш. Деньги любят не всех, вспомни, как одна семья выиграла миллион. И что? Пропили. Всегда будут богатые и бедные, и это навечно. И никаких революций, в семнадцатом году была последняя.

– Те, которых свергли в семнадцатом, тоже думали, что будут править вечно. Замятин в ро-

мане «Мы» написал: « Последней нет, революции – бесконечны. Последняя для детей, детей бесконечность пугает, а необходимо, чтобы дети спокойно спали по ночам». Так вот вы, как дети, спите и не знаете, что вас ждет.

Черкашин, он был тоже из богатой семьи, в спорах этих никогда не участвовал, слушал да посмеивался. Катя тогда не особо прислушивалась, а сейчас подумала: Влад прав, революция нужна, чтобы утопить этих сволочей вместе с их яхтами и суками. Еще никогда Катя не чувствовала себя такой бессильной. Быть бедным не стыдно, а ужасно – оттого, что не можешь помочь другим.

Катя выключила телевизор и поехала на дачу.

***

Мать сразу заметила ее состояние:

– Поругалась с Максимом?

– Да ну его!

– Смотри, донукаешь. Хороший, воспитанный, что тебе еще надо?

– Мама, я приехала сюда работать, а не разговаривать, я уже с утра наговорилась.

– Тогда бери тяпку, окучивай картошку.

– Пусть сначала перекусит, пошлите почаевича, – предложила тетя Глаша.

Катя пила чай и ругала себя: почему она раньше не замечала, какое у матери усталое, болезненное лицо, и худенькая тетя выглядела не лучше. И Катя подумала, вот она рвется помочь Тулушевой, а не замечала, что внимание и помощь нужна им. Каждое лето она с друзьями ходила в поход, пропадала на дискотеках, а они вкалывали на даче, сами вскапывали огород. Она что, была слепая? Ведь видела это, видела...

После чая Катя работала так, словно хотела хоть на йоту да оправдать себя.

Вечером приехал Максим, мать засуетилась, пригласила выпить чаю с пирожками, но Максим вежливо отказался:

– Большое спасибо, Вера Семеновна! Но я только что поужинал. Я вижу, у вас уже вовсю цветут астры, а у нас в этом году цветы что-то не хотят расти.

Мать с тетей тут начали советовать, что нужно сделать, чтоб цветы росли нормально. Максим внимательно выслушал:

– Обязательно скажу маме.

От цветов перешли к помидорам, огурцам, кабачкам, тыкве. К удивлению Кати, Максим во всем этом хорошо разбирался.

Когда Черкашин собрался уезжать, Катя проводила его до машины, но ехать с ним отказалась:

– Устала. Целый огород окучила, едва на ногах стою с непривычки.

– Ну, Катя! – потянул ее к себе Максим.

Но Катя вырвалась, юркнула за калитку и уж оттуда сказала:

– Все, я пошла спать.

Два дня Максим не звонил и не приезжал, видимо, выдерживал характер, на третий день позвонил, сказал, что подъедет, надо поговорить.

И у Кати появилась маленькая надежда, что Максим передумал, и они поедут в Крестовую.

Максим приехал веселый, поцеловал Катю, достал из кармана путевки.

– Вот, через неделю едем с тобой на Таиланд.

– Я никуда не поеду.

– Почему? – не совсем поверил ее словам Черкашин.

– Я буду там купаться, загорать, а бандит в это время будет насиловать Любу. Я буду там постоянно о ней думать. Какой это отдых?

– Катя, о чем ты говоришь? Помнишь, читали, что почти треть женщин на Земле подвергались насилию, некоторые женщины даже дважды. И что? Все продолжают жить. Остальные знают про это, но принимают как роковое зло. Мы прочитали, ужаснулись и все. Почему теперь такая реакция? Если переживать по каждому поводу, можно сойти с ума.

– Те женщины были мне незнакомы. Но теперь мы говорим о конкретном человеке, знаем имя, фамилию, адрес. Знаем, что он просит о помощи.

– Знаем? Да мы ничего не знаем! Может, поссорилась с мужем, вот и называет его бандитом, хочет уехать, но куда, вот и думает, что тетя возьмет ее к себе. Возможно, привезти ее

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

сюда не проблема, проблемы начнутся потом. Где она будет жить, не поедет ли бандит вслед за ней? Мы ничего не знаем о них, не знаем, с какой целью Тулушева написала это письмо. Не надо лезть, куда не просят...

Катя слушала его и понимала – рухнула последняя надежда, Тулушевой она не сможет помочь. Тогда зачем эти разговоры? Катя повернулась и пошла к подъезду, не дослушав Черкашина до конца.

– Катя! – крикнул вслед Максим. – Стань, наконец, взрослой. Подумай, о чем я говорил.

Я-то стала взрослой, стань ты, подумала про себя Катя. Маменькин сынок. Максим оказался совсем не таким, каким она его представляла. Конечно, он сильный, умный, красивый, но бездушный.

Последующие дни Катя готовила вместе с тетей обеды и ужины, ездила с ней на дачу – пропололи грядки и «поженили» кабачки. Максим не звонил, она ему – тоже.

Катя не знала, что Максим дал себе слово, что не позвонит Кате первый. И когда Соловьев пригласил его на день рождения, поехал к нему один.

Народу было немного, сослуживцы Соловьева да подруги Маши. Маша двигалась медленно, держась за живот. Подошла к Черкашину:

– А где твоя Катя?

– Выдерживает характер.

– Поругались?

– Не сошлись мнениями по одному вопросу.

– А по какому это вопросу, интересно узнать?

– подошел Иванов и, пожимая Черкашину руку, сказал: – Ругаться с женщинами – плохая примета. Спасательная операция отменяется или нет? Мне надо точный ответ, а то мужики зовут на рыбалку на несколько дней.

– Отменяется.

– Причина?

– Банальная, нет денег.

– Мальчики, вы о чем, какая операция? – спросила Маша.

– Да тут одна девчонка попала в беду... – начал было говорить Максим.

Но Иванов прервал его:

– Не девчонка, а ее ухажер, бывший мент. Она

тут позвонила подружке, наговорила черт те что. А у него обыкновенный запой. Хотели съездить, провести воспитательную работу.

– Маша, – окликнул жену Соловьев.

И она, переваливаясь, как утка, поплыла к нему.

– Чуть не проговорился, – вздохнул Черкашин. – Соловей меня бы задушил.

– Вернемся к нашим баранам. Ты ведь можешь достать эти деньги, для вашей семьи это мелочь.

– Могу, но если я их дам, то вроде как подтолкну Катю к этой поездке. А я не хочу, чтобы она связывалась с бандитами, от них всего можно ожидать.

– Странная логика. А ты не подумал, что если Катя не поедет, то будет всю жизнь страдать из-за этого.

– Все проходит, все забывается, иначе в мире были бы одни сумасшедшие. Время лечит.

– Или калечит.

– Юра, уже разлили, тебя ждем, – крикнули от стола.

И Черкашин с обидой отметил, что позвали только Иванова. В последнее время он стал замечать все эти вроде бы мелочи.

Подошли к столу, и Иванова окликнул Петя, сын Соловьевых:

– Дядя Юра, иди сюда!

И счастливо улыбнулся, когда Иванов примостился рядом и, как взрослому, пожал руку.

С Петей у Иванова давняя дружба. Иванов был единственный ребенок в семье, без братьев и сестер, и может поэтому, он как-то сразу привязался к мальчику, и тот почувствовал это своей детской отзывчивой душой. Иванов каждый раз привозил ему из командировки подарки, в прошлый раз Петя заказал ему гранату. Иванов привез, и какой случился во дворе переполох, когда соседи увидели, чем играет мальчик. Взрослые кинулись забирать детей, примчалась полиция. Хорошо, свои ребята из ППС сразу выяснили, что граната учебная. Все закончилось миром, а Пете разрешили играть гранатой только дома. Но долго еще соседи кидались к окнам, когда Петя выходил во двор.

Петя был у Соловьевых приемным сыном. После замужества Маша долго не могла родить, и тогда решили взять ребенка из Детского дома. И вот теперь они ждут своего. Марфа Афанасьевна, мать Айсена, полная, с приветливым лицом, сказала:

– Так часто бывает. Живут год, два, три, а детей нет, а возьмут приемного – и Бог за их доброту своего ребенка родить разрешает.

Разговор, в основном, касался недавней командировки, вспоминали всякие случаи, смеялись. И Черкашин чувствовал себя здесь лишним. В дружную компанию ментов много лет назад Черкашина ввел Иванов, но Черкашин за эти годы так и не стал своим, и это его обижало. А, возможно, ему было плохо оттого, что рядом не было Кати, но звонить первым он не собирался.

***

А Катя, хоть и немного всплакнула, так, чтоб не заметили тетя с матерью, но звонить Черкашину первой тоже не собиралась.

Однако Вера Семеновна заметила состояние дочери:

– Снова поругались? Что за причина на этот раз? Ты, как женщина, иногда должна и уступить мужчине, а не стоять насмерть. Уступить мягко, чтоб он этого и не заметил, а не с угрозами, что в следующий раз вообще с ним разговаривать не будешь.

– Я вот так же, как ты, была неуступчивой, – вздохнула тетя и погладила сидевшего у нее на коленях кота. – И он был упертый, как баран. А чего добились? Он женился на другой, я тоже вышла замуж. Ничего плохого про Колю не скажу, повезло мне с мужем. А вот он женился – разводился, женился – разводился. Десять лет назад встретила его, он и говорит: какими мы были дураками, сами себе жизнь испоганили.

– Слышала? – спросила Вера Семеновна. – Однажды Максиму это противостояние надоест, и он найдет другую.

– Ну и пусть, мне наплевать.

– Когда ты только повзрослеешь?

Так, в ожидании звонка от Максима, прошло несколько дней. Но позвонил не Черкашин, а Иванов:

– Здравствуй, Котенок! Не забыла мой адрес? Приезжай, есть разговор.

– О чем?

– О любви и дружбе. Есть хорошие новости. И отключился.

«Так я и побежала, командир нашелся! И какая я ему котенок», – запоздало обиделась Катя. Однако тут же собралась и поехала к Иванову. И весь путь, сидя в автобусе, решала, правильно она делает или нет, что вот так сразу, по первому зову, едет к почти незнакомому человеку.

Дверь открыла девица в тельняшке, видно, ей нравилось изображать из себя морячку. Катя хотела повернуться и уйти, но за спиной девицы появился Иванов.

– Быстро ты. Проходи, будем пить кофе и разговаривать.

– Юра, я тогда пойду, – потянулась девица. Тельняшка поднялась, открывая мощные ляжки.

– Хорошо, Римма, не забудь позвонить.

Катя с Ивановым прошли на кухню, и Катя снова удивилась царящей здесь чистоте.

– Кофе, чай?

– Спасибо! Я уже пила.

– Тогда к делу. Садись, Котенок, пора нам переходить на «ты».

– Никогда не называйте меня Котенком!

– Хорошо, Котенок, не буду. Это я репетирую, как буду называть тебя там, в деревне.

– Никакой деревни не будет, денег я не нашла и не найду. Мы живем на тетину пенсию и мамину мизерную зарплату. Как сказал Максим, по моему виду можно определить, что я из бедной семьи.

– Ну, это он приврал. А финансовый вопрос я решил. Ребята скинулись понемногу. Это раз. И второе: самолет туда летает два раза в неделю, свободные места есть, надо успеть взять билеты.

– Вы серьезно? – не верила Катя.

– Моя никогда не врет. Тебя мать отпустит?

– Я скажу, что поеду с археологической экспедицией. У мамы большое сердце, и правду ей говорить нельзя.

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

– Хорошо, сначала переговоры с матерью, а уж потом будем брать билеты. И подумай о подарке.

– Юра, я пошла, – девица поцеловала Иванову и ушла.

– Римма ваша невеста?

– Она жена одного капитана, но не полиции. Он у нее речник.

– Как вы можете?

– Да как-то так. Нельзя оставлять женщину в самом соку на все лето, она без мужской ласки повянет. Так что я сохраняю для капитана красоту его жены. А потом, замужняя женщина от меня ничего не требует и не желает.

– Какой-то вы... – только и нашлась сказать Катя от такой откровенности Иванова.

– Значит, Котенок, договорились: берешь разрешение у матери и звонишь мне. И перестань выкатывать. А у меня к тебе предложение, поехали к Соловьевым, Маша приглашает на рыбный пирог.

– Приглашает вас, а не меня.

– Да Маша только рада будет. А пирог у нее всегда отменный получается. Поехали.

Маша, действительно, обрадовалась приходу Кати:

– Хоть нормально поговорим. Надоели мне эти мужские разговоры.

– Обижаетесь, мать, – чмокнул Машу в щеку Иванов.

– Вас обидишь! Мойте руки и за стол, пока пирог теплый.

Пирог был обалденный. Но когда все дружно начали хвалить Машу, она заявила:

– Нас дядя свежей рыбой снабжает, вот и весь секрет, я тут ни при чем.

– А тестом тоже дядя снабжает? – спросил Иванов. – Не скромничай. Присваиваю тебе звание: «Лучший пирогаделатель России!» Ура!

– Это надо отметить, – тут же заявил Айсен.

– Так бы сразу и сказали, что выпить хотите.

Через некоторое время Катя с Машей ушли в другую комнату, а мужчины остались сидеть за столом, что-то горячо обсуждая.

– Раньше их трое было: Юра, Айсен и Николай Кычкин. Вместе были в учебке, вместе поехали

в первую командировку на Кавказ. Дежурили на блокпосту. Когда на соседнюю деревню напали боевики, весь отряд выдвинулся туда, на блокпосту остались Юра, Айсен и Николай. А бандиты, вместо того, чтобы скрыться в «зеленке», решили прорваться через блокпост. Там такое место, я фотографии видела, в обход не объедешь. Николай сразу тяжело ранили, Юра с Айсеном отбивались вдвоем. Потом их тоже ранили, но они держались, пока не подошел отряд. За это всем троим дали по ордену Мужества.

Катя хотела спросить, а где сейчас Николай, но в комнату вошли Иванов с Айсеном. И разговор пошел совсем о другом...

***

Что сказать матери, Катя придумала давно, как только решила ехать в Крестовую. Студенты исторического факультета собирались на археологические раскопки, предлагали и филологам. Катя тогда отказалась, а теперь посчитала экспедицию хорошим прикрытием для того, чтобы съездить в деревню. Так оно и произошло, но прежде Варвара Семеновна спросила имя руководителя. Катя его хорошо знала и потому не задержалась с ответом, слова «кандидат наук» подействовали на мать успокаивающе.

– Максим едет?

– Мама, он работает.

– Жалко.

– Я в детстве одно время мечтала стать археологом, – сказала тетя. – Боже, как давно это было. Как быстро пролетела жизнь. Ты спроси, может, меня возьмут, как артефакт двадцатого века. Меня и откапывать не надо.

– А я хотела стать летчицей, – вздохнула Вера Семеновна. – Но рожденный ползать летать не может – это про меня. Надо, Катя, подумать, что с собой возьмешь.

– Оденусь как в турпоход, возьму смену белья, зубную щетку, я же ненадолго, – Катя подумала, как быстро она получила разрешение матери. Это хороший знак, значит, и дальше все будет хорошо.

Позвонила Иванову, тот похвалил:

– Молодец! Бери паспорт и быстро дуй ко мне, поедем за билетами.

Слово «дуй» покорило Катю, но сейчас было не до обид.

Билеты были, вылет через три дня. Иванов предложил заехать к нему:

– Пора нам познакомиться по-настоящему.

Уже в квартире Иванов сказал:

– Я поставлю чайник, а ты рассказывай о себе, о родителях. Легенду тебе придумывать не будем, все оставим, как есть. А то начнешь путаться, а этого нам не надо.

Рассказ Кати длился недолго: школа, институт, филологическое отделение. Больше говорила об отце с матерью и о тете Глаше. Иванов слушал внимательно, иногда переспрашивал. О себе сказал немного:

– Легенда такая. Служил в полиции, за драку со старшими офицерами уволен из органов, работаю в охранном агентстве. С тобой познакомилась год назад, когда я еще работал в полиции. Живем гражданским браком, детей завели, когда закончишь институт. Родственников у меня здесь нет, родители под Новосибирском в Бердске, живут за счет огорода, пенсии не хватает. Теперь о другом. Раз мы в браке, то и должны вести себя подобающим образом. Перестань мне выкаты. И как ты меня будешь звать – по фамилии, по имени? И еще, любимая моя, спать мы там будем с тобой в одной кровати.

– Как в одной? – растерянно проговорила Катя.

– Потому что мы муж и жена.

– А отдельно нельзя?

– Сразу поймут, что обманываем.

– Может, тогда сказать, что мы просто знакомые?

– А на кой мне, просто знакомому, тащиться с тобой в такую глухомань? Да все нормально, сколько девушек со мной спали, ни одна не обиделась. И чтоб тебе было понятно, мы там изредка, но должны будем обниматься и целоваться. Мы молодая здоровая пара, и без этого никак нельзя. Так что тебя, Котенок, ждет много новых, прекрасных ощущений. Вопросы есть? Вопросов нет. Встретимся перед отлетом.

Засвистел чайник.

– Слышу, слышу. Кофе будешь? С пирожками. Римма отличная стряпуха. Посидим по-семейному.

– Спасибо! Я пойду.

– Тогда до встречи, – Иванов проводил Катю до двери. – Если возникнут вопросы, звони.

Катя вышла от Иванова ошарашенная. Спать в одной кровати с этим нахалом! Целоваться с ним! А если, когда они будут лежать в кровати, он захочет это? Зачем она прочитала это письмо! Может, не стоит никуда ехать? Нет, надо ехать. Она будет целоваться и спать с Ивановым, но пусть только он попробует ее тронуть. Вот если бы вместо Иванова с ней поехал Максим, это было бы здорово и походило на предсвадебное путешествие.

Максим! Говорить ему, что она уезжает, или нет? Если не сказать – обидится. Но тогда получится, что она позвонила первой. Но и уехать тайком нельзя.

Позвонила:

– Если тебе интересно, то я через три дня улетаю в Крестовую.

– Как улетаешь?

– Самолетом, уже взяли билеты.

– С кем летишь?

– С Ивановым, ты же не захотел.

– Нам надо поговорить, я сейчас не могу, скоро начнется совещание у генерального. Но вечером, после работы, обязательно приеду.

Появился Черкашин намного раньше, Вера Семеновна еще не вернулась с работы. От чая, предложенного тетей Глашей, отказался:

– Спасибо! В следующий раз. С вашего разрешения, забираю Катю.

– Давно пора. И что вас мир не берет в последнее время? – Глафира Андреевна была благосклонна к Черкашину, в семье Воробьевых его давно уже считали своим.

Даже соседи Воробьевых, встретив Черкашина в подъезде, здоровались с ним с благожелательной улыбкой – умел Максим нравиться людям.

Сели в машину, и Максим предложил:

– Заедем в кафе, с утра ничего не ел, день такой суматошный. Там и поговорим.

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

Пока ехали, Максим ни слова не сказал о предстоящей Катиной поездке, видимо, считал, что такой серьезный разговор требует спокойной обстановки. И начал его, когда уселись за стол:

– Не понимаю, как Вера Семеновна разрешила лететь тебе в эту чертову дыру.

– Я сказала, что еду в археологическую экспедицию с историками. У мамы большое сердце, зачем ее волновать?

– Ты хоть подумала хорошенько, что едешь с почти незнакомым тебе мужчиной? Неизвестно, как он себя поведет.

– Зато я знаю, что мне придется с ним целоваться, обниматься и спать в одной кровати.

– Спать в одной кровати? А это еще зачем?

– Потому что мы будем изображать мужа и жену.

– Зачем тебе это надо? Кто такая Тулушева? Может, она спилась или больная на голову?

– Приеду, узнаю.

– Когда приедешь, уже будет поздно. Может, там бандитское гнездо. Кто она тебе? Сколько в стране таких, как Тулушева, и ничего – живут, и никто не спешит им на помощь.

– Живут и терпят, потому что им деться некуда. Но что это за жизнь! И если я помогу хоть одному человеку...

– То станешь матерью Терезой. Ты просто вбила себе в голову, что должна ехать, но ты никому не должна, у каждого своя жизнь. И поедешь ты в эту деревню или нет, всем наплевать.

– Но только не Тулушевой, – Катю начал злить этот разговор.

Но еще больше ее упертость разозлила Черкашина:

– Да не надо тебе туда ехать, нет ни одной веской причины, чтобы ехать. Надо быть большой душой, чтобы решиться на это.

Катя вскочила и выбежала из кофe.

Когда Черкашин рассчитался и вышел, Катю не было. Но сейчас она и не нужна была Черкашину, он позвонил Иванову и поехал к нему. Будут они спать в одной кровати! Хрен вам. Деньги, конечно, нашел Юрка – скинулись менты. И чего Юрка лезет в чужую жизнь? Если бы не он, Катя со временем обо всем бы забыла.

А Катя шла по улице с полными слез глазами. Как он мог так сказать? И это вместо того, чтобы понять, помочь. Максим оказался совсем не таким, каким она его представляла.

***

Дверь открыл Иванов с бутылкой пива в руке.

– Пошли, наши играют. В восемнадцатом году будем смотреть на очередной позор сборной, даже пас не могут нормально отдать. Повезло, что в предварительных играх не надо участвовать, а то не попали бы на чемпионат в собственной стране. Пиво в холодильнике, пошли посмотрим.

– Да не люблю я футбол, дурацкая игра.

– Это ты зря, – Иванов прошел в комнату, устроился на диване, глотнул пива. – Ты чего хотел-то?

– Юра, оставь Катю в покое.

– Не понял, – вытаращил глаза Иванов. – Ты что, ревнуешь?

– Зачем ты тащишь ее в эту глухомань?

– Я лишь сопровождающее ее лицо. Главная она, с ней и говори.

– Я собирался ехать с ней в Таиланд и сделать там предложение. А тут ты. Ты должен отказаться.

– И как я это сделаю? Ах, Катя, извини, мне расхотелось ехать?

– Скажи, что возникли проблемы.

– Это что за болван? – взмахнул руками Иванов. – Справа был свободный игрок, а он уткнулся в мяч и ничего вокруг не видит.

– Ты рушишь мне семейную жизнь.

– Как я могу ее разрушить, если она еще не началась? Нет, ты посмотри – и это игрок сборной, – Иванов, не спуская глаз с телевизора, достал из холодильника пиво. – Уговори ее сам, скажи про Таиланд.

– Да она упертая, как... Вся надежда на тебя. Не должна она ехать к этим уголовникам.

– Я дал слово, а я за свои слова отвечаю. Сделаешь ей предложение на неделю позже. Долго мы в деревне не задержимся. Если она поедет, то будет гордиться этим всю жизнь, а если не пое-

дет, то будет винить себя тоже всю жизнь. Постарайся понять ее... И это защитник?! Детский сад.

– Значит, не сможешь?

– Мог бы меня раньше предупредить.

– А я знал, что менты такие филантропы? Юра, ну скажи, что вызвали на работу, кто-то умер...

– Тьфу! Тьфу! Не каркай. Я просто проводник, надо, чтобы отказалась она... Вот идиоты! Чтобы сойти с ума, надо почаще смотреть, как играет наша сборная.

– Значит, не сможешь? – снова спросил Черкашин.

– Рад бы, да не могу.

– Значит, будешь лежать с ней в одной кровати и целоваться?

– Конспирация обязывает. Да и потом, чем ближе она ко мне будет, тем безопаснее для нее.

– Я знаю, что мне делать. Катя никуда не поедет!

– Не поедет – мне лучше, рвану с ребятами на рыбалку. Ты посмотри, куда он отдал пас. Зря ты не любишь футбол, настоящий мужчина должен или играть в футбол, или быть ярым болельщиком. Это тебя плохо характеризует.

– Да иди ты!

Спускаясь по лестнице, Черкашин зло прошептал:

– Тебя зато хорошо характеризует. Только и умеешь, что пить пиво и орать, как дурак. Он за свои слова отвечает... Тупой мент!

Черкашин долго сидел в машине, навалившись на руль. Он чувствовал себя обманутым, и это злило его. Злило, что Катя за его спиной договорилась с Ивановым и только потом сообщила ему. По мнению Черкашина, этим она унизила его в глазах Иванова и тех, кто знает о поездке. А этого Черкашин терпеть не собирался. Он знал, как остановить Катю. Возможно, после этого Катя не захочет его видеть, но в данное время это не имело значения. Сначала пусть все пойдет так, как хочет он.

Когда он зашел к Воробьевым, Катя демонстративно закрылась в комнате, но Черкашину как раз это и надо было. И после взаимных приветствий он начал приводить в действие свой план:

– То, что я сейчас скажу, не понравится Кате, но я делаю это ради нее. Прошу вас, Вера Семеновна и Глафира Андреевна, выслушать меня внимательно и не волноваться. Потому что все еще можно исправить.

– Что такое? – обеспокоенно спросила Вера Семеновна.

– Да вы не волнуйтесь, – Черкашин сел на стул, провел пальцем по узору на клеенке. – Катя едет не с археологами, а в глухую деревню спасать какую-то Любу Тулушеву от насильника.

– Боже ты мой! – всплеснула руками Глафира Андреевна.

А Вера Семеновна схватилась за сердце, но это не остановило Черкашина:

– Я не хотел говорить, но я люблю Катю и не хочу, чтобы она поехала в эту бандитскую деревню.

– Она что, нас обманула? – глянула на Глафиру Андреевну Вера Семеновна.

Но ответил Черкашин:

– Иначе бы вы не отпустили ее.

– А откуда Катя узнала о женщине и насильнике? – недоверчиво спросила Глафира Андреевна.

– Прочитала письма, которые Тулушева отправляла своей тете, вашей бывшей соседке Эльзе.

– Моя дочь читала чужие письма? Вы, Максим, что-то путаете. Катя никогда бы не сделала этого.

– Писем было несколько, и Катя подумала, что человек в беде или ему нужна срочная помощь.

– И что было в письме?

– Эта девушка, Люба Тулушева, писала, что родители ее умерли, что она осталась одна. А тут еще участковый подселил к ней уголовника, который изнасиловал ее и живет с ней, как с женой. Вот она и умоляла тетю забрать ее.

– Страсти-то какие! – прижала ладони к щекам Глафира Андреевна.

– Вот Катя и едет туда, чтобы спасти Тулушеву, она и билеты уже купила.

Молчавшая Вера Семеновна вдруг повалилась на бок, но Черкашин успел подхватить ее:

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

– Вызывайте «скорую».
 – Катя! Маме плохо!
 «Скорая» приехала быстро. Вере Семеновне поставили уколы, еще раз проверили кардиограмму и уехали.

Вера Семеновна с укором глянула на дочь:

– Катя, как ты могла нас обмануть?

– Ах, вот оно что, – повернулась Катя к Черкашину. – Стукачок настучал. Пошел вон и забудь наш адрес!

– Я сделал это ради тебя.

– И чуть не убил мою маму. Уходи!

– Я уйду, но ты еще пожалеешь.

– Не надейся.

Когда за Черкашиным закрылась дверь, Глафира Андреевна, расхаживая по комнате и потирая руки, попросила:

– Вера, ты не волнуйся. Катя дома, жива-здорова и никуда не уехала. А то, что выгнала Максима, то в данный момент это было правильное решение. А ты, Катя, не спеша, подробно все нам расскажи, и про письма, и про обман, и с кем собиралась ехать. Все говорим тихо, не кричим, не волнуемся. По сути дела, еще ничего не произошло.

– А письма? – подала голос Вера Семеновна.
 – Она читала чужие письма!

– Но читала не из интереса заглянуть в чужую жизнь, а переживала за незнакомого человека. Так что это обвинение снимаем. Письмо где?

– Вот, – достала из сумочки письмо Катя. – Там было три, но я прочитала только одно.

Глафира Андреевна прочитала письмо.

– Бедная девочка. Тебе, Вера, читать не обязательно. Рассказывай, Катя.

Слушали внимательно, правда, несколько раз Вера Семеновна пыталась что-то сказать, но Глафира Андреевна укоризненно качала головой.

– Потом ребята полицейские собрали денег, и мы с Ивановым купили билеты. Все, – тяжело вздохнула Катя.

– Иванов – это кто? – спросила Вера Семеновна.

– Полицейский, старший лейтенант. Недавно вернулся из командировки. Меня с ним познакомил Максим. Иванов сразу сказал – надо ехать и забирать Тулушеву.

– А почему бы просто не заявить в полицию?

– Мама, мы тоже так хотели с Максимом, но Иванов сказал: чтобы открыть дело, надо заявление потерпевшей, а письмо – это так. Но даже если захотят разобраться, то прикажут это сделать райотделу, а они пьянствуют вместе с участковым. Хуже будет только Тулушевой.

– Да, – протянула Глафира Андреевна, – ситуация. А почему ты не едешь с Максимом?

– Он отказался.

– Потому что думает своей головой, а не как некоторые, – похвалила Черкашина Вера Семеновна.

– Как сказать... Для своего возраста он слишком осторожный, – возразила ей Глафира Андреевна. – А Тулушеву надо выручать.

– Глаша, что ты говоришь? – возмутилась Вера Семеновна.

– Теперь, Вера, это и наша боль. Давай, вот так сразу, ничего не будем решать. А пригласим в гости Иванова. Катя, он водку пьет?

– Пьет, – не стала Катя выгораживать Иванова.

– Бутылка у нас есть, на закуску пойдут голубцы. Приглашай, Катя, своего Дерсу Узала.

– Она никуда не поедет! – отчеканила Вера Семеновна.

– Об этом никто не говорит, но мы можем посмотреть на ее нового друга. Да и давно к нам никто не приходил в гости.

– Она никуда не поедет!

– Вот это мы и объясним Иванову. Кстати, как его имя?

– Юра.

– Звони ему.

Катя ушла в соседнюю комнату, набрала номер Иванова.

– Слушаю, Котенок.

– Ты трезвый или пьяный?

– Кроме пива – ничего. А в чем дело?

– Мама и тетя Глаша приглашают тебя в гости. Черкашин им все рассказал, и они хотят посмотреть на тебя. Сможешь приехать прямо сейчас?

– Могу.

– Ты должен им понравиться.

– Постараюсь. Через полчаса буду.

Катя думала, Иванов появится в форме с орденом Мужества на груди, а он заявился в футболке и джинсах. И Катя не смогла понять, понравилось это или нет матери и тете.

После торжественной части – взаимные приветствия, знакомство – Глафира Андреевна спросила:

- Может, чайку с нами?
- Не откажусь. Чай не пил, какая сила!
- А может, за знакомство по рюмочке?
- Тоже хорошо.

Накрывая на стол, Глафира Андреевна спросила:

- Как вы относитесь к голубцам?
- Положительно. Наша невестка все трескат, мед и тот жрет.

Вера Семеновна глянула на Глафиру Андреевну и тяжело вздохнула.

Иванов и Глафира Андреевна выпили за знакомство, Катя и ее мать ограничились чаем. И Иванову было предложено рассказать о себе и о родителях. Иванова не надо было уговаривать.

– Отец работал в Управлении пароходства, а мама преподавала в школе историю...

- А что она окончила?
- Наш университет.
- Не помните, в каком году?

Иванов сказал.

– И я в этом же году. Лекции по марксизму-ленинизму у нас были совместные. А ее девичья фамилия?

- Смольникова.
- Тамара, и на лбу маленький шрам.
- Да.

– Мы с вашей мамой вместе участвовали в художественной самодеятельности, в те годы наш ИФФ был всегда на первом месте.

– Выпила рюмку, а расхвсталась на бутылку, – проворчала Вера Семеновна. – Дай человеку рассказать.

– Всё, молчу. Но так приятно вспомнить студенческие годы! Говорите, Юра.

– Когда родители вышли на пенсию, то купили в Бердске дом с большим огородом. Что выращивают, продают на рынке. Я в свое время поступил в Новосибирский институт водного

транспорта, хотел идти по стопам отца, но на втором курсе бросил – не мое. Отслужил на флоте. После службы два года проходил рулевым-мотористом, другой профессии не было, учился заочно в Речном. Училище я закончил, когда уже служил в ОМОНЕ. Не женат. Родители зовут к себе, но пока меня устраивает эта жизнь.

- Почему вы решили помочь Кате?
- Причина в письме.
- Да вы ешьте, – не вытерпела Вера Семеновна. – Позвали человека в гости, а кормим одними разговорами.

– А мы с ним еще по одной для аппетита, – разлила водку по стопкам Глафира Андреевна. – Как вы думаете, Юра, ваше предприятие опасное?

– Думаю, что нет. Но соблюдать осторожность придется.

– И за сколько дней управитесь?

– За неделю. Сначала надо оценить обстановку, так ли все, как написано в письме, а уж потом действовать.

– Что вы сейчас читаете? – неожиданно спросила Глафира Андреевна.

– «Анну Каренину». Хочу понять, почему к этому роману такой всемирный интерес. Потом перечитаю «Войну и мир».

– А как вам Достоевский?

– С удовольствием прочитал «Братьев Карамазовых». А вообще, я устаю от его героев. Обычно ранимые люди прячутся в скорлупу, а у него, наоборот, выставляют свои раны напоказ, чтоб им же было больнее. Правильно кто-то сказал, что это люди Достоевского. В жизни таких нет.

– А что скажете насчет Чехова?

– Пьесы перечитывал несколько раз. У нас дома двенадцатитомник, родители оставили его мне, так что часто беру тот или иной том. Он мой любимый писатель.

– А современные авторы, к примеру, Прилепин?

– «Патология» – отличная книга. А остальное – просто пацанские рассказы, перехвалили человека. Его «Обитель» – пустышка. Читать такое после Шаламова... Мне больше нравится Роман

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

Сенчин, его «Елтышевы», «Зона затопления». Не побоялся ее написать после распутинской «Матёры». Правда, посвящает этот роман Валентину Григорьевичу.

– Писать сами не пробовали?

– Да накарябал несколько страниц.

– Интересно было бы прочитать. Но это потом. Сделаем так: мы тут соберем семейный совет и сообщим вам наше решение насчет поездки в Крестовую.

– Согласен.

Глафира Андреевна разлила «на дорожку, и Иванов покинул квартиру Воробьевых.

– И что ты ему за экзамен по литературе устроила? – спросила Вера Семеновна.

– Скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты. Мало того, что человек смелый и сильный, главное, чтоб был умный. Чувствую, воспитание его матери, мы с ней одно время дружили, пока я не уехала. Хороший человек этот Иванов, с ним Катя будет в безопасности.

– Катя никуда не поедет!

– Вера, каждый человек должен в жизни хоть раз сделать что-то такое, чтоб мог гордиться этим. И неважно, как потом сложится его жизнь, но этот поступок не даст ему в трудные минуты безвольно сложить руки. Взять Чехова. Уже известный писатель, Антон Павлович, большой чухоткой, едет на Сахалин. А ведь это были годы всеобщего признания его таланта, Академия наук вручила ему Пушкинскую премию. Но у него было чувство ответственности перед читателями, и ему нужен был этот поступок. Не для других, для себя. И потом, раз мы прочитали письмо, то вроде как тоже отвечаем за Тулушеву.

– А вы подумали, где она будет жить? – вроде как начала сдаваться Вера Семеновна.

– Когда человека спасают из горящего дома, никто не думает, где он будет жить. Хотя вопрос, конечно, серьезный. Но мы пока не знаем, что она умеет, и куда ее можно было бы пристроить на работу.

– Почему едет один Иванов, а не несколько полицейских?

– Двоим удобнее, – сказала молчавшая весь вечер Катя. – Скажем, что мы муж и жена в гра-

жданском браке, а я дочка сестры Эльзы. Это не вызовет подозрения, к тому же так мы попадем в дом Тулушевой.

– В лапы к бандиту. А у меня всего одна дочь. И она никуда не поедет! Все, решено!

Однако Глафира Андреевна приводила все новые и новые доводы, да и привычка Веры Семеновны в последние годы во всем полагаться на сестру мужа, слушаться ее, сделали свое дело, и она дала согласие.

И Катя позвонила Иванову. После этого в семье Воробьевых снова начался спор, но уже по другому поводу. Что взять Кате в дорогу, что одеть? Какой подарок взять Любе Тулушевой?

***

Приход Иванова к Воробьевым не остался незамеченным. Встретив Катю, Настя с любопытством спросила:

– Это что за мужик к вам приходил?

– Юра Иванов.

– Теперь я понимаю, почему ты не пустила тогда Максима.

– Да Юра не ко мне приходил, а к тете Глаше. Начинаящий писатель, – Катя сама удивилась, как она в последнее время ловко научилась лгать.

– Вот это мужик. Твой Максим всем хорош, но вот Никита говорил, что когда он с ним здоровался за руку, рука у Максима всегда была вялая. Бесконфликтный, далеко пойдет. Но я бы на твоём месте этого Юру охомутила. Он такой... надежный.

– Никого мне не надо.

– Надо, девка, ой, как надо. Ты скажи, долго будешь лахудрой ходить? Сегодня у меня выходной, забеги завтра.

– Забегу, – Кате не понравились слова Насти о Максиме. Просто, Максим не хочет хвастаться своей силой. Захотел бы, то так сдавил бы руку Никите, что тот больше не лез бы здороваться. Она попыталась мысленно сравнить Максима с Ивановым, но тут же оставила эту затею. Но слова Насти о надежности Иванова крепко засели в ее голове.

А Иванов отправился в полицию, посмотреть на лица тех, кто был в розыске. Лица были мало-симпатичные, словно на них отразилась преступная натура хозяев, и все они чем-то походили друг на друга, словно были одного роду-племени. Егор Дроздов в розыске дольше всех – десять лет. Убийца и грабитель, может, умер давно или дружки порешили. Семен Плотников в розыске пять лет. Сергей Ковалев в розыске три года, убийца и насильник, убежал прямо из зала суда, и через несколько дней зверски убил семью майора Григорьева. Именно майор в последний раз арестовал его. Приходился Григорьев дядей Айсена Соловьева и, по словам Айсена, Григорьеву из-за обширного инфаркта пришлось уйти из полиции. Михаил Воронов, убийца, убежал с зоны, и еще несколько совершивших тяжкие преступления, но сумевшие уйти от наказания. Если с Тулушевой живет кто-то из них, ей не позавидуешь. Да и ему с Катей придется держаться настороже, для них убить человека проще простого. Иванов еще раз глянул, запоминая лица, с кем-то из них им придется встретиться.

После полиции Иванов зашел в охранное агентство «Страж», возглавлял его хороший знакомый Иванова подполковник полиции в отставке Холодов Василий Иванович. Этому человеку Иванов доверял и мог говорить все.

Выслушав Иванова, Холодов сказал:

– Бывал я в тех местах, разный народишко бродит, и осторожность не помешает. Жаль, оружие с собой не возьмешь. А удостоверение сделаю, расскажу и что охраняем.

– Но удостоверение не должно выглядеть как новое.

– Все сделаем, как надо, не беспокойся. Холостякуешь или, наконец, женился?

– Холостякую.

– Это не порядок, мой Мишка одних лет с тобой – тоже тридцать один, – а уже троих наклепал. Вырастут, ему подмога. Не тяни с этим, столько вокруг девчат.

– Девчат много и все хорошие, но вот жены среди них не вижу.

– Плохо смотришь. Ладно, Юра, неси фотографию.

Теперь не мешало бы узнать, что там за участковый. Спросить есть у кого, но обязательно последует встречный вопрос: «А тебе зачем?» Да и потом, в Якутии сильны родственные связи, спросишь, а это может дальний родственник участкового. И Иванов решил, что разберется на месте.

А Катя переживала за свою размолвку с Черкашиным, ведь можно было как-то по-другому сказать ему, чтоб ушел. Все-таки Максим переживает за нее. И вообще хотел сделать ей приятное, свозить в Таиланд, и как Катя подозревала, собирался сделать там ей предложение. А теперь все рухнуло. И Кате хотелось плакать. Да что хотелось, она и в самом деле всплакнула, повторяя: «Ну и пусть! Ну и пусть!».

А через несколько минут она уже думала по-другому. Знал ведь, что у мамы большое сердце, знал. И не должен был говорить о ее поездке в Крестовую. Настоящий мужчина так не поступает.

О том, чтобы позвонить Черкашину, Катя даже не думала и не собиралась с ним встречаться. Но встретиться пришлось. Родила Маша. Об этом Катя узнала от Иванова, тот неожиданно пришел и заявил:

– Поехали в роддом, Маша вчера поздно вечером родила. Девочку.

Держался Иванов так, словно они с Катей давным-давно знакомы, и она своя в их компании. И это Кате понравилось.

Возле роддома Катя и увидела Максима, он что-то говорил стоявшему рядом Соловьеву. Но Айсен, пожалуй, его не слышал, махал жене, что появилась в проеме окна, и что-то кричал. Кричали и остальные, полицейские и их подруги, вся компания, что Катя видела на даче.

Скоро Маша махнула в последний раз и отошла от окна, и все поехали к Соловьевым. Катя, словно не замечая Черкашина, поторопилась сесть в машину Иванова, где уже сидела Римма. Римма доброжелательно сказала:

– Ты не бойся, с Юрой не пропадешь. Все у вас получится, я бы тоже поехала, да никто отпуск не даст.

И Катя снова подумала, что она попала в хорошую компанию.

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

У Соловьевых уже был накрыт стол, а гостей встречала Марфа Афанасьевна:

– Проходите, проходите. Счастье-то какое!

За столом Катя узнала, что роды прошли нормально, девочка весит три двести, рост пятьдесят один. Хорошо это или плохо, Катя не знала, но потому, как счастливо выглядели Соловьевы, поняла, что хорошо.

Пили за здоровье Маши и дочки Кюннэй – так решили назвать новорожденную. Кто-то, Катя не знала имена всех, предложил женить Кюннэй на его сыне, который, когда вырастет, будет хорошим ментом. Соловьев показал ему фигу:

– Отдам за бухгалтера – чтоб никаких командировок, никакого оружия, чтоб жили тихо, мирно и растили детей.

– А если его посадят за растрату?

– Типун вам на язык, – обиделась Марфа Афанасьевна за внучку. – Она только родилась, а вы уже ее мужа в тюрьму. Вырастет, сама мужа выберет.

– Выпьем, чтоб выбрала хорошего.

Выпили, и кто-то предложил:

– А сейчас выпьем, чтоб Юра и Катя съездили удачно.

– За это надо. Если что, мы приедем, наведем там шороху.

– Этого «если что» нам не надо, – поднялся Иванов со стаканом в руке. – Мы собрались, чтоб выпить за здоровье новорожденной и Маши, так давайте пить за них...

Через некоторое время Катя, стараясь не привлекать внимание, поднялась и вышла из квартиры. Казалось, никто не заметил ее ухода, но следом вышел Иванов:

– Котенок, я утром за тобой заеду.

А уже во дворе Катю догнал Черкашин, попытался обнять, но Катя отстранилась.

– Значит, все же едешь? И на мое мнение, как я понял, тебе наплевать. Рушишь нашу не начавшуюся семейную жизнь ради неизвестно кого. Ты хоть на минуту вдумайся в эту ситуацию. Абсурд. Я думал, мы с тобой одно целое.

– Но я не могу не поехать.

Черкашин схватился за голову:

– Ты внушила себе это. Ведь ничего не про-

изойдет, если ты не поедешь, жила Тулушева без тебя и будет жить. И еще не поздно сказать Иванову, что ты не едешь. Я могу ему сказать это вместо тебя. Решайся. Путевки в Таиланд я еще не сдал, и через несколько дней мы будем лежать на пляже. Уже как муж и жена. Я сделаю тебе там предложение.

– Я поеду в Крестовую, – тихо сказала Катя.

– Не терпится полежать в одной кровати с Ивановым?

– Да. Он сказал, что девчонки, которые с ним спали, все были довольны, – еще неделю назад Катя и думать не думала, что будет говорить такие слова.

– Ты... – Черкашин, видимо, хотел назвать Катю нехорошими словами, но сдержался. – Ты еще пожалеешь. А с кем лететь в Таиланд, я найду, – и быстро пошел к подъезду.

– Боже! – шептала Катя. – Ну, почему Максим не хочет понять меня? Почему Иванов сразу согласился ехать, а человек, которого я люблю, против поездки. Почему? – Кате хотелось плакать.

Иванов приехал рано утром, но Воробьевы уже не спали. После взаимных приветствий Иванов попросил показать содержимое сумки, что брала с собой Катя.

– Раз мы муж и жена, наши шмотки должны лежать вместе, мои трусы – ее трусы, мои футболки – ее футболки, ее тапочки – мои тапочки.

И Воробьевы, переглядываясь, смотрели, как он переложил все, что было в Катиной сумке, в свой большой выцветший рюкзак.

– А где халат?

– А зачем он?

– Туалет там на улице. Ночью, чтобы не одеваться, накинула халат и пошла.

Халат нашли, Иванов тут же сунул его в рюкзак:

– Как-то так.

– Прилетите в райцентр, где остановитесь? Где-то вам надо же будет жить, пока попутную моторку найдете... – заволновалась Вера Семеновна.

– С этим все хорошо. У Айсена Соловьева там живет дядя Григорьев Алексей Петрович, майор

полицейской в отставке. Соловьев ему уже позволил, Григорьев и договорится насчет моторки.

Однако и это не успокоило Веру Семеновну, и пришлось выслушать от нее кучу наставлений, прежде чем Катя и Иванов поехали в аэропорт.

***

Самолет взлетел по расписанию, и Катя посчитала это хорошей приметой, и вздохнула свободно – все, назад пути нет. Вчера, расставшись во дворе с Максимом, что только Катя не передумала: ведь сколько раз в мечтах представляла она свою жизнь с Черкашиным. И вот разрушила все своими руками. Она даже знает, с кем Максим поедет в Таиланд – с Ириной Ташлыковой, красивой, пышной блондинкой, что работает на том же предприятии, где и Максим. И у них что-то было до встречи Максима с Катей. И Катя, каждый раз, увидев Ирину, казалась себе рядом с ней гадким утенком, и не понимала, почему Максим предпочел ее, а не Ирину. Несколько раз за вечер Катя хваталась за телефон, чтобы позвонить Иванову и сказать, что она не едет. Но было неудобно перед всеми, кто желал им счастливого пути, неудобно перед матерью и тетей. Хотя знала, что мать будет только рада, если она останется. Катя, конечно, пыталась внушить себе – причем здесь все они, если рушится ее собственная жизнь, но так и не позвонила Иванову.

Райцентр оказался небольшим поселком, и найти дом Григорьева не составило труда. Алексей Петрович вышел на крыльцо сразу же, как о прибытии гостей сообщила собака непонятной породы, то ли такса, то ли спаниэль.

– Проходите. Тишка, свои.

Был Алексей Петрович седой как лунь и худой – кожа да кости, и выглядел неважно, но когда поздоровались, Иванов с уважением отметил сильное рукопожатие хозяина.

– Айсен сказал: Иванов Юра. Думал, кто такой, но так и не вспомнил, а сейчас сразу узнал – ты вместе с Айсеном в учебке был, а потом в ОМОНе. А даму точно первый раз вижу. Жена?

– Я у нее проводник. Зовут Катей.

– Вот и познакомились. Что на крыльце стоять, прошу в дом. И тебе в дом охота, – погладил Алексей Петрович Тишку. – Раньше все держали лаек для охоты. А теперь каких только собак не навезли! Привезут, а потом выкинут. Бродячие собаки – какое слово поганое, собаки всегда к человеку с душой, а люди... А люди теперь не только собак, но и друг друга не жалеют. Дожили. Тишка тоже приبلудный, едва на ногах стоял, пожалел, взял. И каким он отличным охотником оказался, ему удовольствие – сплавать за убитой уткой. Садитесь, сейчас чайник включу, будем пить чай. Айсен сказал, вы направляетесь в Крестовое. К родственникам?

– По делу, хотим помочь одному человеку, но сначала надо разобраться, что к чему. Живет там Люба Тулушева, кто такая, не знаем, не видели...

Григорьев выслушал Иванова молча, а когда тот закончил, сказал:

– Все может быть, место глухое, рядом тайга. Я бы поехал с вами, но если с Тулушевой живет тот, о ком я подумал, я спугну его. Давайте пить чай, на пустой живот какой разговор.

Уже за столом Иванов сказал:

– Я посмотрел ориентировку: кто в розыске. Так что сразу узнаю, с кем имею дело.

– Если что серьезное, Ковалев или другой бандит, сразу обратно. Эта сволочь на все способна. Соберем надежных мужиков и – туда. Катя, вы ешьте, не стесняйтесь.

– Спасибо! Я ем.

– Не знаете, кто там участковый? Тулушева пишет, что он заодно с этим бандитом, а еще вроде бы к участковому приезжают из райотдела охотиться и пьянствовать.

– Участкового ты хорошо знаешь – Николай Кычкин.

– Николай? Так его же выгнали из полиции.

– Собирались. А потом втихую направили сюда. В Якутске была смена министра, его замов, а у Кычкина в кадрах родня. А в райотделе вообще-то хорошие ребята. Начальник темный какой-то, из другого района перевели, а многих я лично знаю, хорошие ребята, – повторил Григорьев. – Как там Холодов Василий Иванович, не встречал его?

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

– Два дня назад был у него, он мне сделал удостоверение охранника. Не хочу, чтобы в Крестовой знали, что я полицейский.

– Это правильно.

– Все у Василия Ивановича нормально, жена внуков нянчит, Михаил уже трех наклепал, работает у отца в агентстве.

– Счастливые, – лицо Григорьева перекосила гримаса боли.

– Спасибо! – Катя встала, вышла из дома и села на крыльцо. Рядом тут же пристроился Тишка и благодарно глянул на Катю, когда она погладила его.

По сравнению с городом, в поселке стояла тишина, лишь изредка нарушаемая проезжающей машиной или мотоциклом. По земле ползали какие-то букашки, летали непонятного вида насекомые, бабочки, одна села на плечо Кати. Осы, шмели, напоминая маленькие вертолетики, обслеживали цветы. На крыше сарая сидел бурндук и разглядывал Катю. И она подумала: вот это и есть деревенская идиллия.

Вышел Иванов:

– Отдохнешь, или по поселку пройдемся?

– По поселку.

Тишка пошел было с ними, но увидел разношерстную стаю собак и благоразумно вернулся во двор.

– А за что хотели выгнать из полиции Кычкина? Маша рассказала, как вы отбивались от бандитов.

– Да у него словно крыша поехала! Создали с одним из наших что-то вроде банды, грабили, «крышевали» торговцев. Мы говорили Николаю, а он: «Мы там жизнью рисковали, а они тут карманы набивали, пускай делятся». Потом совершили убийство, участвовал в этом Николай или нет, до сих пор неясно. Поначалу он шел как участник убийства, но потом его перевели в свидетели. Вроде бы, был приказ о его увольнении. Точно не знаю, мы в это время в очередной командировке были. Когда вернулись, его в городе уже не было, говорили, подался в охотники.

– А что сделал Ковалев?

– Лучше тебе этого не знать.

– Юра!

– Он вырезал всю семью Алексея Петровича – жену, двух дочерей и маленького внука.

Мир для Кати сразу стал не таким, как мгновение назад. Какая, к черту, идиллия – это ужас. Больше ей не хотелось ни о чем спрашивать. Что чувствует Григорьев, как он живет с этой болью? Ведь можно сойти с ума.

Когда вернулись, Григорьев окучивал картошку.

– Давайте я, – Катя чуть ли не силой забрала у Алексея Петровича тяпку. – Я умею, у нас дача.

– Ну, раз так.

– Я смотрю, у вас полно среднеазиатов, – Иванов стоял на крыльце, ждал, когда Григорьев вымоет руки.

– Полно. Мы, якуты, да и русские, умирали в войну от голода, но никуда не убегали, а работали и работали. В такой войне победили. И потом, страна была разрушена, но сами поднялись. А эти... Вы работайте у себя на родине, выберите направление и поднимайте страну. Нет, расползлись, как тараканы. Был недавно в Якутске – молодые, здоровые парни собирают на улицах мусор в мешки. Позор! Зачем тогда отделялись? И наших людей портят, скоро будет запахло работать дворником или дорожным рабочим, или слесарем. Вызвали сантехника – пришел таджик. Поскольку среднеазиаты в каждом городе и деревне, то у меня такое ощущение, что их кто-то специально расселяет по всей России. Неспроста это... Я, смотрю, работающая девчонка. Молодец! Сейчас, когда из дому гонят родных матерей, ехать в такую даль, чтобы помочь незнакомому человеку. Пойдем, выпьем еще чайку, да поговорим. А насчет моторки сегодня же и договорюсь. Мне в восемь на дежурство, склады караулю, так я по пути зайду к Нилу Сидорову. Он часто в Крестовой бывает, водку им возит да кое что из продуктов. Коммерсант чертов, раньше таких за спекуляцию садили.

Катя от чая отказалась, окучивала картошку, не отдыхая, чтобы сделать как можно больше, сделать хоть что-то приятное для Григорьева.

Собираясь на работу, Алексей Петрович сказал:

– Постельное белье в этом шкафу. Тишка ле-

том спит во дворе. Дверь на всякий случай закроете на замочку, народ у нас всякий. Ладно, спокойной вам ночи!

Иванов вышел вслед за ним, сел на крыльцо. Катя пристроилась рядом.

– Как странно устроен мир: у Алексея Петровича убили всю семью, а он ходит на работу, сажает картошку.

– А что ему – сразу лечь в гроб или спиться? Жизнь, какая ни есть, продолжается, никто не предложит ему ни денег, ни еды. Да и потом, пока он их помнит – они живут. Есть такая поговорка. Не та могила, что ухожена, а та могила, что травой заросла. То есть, они живы, пока их помнят, а умрут, когда о них забудут.

Стояла тишина, но она уже не радовала, а пугала Катю.

Быстро стемнело.

– Я пошла спать. Ты заметил, на улице жара, а дома прохладно. А в городе, если жара, то и дома дышать нечем.

– Дерево не нагревается, да и вообще жить в деревянных домах полезно для здоровья, дети реже болеют. Когда женюсь, построю дом за городом и буду жить в нем.

Иванов пришел, когда Катя уже лежала на кровати, до подбородка укрывшись одеялом. Иванов скинул берцы и, не раздеваясь, устроился на диване:

– Спокойной ночи, Котенок!

– Спокойной ночи! Ты закрыл дверь на крючок? – Катя заранее посмотрела, на что запирается дверь, и мощный крючок ее немного успокоил.

– Закрыл.

– Точно?

– Можешь проверить.

Кате было страшно. Конечно, страх был и раньше: вот, мол, еду к бандитам, но этот страх был не настоящий. По-настоящему ей было страшно сейчас. Вдруг Кычкину позвонили из Якутска, и он отправил сюда Ковалева?! На крыльце залаял Тишка, и холод обручем охватил Катину голову, заморозил плечи, спину.

– Юра, ты слышал? Тишка лает.

– Слышал, спи.

Катя про себя обозвала его толстокожим и продолжала прислушиваться к звукам во дворе. Скоро ей захотелось по-маленькому, но идти одной во двор...

– Юра, ты не спишь?

– Сплю.

– Я хочу в туалет, но боюсь. Не знаешь, где рюкзак? Взять халат.

– Иди так, – Иванов достал фонарик, подал Кате. – Я провожу.

Вышли, и Иванов, глядя на небо, восхищенно сказал:

– Какая красота! В городе этих звезд не видишь, да они там и тусклые какие-то. А здесь... Посмотри, какой яркий Млечный путь.

Сопровождаемая Тишкой и благодарная ему за это, Катя дошла до туалета, со страхом открыла дверцу, осветила фонариком и хорошо подумала об Иванове, который все предусмотрел и не забыл даже фонарик.

Когда вышла и увидела, что Иванов, не дождавшись ее, ушел в дом, страх снова овладел ею, и она бегом кинулась в дом, быстро закрыла дверь, накинула крючок. Отошла, но вновь вернулась, тронула крючок, словно не верила самой себе. Как они здесь живут?

Думала, не уснет: то ей слышались шаги во дворе, то вроде кто-то тронул дверь... И не заметила, как уснула.

Разбудил Иванов:

– Котенок, встаем, скоро Алексей Петрович придет.

***

Григорьев с порога заявил:

– Быстро завтракаем и к реке. Нил Егорович будет нас ждать.

– Сколько за проезд?

– Он скажет. Раньше так везли за «спасибо», все равно ведь по пути. Теперь все изменилось, хотя люди те же. Вроде как всем души подменили.

После завтрака, когда собрались идти на берег, Иванов шепнул:

– Котенок, ехать далеко, если хочешь в туалет, сходи.

И Катя подумала, что он ей как старший брат. Нил Егорович, кряжистый мужчина с жидкими усами и такой же бородкой, не ответив на приветствие, поторопил:

– Садитесь, время не ждет.

Григорьев сказал:

– Юра, помни, что я говорил. Если что, сразу возвращайся.

Мотор взревел, и поселок стал быстро удаляться. Со встречной моторки что-то прокричали, но Нил не обратил на это внимания.

На берегах березы сменялись елями, те, в свою очередь, уступали соснам, кустарникам. Раньше это радовало бы взор Кати, но только не сейчас. Зачем она едет? Иванов – ладно, у него такая профессия, людей защищать. А зачем едет она? На берегу, среди деревьев мелькнула фигура человека, и Катя подумала, что Ковалев или другой бандит вполне могут поджидать их и спокойно застрелить. Но скоро усталость от неподвижного сидения, от шума мотора вытеснила страх, и уже хотелось одного – быстрее доехать, и неважно, кто там: бандиты – не бандиты.

Но прошло еще часа два, прежде чем моторка ткнулась в берег. От шума мотора болела голова, онемевшие ноги не хотели идти – едва перешагнула через борт лодки.

– Вот это и есть Крестовая, – повел рукой Нил Егорович.

На крутом косогоре виднелись избы, по косогору в разные стороны вели извилистые тропинки. Рассчитались с Нилом Егоровичем и стали подниматься по тропинке, что указал Нил Егорович.

Деревня оказалась намного больше, чем виднелась от реки, многие дома уходили вглубь, поближе к окружавшей тайге. Встречные жители охотно указали на дом Тулушевых, с любопытством оглядывая приезжих.

Подошли к добротному дому, толкнули калитку и пересекли двор, посредине которого высилась ветвистая сосна, под ней, покрытый клеенкой стоял стол. Только поднялись на крыльцо, как дверь дома распахнулась и показалась патлатая женщина с испитым лицом и в грязном платье. Подбоченившись, женщина спросила:

– Чего надо?

– Нам бы Любу Тулушеву, – предчувствуя недоброе, сказал Иванов.

– Ну, я Люба Тулушева. Чего надо?

– Ничего не надо, мы ошиблись.

– Ну и пошли на..., – женщина грязно выругалась и зашла в дом, со стуком закрыв за собой дверь.

Катя глянула на Иванова растерянными глазами, но тот, словно не заметив, перекинул лямку рюкзака через плечо:

– Пошли сядем и спокойно поговорим.

Только уселись под сосной, Катя, чуть не плача, заговорила:

– Ты понимаешь, что случилось?

– Понимаю.

– Не понимаешь! Как я после этого буду жить? Ехала спасать бедную девочку, мама с тетей провожали меня, как героиню, ребята собрали деньги. Столько народу знает, что мы поехали спасать. И что получилось? Боже, как стыдно, как стыдно! Уехать бы куда подальше, – на глазах Кати показались слезы.

– А мне кажется, ничего страшного не произошло. Да, Тулушева не нуждается в нашей помощи, и мы вроде как зря сюда приехали. Но тебе нечего стыдиться: теперь ты знаешь, знают твои мать и тетя, ребята, Черкашин, что ты способна на поступок. А это многое значит. Ты не побоялась поехать в такую глухомань, не побоялась, хотя все думали, что здесь бандитское гнездо.

– Максим будет рад, что я опозорилась.

– Почему?

– Он любит, чтобы все было так, как хочет он. Я же тебе говорил... – передразнила Катя Максима. – Я точно знаю: он будет рад. Боже, как стыдно, как стыдно!

***

А Максим в это время говорил с родителями о Кате. Разговор начала мать Максима, Елена Николаевна:

– Максим, почему я не вижу Катю? Ты же собирался лететь с ней в Таиланд.

– Она уехала в другое место.
– Вы что, поругались?
– Нет.
– Почему тогда она уехала и куда?
– Вообразила, что она мать Тереза и поехала спасать незнакомую ей женщину.

– А подробнее.

Выслушав о письмах из далекой деревни, о содержании письма, Елена Николаевна спросила:

– И с кем Катя поехала?

– С Юркой Ивановым.

– А почему не поехал ты?

– Потому что я не МЧС и не полиция, чтобы ехать в этот бандитский притон. Это же у черта на куличках, с райцентра до Крестовой надо добираться на моторке.

– Твоя девушка поехала в этот притон, а ты остался. Молодец!

– И правильно сделал, что не поехал, – влез в разговор Леонид Макарович, отец Максима. – От этих бандитов всего можно ожидать.

– Леня, ты не прав. У твоего сына была возможность проверить себя, сделать доброе дело, поддержать свою невесту. Ведь он собирался сделать Кате предложение. А что теперь? Невесту, я думаю, он потерял. Такая хорошая девочка, и из интеллигентной семьи.

– Нашла интеллигентов, одна всю жизнь просидела в статуправлении, вторая – библиотекарь.

– Леня, Глафира Андреевна филолог от бога, на ее лекции в университете всегда набивалось столько народу. Ее монография о Чехове пользуется популярностью и сейчас, и вышла бы из этой монографии хорошая кандидатская, если бы в автокатастрофе не погибла вся ее семья. После этого она ушла из университета, уехала в другой город и стала работать библиотекарем. А вернулась, когда умер Катин отец. Но мы говорим не о ней, а о нашем сыне. Давно они улетели?

– Вчера.

– А почему бы тебе не присоединиться к ним? Лучше поздно, чем никогда.

– Спасать Тулушеву – авантюра, – сказал Леонид Макарович.

– А делать вид, что ничего не происходит – преступление.

– Вы, филологи, живете где-то там, среди героических книг, которые совершают героические поступки. А жизнь – она обыденнее и страшнее.

– Филологи! Да без нас люди до сих пор бы в шкурах ходили. Смеешься, а вот тебе свежий пример. После Перестройки люди перестали читать, прошло всего несколько лет. И что? Посмотри, сколько нелюдей развелось. Слава Богу, что вроде бы люди снова потянулись к книгам, а то пришлось бы, подобно Диогену, днем с фонарем искать человека.

– Иванов – грубый мент, для него это просто очередная ментовская работа. А наш Максим, он совсем для другого...

– Сладко есть и мягко спать, – продолжила Елена Николаевна.

– Мама, что ты от меня хочешь?

– Чтобы ты поступил, как мужчина. Уверена, что Катя сначала тебе предложила поехать с ней, а уж потом обратилась Юре. Так?

– Ну, так, – сознался Максим. – Я ей сразу сказал, что это глупая и опасная затея и никуда ехать ей не надо. Зачем рисковать неизвестно ради кого, мы же не знаем, что из себя представляет Тулушева.

– Человек молит о помощи, и этого достаточно. Или она должна предоставить заверенную биографию, справку с места работы и характеристику?

– Лена, ну что ты на него навалилась? Максим поступил как разумный человек. Он и на работе продвинулся так быстро, что не витает в облаках, а твердо стоит на земле. Ехать рисковать непонятно ради кого – это не для Максима.

– Какие вы у меня благоразумные, аж тошнит. Пройдет много лет и ты, Максим, пожалеешь, что не поехал с Катей. Не удивлюсь, если она выйдет замуж за Юру. Чем опаснее там будет, тем сильнее она сблизится с Ивановым, защитником, который не бросит в трудную минуту. А главное, он понял ее, понял ее желание помочь человеку, попавшему в беду, и это понимание для Кати многое значит.

– Ну, что после драки кулаками махать, что

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

случилось, то случилось, – не хотел больше спорить Леонид Макарович.

– Да драка еще не началась, и если Максим вылетит туда завтра, он успеет в ней поучаствовать и вернет уважение Кати и знакомых.

– Самолет туда два раза в неделю летает, – уточнил Максим.

– Это неважно.

– Не надо ему никуда лететь. Собрался в Таиланд, пусть туда и направляется.

– В Таиланд можно поехать через неделю, месяц, год, а спасти человека – такого случая больше не будет.

– Все! Еду в Крестовую. Еду! – чуть не сорвался на крик Максим.

– Наконец-то слышу слова мужчины, – спокойноотреагировала Елена Николаевна на вспышку сына. – Возьми билет заранее.

Леонид Макарович попытался протестовать, но все уже было решено.

***

А в Крестовой Иванов продолжал успокаивать плачущую Катю:

– Да тебя все ребята уважают, и будут уважать. Другой бы в голову не пришло сюда ехать. Прочитала бы письмо, поохала, рассказала подружкам, и на этом бы все закончилось...

Иванов не договорил. Катя заметила, как его ладонь, лежащая на столе, сжалась в кулак, и оглянулась. Калитку открывал здоровый мужчина под стать Иванову, но лет на десять старше. Был он в старом спортивном трико и в черной майке, сильные руки были сплошь покрыты татуировками. Мужчина глянул на Иванова, на Катю:

– Кто такие? Почему слезы, что-то случилось?

– Семейная ссора. А мы к Любе Тулушевой.

– Зачем она вам? – насторожился мужчина.

– Она ее родственница, – кивнул в сторону Кати Иванов. – Вот, приехали проведать, как она тут.

– Любы нет, она еще на работе. Скоро подойдет.

– А в доме какая-то пьяная сказала, что она Люба Тулушева.

– Сучка! Опять пришла, – мужчина быстро прошел в дом и вытащил за волосы женщину, что выдавала себя за Тулушеву. Протащил ее через двор, за калитку и пинком под зад свалил в придорожную канаву. – Еще раз зайдешь в дом, прибью!

Он вернулся к гостям, объяснил:

– Пьянчушка местная, шарится по домам. Мы двери не закрываем на замок, воров нет, да и воровать нечего. А ей надо одно – выпить, ворует лосьоны, одеколон... А вот и Люба.

Во двор вошла полная девушка невысокого роста с милостивым лицом.

– Родственница твоя объявилась, – кивнул мужчина в сторону Кати.

Катя шагнула навстречу Любе:

– Здравствуй, Люба! Ты меня не знаешь, я Катя Воробьева. Моя мама, Вера Семеновна, приходится тете Эльзе двоюродной сестрой. Тетя Эльза укатила за границу, в Швецию, вышла замуж за шведа. Еще два года назад. И попросила маму проведать тебя, но у мамы большое сердце и приехали мы. Так что ты моя двоюродная сестра, – Катя обняла Любу, чмокнула в щеку. А когда выпустила Любу из объятий, представила ей Иванову:

– А это мой муж, Юра.

– Может, и мы познакомимся? Юра, – протянул мужчине руку Иванов.

– Сергей, – попытался показать свою силу мужчина. Но он не знал, что про Иванова говорили: у него стальные пальцы, и не скрыл своего удивления: – Специально тренировал?

– Просто, как себя помню, постоянно спортом занимался.

– Чем будешь угощать гостей? С дороги люди, – напомнил Сергей Любе, которую появление сестры привело в замешательство.

– Ой, правда, – спохватилась Люба. – Идемте в дом.

– Где бы руки помыть? – спросил Иванов.

– Здесь, во дворе, вон умывальник, там и полотенце для рук. А уборная чуть дальше, за сараем. Начинайте жить деревенской жизнью. Привыкли к теплоте туалету, а мы тут всю зиму филенные части морозим.

Подошли к умывальнику, и Иванов предупредил:

– Не смотри на него, как кролик на удава.

– Это Ковалев, тот самый?

– Почему так подумала?

– У тебя цвет глаз поменялся, были зелено-голубые, а теперь стальные.

– Да, это Ковалев. Но бояться нечего, погостим дней пять, чтобы не спугнуть его, и уедем.

– А я не боюсь, у меня на душе даже легче стало, что не зря приехали.

– Ох, и дуреха же ты! Пока о цели приезда Любе не говори, сначала присмотримся.

Дома их ждал уже накрытый стол: хлеб, рыба соленая, рыба жареная, вареная холодная оленина, трехлитровая банка кваса и толченый дикий лук.

Его в первую очередь и заметил, усаживаясь, Иванов.

– Ох ты – лук! – он пододвинул чашку к себе, вдохнул аромат и, подцепив вилкой столько, сколько на ней могло удержаться, отправил в рот. – К бабушке в деревню приезжали, ели его от пуза – и толченый, и такой. Да, мы тут тоже кое-что прихватили, – Иванов достал из рюкзака копченую колбасу, сыр, различные консервы и три бутылки водки. – Взял три пузыря, а то везде по наслегам «сухой закон» объявили.

– Объявили, а пьяных стало больше, и спекулянты наживаются. С Нилом приехали?

– С ним?

– Вот он и спаивает деревню, – Ковалев нарезал колбасу, налил водки себе и Иванову. – Дамам не предлагаю. Давай за знакомство, за встречу.

Выпили. Ковалев подцепил ломтик колбасы и неожиданно спросил:

– Ты мент?

Катя замерла в ожидании чего-то плохого.

Иванов запустил в рот толченого лука:

– Как угадал?

– Держишь себя как хозяин.

– Мент всегда проходит как хозяин необъятной родины своей. Был. Полтора года назад выперли. Так то я речник, раньше нормально платили, а сейчас... Ушел в ППС, потом в ОМОН,

полгода командировка на Кавказ, отдыхаем – и снова командировка. А тут еще полиции оклады добавили, себе машину купил, отцу. Но все кончается. Пошли с другом в ресторан, а там на нас наехали три фраера, пришлось вломить. Оказалось, два подпола и один майор. Так впятером и вылетели из полиции.

– Это кто из полиции вылетел? – незаметно вошел в дом скуластый мужчина, полицейская форма ладно сидела на его рослой фигуре.

– Ни хрена себе! – поднялся Иванов. – Николай! Вот это встреча.

И Катя подивилась, как ловко Иванов разыграл эту сценку.

– А ты здесь какими судьбами? – голос у Николая был настороженный.

Они обнялись, похлопывая друг друга по спине.

– Говорили, ты в охотники подался, а ты в форме и звание повысили.

– Про меня что только не говорили. Я здешний участковый. Так как ты здесь оказался?

– Катя двоюродная сестра Любы. Вот, приехали навестить. Катя моя жена, пока гражданская, свадьбу осенью сыграем. Катя, это – Николай, про которого я рассказывал.

– Давайте выпьем. Потом будете базарить, – прервал их разговор Ковалев.

Выпили, и Кычкин похвалил:

– Женился, наконец. Молодчина!

– А ты че в партизаны ушел? Мог бы весточку о себе подать. Мы с Соловьевым часто тебя вспоминали.

– Как он там?

– Нормально. Недавно Маша девочку родила, назвали Кюннэй. Отметили это дело конкретно, все наши были, они только что вернулись из командировки.

– Все-таки свой ребенок родился. А тебя за что турнули из полиции?

– Разве не читал? Во всех газетах писали о драке в ресторане, мы с Генкой Колесовым вломили там старшим офицерам. Разбираться, кто виноват, не стали, всех пятерых под зад коленом.

– Я думал – это Цезарь.

– Цезаря еще раньше уволили. Колесов сразу уехал, сказал, если не устроится в армию по

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ. ЧУЖИЕ ПИСЬМА.

контракту, то двинет в Донбасс. А я подался в охрану. Помнишь, в учебке был майор Холодов, его тоже из полиции попросили. Вот он и создал охранное агентство «Страж». Заключил договора с торгашами, так что в основном дежури́м в магазинах. В продуктовых, если воруют, то мальчишки, сунут шоколадку в карман, а не знают, что видеонаблюдение. А в универмагах бабы тащат. Вот, был смешной случай...

– Все, я разлил, – напомнил Ковалев.

Выпили, не спеша закусили.

– Так какой там случай? – напомнил Кычкин.

– Дежурили мы в Центральном универмаге, в тот день там не работало видеонаблюдение. И одна молодая баба то ли знала про это, то ли действовала «на ура», но напялила на себя шесть французских трусиков, ажурные такие, – историю эту Иванову рассказал Холодов: мол, пригодится, – и дорогушие. Эскалатор тоже не работал. Проходит она мимо Ермакова Славки, ты его знаешь, а он ей говорит: «Девушка, я должен вас задержать». У него такая привычка была знакомиться. А эта дура испугалась и – бегом с третьего этажа. Поймали мы ее на втором, а что предьявить – не знаем. А она начала плакать и сама себя выдала:

– Отпустите меня, я все сниму.

– Снимай.

– Спасибо! – Катя встала из-за стола и вместе с Любой ушла на кухню.

– И вот стоим, а она снимает трусы – стриптиз. Самое смешное, что она от страха сняла шесть ворованных и еще свои. Едва уговорили, чтоб забрала свои трусы обратно.

Дружно хохотнули, и Ковалев спросил:

– И куда вы ее?

– Отпустили дуру, трусы свои так в руке и унесли.

– Зря, – поморщился Ковалев, – вы могли с ней что угодно сделать. Жаловаться точно бы не пошла.

– Вовремя я, – появился без стука новый гость.

И Иванов не удивился, узнав в нем Михаила Воронова – убийцу, находящегося два года в розыске.

– Ну, у тебя и нюх, – недовольно сказал Ковалев. – Живет на другом конце деревни, а унюхал.

– Не угадал, я свою принес. Нил приехал, – Воронов поставил на стол бутылку.

Пи́ли, вели разговоры Кычкин с Ивановым, Ковалев с Вороновым. Ковалев достал еще бутылку. Разошлись поздно, прощаясь, Кычкин сказал, что Иванов обязательно должен заглянуть к нему:

– Зоя будет рада.

...Катя не спала. Иванов догадался по ее дыханию, но ничего говорить не стал. Залез под одеяло, невольно коснувшись Кати – кровать для двоих была узковата, – и мгновенно уснул.

А Катя вспоминала, что ей рассказала Люба. После того, как не вернулся из тайги отец – он был охотоведом, – говорили, что он встретился с лесным духом Бальбукэ. Мать не верила, утверждала, что его убили, и как-то быстро сдала. А перед смертью наказала дочери, чтоб та немедленно уезжала в Якутск к тете Эльзе. «А я неожиданно вышла замуж». И столько боли было в ее глазах, что Катя едва сдержалась, чтоб не заплакать.

(Окончание следует)

Варвара КОРЯКИНА,
г. Нерюнгри

Образы мистических удаганов в мифологии саха

Уходят в небытие века, тысячелетия, одно поколение сменяет другое, вместе с этим канут в забвение многие древние знания и учения.

Мир меняется, меняются представления людей о тех, канувших в небытие, временах, когда мистика и реальность были переплетены воедино, когда миром правили энергия мыслей и сила слов, когда люди умели жить в согласии и гармонии с окружающей средой и со Вселенной, подстраиваясь под их вибрации и ритм.

Олонхо и мифология народа саха, как другие древние мифы, овеяно колдовством – мистикой и магией. Изучение олонхо и преданий старины в эзотерическом аспекте еще предстоит, олонхо и мифы нужно рассматривать в свете эзотерических духовных знаний народа, как часть сакральных видений тайн мироздания.

Известный философ и эзотерик Елена Блаватская писала: «Магии столько же лет, сколько человеку. Клеймить магию и оккультные науки как обман, является оскорблением челове-

ства. Поверить, что в течение многих тысяч лет одна половина человечества занималась тем, что обманывала другую половину, – равносильно утверждению, что человеческая раса состоит только из обманщиков и неизлечимых идиотов. Где та страна, где не занимались магией?»

Магия и мистика являются неразрывной частью олонхо и мифологии. Мистика является выражением глубинных психологических переживаний человека, а магия есть форма отражения и использования непознанных еще таинственных сил природы и особых способностей человека. И сам сказитель-олонхосут является призванным духами предков, посвященным особого уровня, как и шаман-ойуун. Все известные ойууны саха в старину были и олонхосуками. Дар обладания красотой, силой и магией слова – это особенный дар, преподнесенный высшими силами.

В те незапамятные древние времена гармонизация и уравнивание энергии Мира и Вселенной были в руках Прекрасных Божественных Дев Удаганов, имеющих власть над всеми стихиями Зем-

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ОБРАЗЫ МИСТИЧЕСКИХ УДАГАНОВ В МИФОЛОГИИ САХА.

Предания старины далёкой. . .

ли, через сакральный, священный огонь говорящих с этими великими силами и иными мирами.

Ключом, открывающим Тайны Мироздания, является безусловная, чистейшая Любовь, которую должна постичь душа любого из простых смертных. Эту Любовь в Мир несла Истинная Женщина – Прекрасная Удаган. Только женская, животворящая и живородящая, нежная и тонкая, но в то же время непоколебимая и сильная в своей кристальной чистоте суть может гармонизировать окружающий Мир и Вселенную. Эта суть и есть воплощение истинной, безмерной вечной Любви.

Жрицами, связывающими Вселенские Силы, изначально, с древнейших времен были Прекрасные Женщины – Девы Удаганы. Эти тайные, идущие из загадочных недр веков, знания сохранились у народа саха. В олонхо глубинная память народа пронесла сквозь тысячелетия образ Небесной Белой Шаманки – Айыы Умсуур Удаган. Она и есть чарующая, магнетическая сила Женской Души. Изначально сакральные обряды, посвященные и восхваляющие Великое Белое Солнце – Аар Айыы – совершали Девы Жрицы – Удаганы. Только женская трехмерная человеческая душа имеет связь со священной магией Живого Огня, через которую создается гармонизация окружающего Мира.

Постепенно изначальные знания утратились, наступили времена Белых Айыы Ойуунов и ойуунов-целителей. И Мир утратил гармонию. Истинные, благодатные слова Алгыс, произносимые Девой Удаганом, уже не возносились к Священным Небесам. В глубокой древности Алгысом были слова бесконечной Любви ко Вселенной, слова восхищения и трепета перед первозданной красотой Мироздания, слова благодарности, посылаемые Великому Белому Солнцу за дарованное живительное тепло и свет...

Постепенно ушли в небытие обряды Белых Айыы Умсуур Удаганов, образы которых память предков сохранила в олонхо. Это свидетельствует о древности культа удагана.

Когда наступили Времена Великих Битв – Времена Кыргыс, мужчины-ойууны стали обращаться к Священному Огню, при этом облачаясь

в женскую одежду, так как сакральные силы принимали слова и дары лишь удаганов. По сей день обрядовая одежда алгысчитов-мужчин сохранила элементы облачения удаганов.

Почему мужчины стали совершать обряды?

Мужчины по своей природе воины, охотники, защитники. К духу войны и рати Илбис и Илбис Кыыһа – духу насильственной смерти могли обращаться только ойууны, чтобы вселить храбрость, отвагу в сердца воинов и укрепить непобедимый дух в кровавых битвах и сражениях. А женщина – созидающая и животворящая сила – не имела права обращаться к Илбис и Илбис Кыыһа и приносить кровавые жертвоприношения. Именно в годы Великих кровавых войн восхваляющие и воспевающие силы Вселенной обряды удаганов утратили некую актуальность. Алгысы стали лишь испрошением благодати и защиты. Алгысы-гимны позабылись.

Все это имеет глубокие исторические и геополитические корни, и непосредственно связано с историей саха. Когда среди саха главенствующую роль играли индоарийские племена, то культовые обряды проводили именно удаганы (уот дабайар) – повелительницы священного огня, так как все индоарии – огне- и солнцепоклонники. Затем постепенно индоарийские племена смешивались с другими тюркскими народами, появились Белые Ойууны (от слова ойуу – рисунок, что может означать и руны) или Айыы Ойууны – жрецы религии Айыы. Они и есть знатоки и хранители древней письменности – рунического письма. Но и они утрачивают свою главенствующую роль, когда произошло массовое нашествие убежавших от битв в Прибайкалье монгольских племен, которые привезли культ «черного шаманства». Шаманы-целители были и у тунгусо-маньчжурских племен, испокон веков обитавших на территории Якутии.

В древней мифологии и в олонхо много четко обрисованных и разнообразных женских образов, древние произведения устного народного творчества народа саха – это гимн женщине-матери, деве-богине и могущественной мистической удаган, олицетворяющей женскую энергию Вселенной.

В мифах, рассказывающих о переселении предков саха на Среднюю Лену, когда они обосновались на величественной долине Туймаада, освоили благодатные северные края, повествуется о Деве Божестве – Кыыс Тангара, прекрасной дочери Омогоя.

В изначальном варианте предания сказывается, что младшая дочь Омогоя – особенная, наи-

чистойшей Дева Удаган, обладающая небесной красотой и не предназначенная для обычной земной жизни, велела построить высокое сооружение с крутой лестницей, подобие башни-терема. Живя в этом сакральном сооружении, символизирующем отдаленность от бренного мира, юная Удаган общалась с таинственной энергией Вселенной, спустя некоторое время вознеслась в Священные Небеса – Дабын и стала Девой Божеством, охраняющей по сей день потомков великого Омогоя.

Поздние мифы времен христианизации исказили это древнейшее сказание. Они повествуют о том, что Дева Удаган – прекрасная дочь Омогоя, ушла из жизни сама, наложив на себя руки из-за того, что не женился на ней одинокий блуждающий странник – богатырь Эллэй, который выбрал в жены приемную дочь (кэйгө кыыс) великого Омогоя. В те времена саха позабыли, что наичистейшие души, достигнув высокой духовности, могли превратиться в тончайшую, прекрасную энергию и раствориться во Вселенной.

Сакральные знания наших предков о тайнах человеческой души, состоящей из трех информационных матриц, настолько глубоки и научны, что человечество постигает эти тайные знания лишь только сейчас.

В олонхо сохранились древние обычаи, связанные с магией и проведением обрядов и культов. Все эти священнодействия связаны с древними космическими знаниями и с понятием трехмерного Мироздания и таинственным культом Дев Удаганов.

В олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» Платоном Ойунским приведены образы небесных (космических) шаманок: Кёгельджин удаган – дочь Солнце Тойона, Ыйбалджын – дочь Луны Хотун, Айбалджын – дочь Большой Медведицы, Нуолур – дочь Чолбон Тойона, Сэймелджин – дочь Плеяд и еще безымянная Дочь Звезды. Они совершают обряд очищения от скверны Нижнего мира через смерть и воскрешение. Этот сакральный древнейший мотив существует во всех древних верованиях. Проходя через инициацию смерти, человек возрождается в ином, очищенном, плане и становится богоподобным.

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ОБРАЗЫ МИСТИЧЕСКИХ УДАГАНОВ В МИФОЛОГИИ САХА.

Предания старины далёкой. . .

В этом прослеживается одна из граней мистических знаний о жизни и смерти. Великий писатель и знаток верований народа саха не зря приводил эти образы. Платон Алексеевич знал о знаковости и древности культа небесных удаганов, имеющих тайную трактовку, с которой связано благополучие человечества и мира.

В некоторых олонхо небесные шаманки оживают мертвого богатыря, но оживляется лишь безвременно убитый. Удаганы побеждают не смерть вообще, а индивидуальную смерть, для этого также нужна гармония Верхнего и Нижнего миров. С разрешения Божества смерти через небесных шаманов участвуют космические силы Верхнего мира при возрождении космического посвященного – богатыря Айыы.

Именно к небесным могущественным удаганам герои олонхо обращаются в самый трудный час с призывом о помощи. В этом и сокрыта одна из ветвей древнего тайного знания, гласящая о том, что только женская энергия Вселенной имеет созидательную силу.

В олонхо четко прослеживается духовная культура людей племени айыы (айыы дьоно), одной из характерных черт которой является почитание женщины-матери, прародительницы. В старинной поэтике народа запечатлены следы архаичного этикета, предусматривающего свод правил поведения по отношению к женщине. Элементы этикета отражены в поведении богатыря Айыы, который, обращаясь к женщине, отдает ей глубокий поклон, уважительно внемля ее словам.

Признавалось, что женщина – начало начал, продолжательница рода, и отношение к женщине было подчеркнуто почтительное.

Хранилищем изначальных духовных ценностей и мировоззрения древних саха является мифология. Мифы донесли до наших времен космологические знания прародителей саха.

Известный якутский этнограф и историк, автор уникальных монографий по фольклору и устному народному творчеству саха Гавриил Васильевич Ксенофонтов был убежден в том, что народная память в виде устных преданий хранит сведения о реальных исторических событиях и,

следовательно, можно пытаться восстановить эту историю путем тщательного сопоставительного анализа записей устных преданий.

Много поздних мифов о таинственных шаманках-удаганах сохранилось в памяти народа, некоторые из них записаны этнографами, а иные имеют литературную трактовку. Среди них особым образом выделяются предания об Аграфене Жиганской.

Много мифов и легенд сохранилось о загадочной и, как гласят предания, именитой шаманке-удагане Аграфене Жиганской, которая несколько веков держала в страхе весь Север Якутии. На реке Лене даже есть Аграфенина гора-остров. Ореолом мистики и некоего потустороннего страха окутано имя этой таинственной женщины. По сохранившимся, очень разным по содержанию и хронологии, легендам, я пыталась воссоздать образ этой удивительной и зловещей удаган. Образ этой шаманки, слава которой была пронесена сквозь века несколькими поколениями, с детства интересовал и волновал меня...

Кем же была Аграфена на самом деле? Об одной и той же личности ли рассказывают мифы?

Первое, что попало мне на глаза, это небольшой материал об Агриппине из Жиганска, опубликованный в легендарных «Воспоминаниях» Афанасия Уваровского – автора первого произведения на языке саха: «В середине минувшего столетия жила в Жиганске одна русская, по имени Агриппина. Моя бабушка знала ее в лицо. Эта женщина слыла большой колдуньей: тот, кого она любила, считался счастливым, тот же, на кого она обиделась, считал себя крайне несчастным. Слово, произнесенное ею, воспринималось как слово самого Всевышнего. После того, как она этим путем приобрела доверие людей и состарилась, построила себе выше Жиганска домик между скал и жила в нем. Никто не проходил мимо, не обратившись к ней, не получив благословения, и не принеся ей что-нибудь в подарок. Тех же людей, которые проходили мимо, не сделав так, она доводила до большой беды, превратившись в черного ворона, настигнув их сильным вихрем...

И после ее смерти до сих пор не проходят мимо того места, не повесив подарка. Эту старуху знают, кроме жителей Жиганска, также все якуты окрестностей Якутска...

Рассказывают, что эта старуха прожила до 80 лет, что она была мала ростом, толста, ее лицо было испещрено оспой, глаза острые, как утренняя звезда, ее голос звонок, как звук железа. Ее имя до сих пор не забыто в северной стране».

В своем произведении Уваровский упоминает об Агриппине-Аграфене как о реально существовавшей личности, с которой была знакома его бабушка, и по национальности она была русская. Это была моя первая версия об именитой шаманке.

В 1786 году участник известной экспедиции Беллинга Гавриил Сарычев, рассказывая о жителях далекой от дельты Лены Колымы, писал: «Юкагиры от общения с здешними казаками хотя и приняли христианский закон, однако суеверие и шаманство не истребились. Особливо боятся одной якутки Аграфены Жиганской, славной шаманки, которая умерла лет за тридцать назад. Думают, что она вселяется в людей и мучит их. Почему все здешние жители боготворят эту колдунью и приносят ей жертвы. Якутское правительство, сколько ни старалось истребить сие предрассуждение, но не имело успеха. Наконец, было послано строгое повеление в город Жиганск, чтобы, отыскав место, где похоронена Аграфена, сожечь ее тело. Но и тем ничего не преуспели в умах суеверного народа. Здешние якутские шаманы рьяно поддерживают славу сей чародейки». Этот миф более ранний, чем изложенный Уваровским. Здесь говорится о якутской удаган. Это еще одна из версий об известной шаманке.

Ссылный фольклорист Иван Худяков, который находился в Верхоянской ссылке в 1867–1875 годах, собравший немалый и, несомненно, ценный этнографический материал, приводит две версии легенды о знаменитой Аграфене Жиганской. Худяков со слов жителей Верхоянья писал: «Рассказывают, что лет восемьдесят тому назад сослана была в прежний город Жиганск татарка Аграфена, ведьма. Сказывали, что было

их ведьм семь сестер и всех разослали в разные места. Жиганское начальство не решилось держать дьявола в городе и поселило ее за 90 верст от Жиганска вверх по Лене на острове Остолбо (Столб); да и остров-то небольшой, всего 50 или 100 сажень в длину, зато очень крутой. На этом острове и стала колдовать Аграфена и навела такой страх на всю окрестность, что даже и теперь боятся этой колдуньи, хотя она давным-давно померла».

В конце своих записок сам же Худяков приводит другую версию, уже «по рассказам якутов». Согласно данной версии: «Аграфена-Чуонах и Настасья-Манчикай были дочерьми Киктэй-шамана из Эгинцев, что в окрестностях Верхоянска. Когда девушки подросли, к их отцу не раз приходили тунгусы и буквально требовали выдать за них дочерей. В конце концов, они убили Киктэя, при этом его голова пошла, ступая вместо ног двумя длинными прядями волос, и перебежала через озеро Аяна. Девушки смирились с долей и вышли замуж за двух «самых лучших» тунгусов. Но смерть отца им не простили. И когда новые родственники попросили Чуонах покамлать, она сделала так, что «все они перемерли». Сестры вернулись на родину, но ненадолго: теперь уже царские власти затребовали «лучших людей между мужчинами и женщинами», и Чуонах на правах старшей поехала в Россию. Там ее якобы и окрестили Аграфеной, и выдали замуж за некоего Антипина. Уже вместе они вернулись в Якутск, а потом Аграфену опять потянуло на родину. На обратном пути в результате козней нечистой силы и конфликта между супругами корабль перевернулся и утонул, немного не доплыв до острова Столб. И стала Аграфена с тех пор привидением-юёр».

Из записок Ивана Худякова четко видно, что легенды рассказывают о двух разных личностях. Второй миф более древний. При жизни о великих шаманах и удаганах тунгусы и саха говорят шепотом, спустя даже десятилетия после их смерти считается табу произношение их имен, их называют иносказательно. Спустя века только можно звать их по исконно нареченным именам. Поэтому, возможно, удаган саха Аграфена

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ОБРАЗЫ МИСТИЧЕСКИХ УДАГАНОВ В МИФОЛОГИИ САХА.

Предания старины далёкой. . .

Жиганская жила намного раньше. А русская колдунья или татарка Аграфена или Агриппина появилась чуть позже.

Есть еще одна романтическая и лирическая, поэтическая версия о существовании именитой удаган – это поэма Дмитрия Павловича Давыдова «Аграфена Жиганская». Дмитрий Давыдов – дальний родственник знаменитого поэта-гусара Дениса Давыдова. В 1823 году в Якутске появился молодой смотритель школ, это был Дмитрий Давыдов. Прожил он в Якутии тринадцать лет, выучил местный язык и достаточно глубоко изучил историю и этнографию.

Образ прекрасной удаган с берегов Лены, видимо, глубоко задел воображение поэта, и годы спустя появилось стихотворение Давыдова «Амулет», вышедшее в 1856 году в Казани. Автор написал стихотворение от первого лица, подчеркивая – «я». В стихотворении рассказывается романтическая история о том, как красавица-шаманка сначала спасла плывущего на челноке русского юношу от бури, поднятой злым «колдуном», а потом подарила ему «амулет счастливый», сплетенный из конских волос. Этот амулет хранил его от разных напастей, но он не пожелал помочь хозяину в любви. Ведь юное сердце самой очаровательной удаган было задето юношей из чужих дальних краев.

А двумя годами позже в петербургском «Золотом руне» вышла поэма Д. Давыдова «Жиганская Аграфена». В поэме повествуется о юной деве саха, живущей в бедности и несчастье. Однажды, проплывая по Лене-реке, волшебник-старец указал ей пойти к богатому и старому, доживающему свои последние дни, шаману Таюку за помощью. Этим загадочным старцем, может, была и иная ипостась хитрого шамана. Пошла озабоченная нуждой юная дева к шаману Таюку, ходила к нему долго, обучаясь шаманскому искусству. Была крещеной прекрасная дева, но, идя на поклон древним неведомым силам, она отреклась от веры:

Силы старца покидали,
Бедный в тайне изнывал,
Духи мучить начинали,

Он преемника искал.
Рад Таюк был гостею юной,
Он ей радости сулит,
Слово хитрое оюна
Сердце девы шевелит.
Скоро все она решила
И дорогою домой
Медный крестик схоронила
Аграфена под волной.

***

Часто грешница бывала
У оюна по ночам
И на памяти держала
Заклинания духам.
Так все лето проводила,
Умер осенью шаман.
Старика похоронила
Молодая удаган.

И стала великой и именитой, грозной и важной шаманкой молодая Аграфена, стала жить в богатстве и сытости. Дожила бы свой век, занимаясь колдовством и чародейством, если бы не одна случайная встреча с русским юношей и не злостная любовь, которая привела к гибели великую шаманку.

Полюбил прекрасную деву и русовласый юноша, но не суждено было соединить судьбы шаманке, давшей клятву древним грозным богествам, и крещеному христианину. И решила идти на страшные жертвы красавица удаган: предала огню своего идола-помощника Барыылааха, зарыла в сырую землю раньше условленного времени свой ретивый бубен-дюнгор с резвой колотушкой-былаяхом. А колдовские, окутанные вселенскими чарами, одухотворенные древними сакральными словами шаманские вещи-служители не хотели отойти в иные миры и оставить свою хозяйку. Помощники-служители юной удаган вызвали из иных туманных миров дух старого Таюка. И станцевал дух-Таюк страшный танец, закамлал юёр-шаман, грозно в дюнгор ударяя, зазывая бесов-адьяраев из дру-

гих миров. Истерзали прекрасную плоть юной девы демоны и бесы...

Погибла красавица удаган, вступив за черту шаманских ограждений, нарушив нерушимую грань между Жизнью и Смертью, поселив в душе непокорной земную любовь, и расплата была жестокой, кровавой...

Такова легенда, переданная в поэме Дмитрия Давыдова – известного «сибирского баяна», как впоследствии его называли.

Есть еще одна легенда, услышанная мной от отца – учителя якутского языка и литературы Павлова Прокопия Алексеевича, который интересовался историей и преданиями своего родного края. Мой родной улус Вилюйский граничит с Жиганским улусом, поэтому и у нас сохранились легенды о «северных старухах» – об удаганах из Жиганска.

Эта легенда, может, родилась чуть позже, но этого никто уже и не знает: «Близ острога Жиганск, который потом стали именовать городом, в те далекие дни, когда острог только основался, жил именитый и сильный ойуун саха из древнего шаманского рода эдьээн по имени Кюнкюй. Было у него две дочери, они были близнецами. У ойууна Кюнкюйэ никогда не было жены, и как у него появились две девочки, две единокровные дочки, как он их называл, тайна, покрытая мраком. А девочки были ясноглазые, глубокий медовый взгляд светлых бездонных глаз будоражил сердца людей, волосы девочек цвета старого золота тоже вызывали смятение у сородичей ойууна. Девочки были на редкость красивы, были похожи друг на друга как две капли воды, только у одной над губой была красивая родинка. Они были похожи на детей от смешанного брака.

Среди сородичей Кюнкюйэ ходили тайные слухи, что ойуун когда-то ездил далеко в город, там он год лечил молодую жену богатого купца от неведомой странной болезни, будто эту красивую юную женщину мучили какие-то нечистые духи. Некоторые сказывали, что между шаманом и купеческой женой случилась любовь и родила она от молодого красивого шамана двух дочерей-близнецов, но по велению мужа отдала их Кюнкюю – родному отцу детей. Иные гово-

рили, чтобы изгнать злых духов, вселившихся в тело русской красавицы, ойуун Кюнкюй пометил женщину как свою, вступив с ней в любовную телесную связь, чтобы духи из иных миров, почувствовав в женщине дух и запах шамана, ушли навсегда из ее тела и души.

Много тайн и загадок окружали двух красивых сестер с момента их появления в этом бренном мире. Ойуун Кюнкюй нарек дочерей двойными именами, ту, что с родинкой над верхней губой – Аграфеной-Тунах, а другую – Анастасией-Мэнэкэй. Аграфена-Тунах была на редкость умной, мудрой девочкой со светлой, нежной и любящей душой. Спустя годы она стала именитой удаган. А Анастасия-Мэнэкэй была бесноватой и горделивой. Мэнэкэй тоже стала шаманкой, но в этом была еще некая тайна. Девочки были очень дружны, везде ходили как нитка за иголкой. Аграфена заботилась о сестре, баловала, по доброте души все лучшее отдавала Настасье.

Когда красавицы выросли, стали свататься лучшие тунгусские хосуны. Но девушки не торопились замуж, их ждала иная участь. Отец обучал их шаманскому искусству, свыше больше удаганской силы было дано доброй и скромной Аграфене, но иная мощная сила была и у гордой, своенравной Анастасии.

Один странный день переменял судьбы красавиц-шаманок. Приехали в острог Жиганск государевы люди. Где-то далеко-далеко, за тридевять земель, жил царь-солнце, и к нему собрались лучшие тойоны из родов саха. Эти люди задумали повезти к царю шаманов и удаганов именитых. Суждено было Аграфене-Тунах ехать в далекие края, в неведомые места. Уехала красавица и не вернулась. Тойоны приехали обратно, а молодую шаманку оставили при дворе царя.

Как гласит легенда, Аграфена часто приходила к сестре Настасье во сне и наяву, сестры держали магическую связь до смерти Аграфены. По словам Анастасии-Мэнэкэй, Аграфена утонула в далекой и холодной реке Нева, она была на тайной службе у царя и царицы. Была ли эта весть от бесноватой странной шаманки, сестры-близнеца Аграфены, истинной, никто уже не знает.

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ОБРАЗЫ МИСТИЧЕСКИХ УДАГАНОВ В МИФОЛОГИИ САХА.

Предания старины далёкой...

Но после смерти своей сестры Мэнэкэй сказывала, что душа Аграфены пришла в родные края и заселилась на острове Столб...

Судьба второй сестры была сложной и полной печали. Тунгусский хосун Чоруода воспылил страстью к своенравной красавице шаманке Анастасии-Мэнэкэй. Получив несколько раз отказ, хосун-витязь задумал черное дело. Убил престарелого шамана и силой увез прекрасную Настасью, насильно сделал своей женой. Вскоре в эти северные края пришла черная болезнь-оспа, и род Чоруоды весь вымер. Настасья-Мэнэкэй чудом выжила и вернулась в родные места. Стала шаманить, колдовать, снискала уважение людей. Вскоре после предполагаемой смерти Аграфены-Тунах в дальних краях Мэнэкэй стала называть себя Аграфеной, объясняя это тем, что дух умершей сестры вселился в нее. И стала жить она на острове-горе Столб. Согласно мифу, с этих времен Настасья переменилась, стала совсем иной: добрее, улыбчивее, скромнее, и лик ее сиял по-иному, глаза светились ясным огнем, будто, и правда, душа прекрасной и доброй Аграфены-Тунах обрела пристанище в теле сестры-близнеца. Люди стали называть ее «Северная старуха», иные начали даже величать Аграфеною, так Настасья стала жить недопрожитой жизнью своей сестры Аграфены.

Умерла Анастасия-Аграфена в весьма преклонном возрасте и, как говорят легенды, покоится ее прах на острове-горе Столб, что высится на реке Лене. Для благополучного проезда по Лене путники и по сей день приносят дары Аграфене, делают маленькие берестяные лодочки, кладут в них бусы, бисер, пищу и пускают вниз по реке, и эти нехитрые подарки всегда доплывают до ее острова...»

Таковы мифы о загадочной и таинственной удаган из северных краев.

«Над Жиганской Аграфеной
Вечно облако стоит;
А над ней, клубяся пеной,
Лена жалобно шумит,
Много лет, как прах шаманки

Глубоко в земле лежит...» – так говорится и в удивительной поэме Дмитрия Давыдова о пре-

красной удаган, женщине с таинственной судьбой, что стала основой целой череды загадочных старинных мифов.

Мистические образы Дев Удаганов еще полностью не изучены этнографами. Но одно ясно: в этих образах нашли отражение исконные мировые знания, которые сохранились во всей мифологии древних цивилизаций, доказывая единство культурных истоков человечества.

За туманами веков уже не разглядеть события минувших столетий. Все, что предано забвению, для последующих поколений становится нераскрытой тайной, облаченной в мифы и легенды. Мифы и легенды, предания и сказания – это и есть летопись ушедших времен.

Ольга Прилуцкая родилась в Якутске. Детские годы прошли в Алдане и Томмоте, школьные — в Горловке Донецкой области, студенческие — в Красноярске.

Прозаик, драматург и переводчик, член Союза переводчиков России, Союза писателей Республики Крым, Европейского конгресса литераторов, член-корреспондент Крымской литературной академии, редактор издательства «ДОЛЯ», журналов «Крым» и «Доля», главный редактор детского журнала «Долька». Автор пяти книг прозы и драматургических произведений, многих газетных и журнальных публикаций.

Лауреат нескольких международных конкурсов, Международной литературной премии имени Юрия Каплана (2010 год). В 2016 году награждена серебряной медалью Международного фестиваля «ЛиФФт».

ОЛЬГА ПРИЛУЦКАЯ. РОДОВАЯ ПАМЯТЬ.

Ольга ПРИЛУЦКАЯ,
г. Аксай Ростовской области

Родовая память

Мне сегодня приснился отец. Вот уже четверть века мы с ним изредка встречаемся во сне. Как быстро летит время! Каждый следующий год короче предыдущего. Завтра мне пятьдесят. Господи, неужели я прожила столько лет? Страшно-то как! А кажется, что я всё такая же, как в двадцать пять и в тридцать... Но мой папа умер, едва ему перевалило за эту половину века.

Два рассказа

Я похожа на своего отца, и мне всегда говорили: «Ты – Ворошилина!» Хотя на самом деле у меня была другая фамилия. Потому что мой дед, Ворошилин Алексей Алексеевич, пропал без вести на войне. Опасаясь, чтобы это не навредило во взрослой жизни сыну, бабушка записала его на свою девичью фамилию, оставив младших дочерей Ворошилиными. Их у неё двое. Последняя родилась в июне сорок первого, через семь дней после начала войны. Вряд ли успел увидеть её отец, ушедший на фронт. Она-то его знает по единственной фотографии довоенной поры, из которой гораздо позже сделали цветной портрет и повесили на стену. А папа мой помнил своего отца всю жизнь.

Я же на этот портрет обращала внимание нечасто. Висит да висит себе... Круглолицый, с добродушным взглядом, взрослый, как мой папа, мужчина. Чужой, если честно. Позже, заезжая к бабушке раз в год-два, я встречалась с голубыми глазами молодого парня с портрета. Со временем он становился уже младше моего папы, а потом – и меня самой...

Как-то в детстве я обиделась на бабушку. Не помню, за что. Папа, уловив моё настроение, решил поговорить со мной.

– Знаешь, дочь, ты не серчай на бабушку Полю... Она добрая. Только не всегда ласковая. Это потому, что жизнь у неё тяжелая была. Больно много трудностей выпало на её долю. В войну осталась с нами троими одна. Пришлось работать в шахте, таскать вагонетки с углём. Страдала, оттого что не могла накормить нас досьта, и мы с сёстрами то стреляли воробьёв из рогатки, то просили милостыню – втихаря от неё, она ведь гордая... У бабушки, дочь, только руки жёсткие, а душа мягкая и добрая. Так ведь этими руками она сама дом построила...

Дом и вправду был не хуже, чем у кого-то на их улице в небольшом шахтёрском посёлке. Вообще-то, Ворошилины родом из Курской области. Говорят, у моего прадеда был очень большой яблоневый сад и справный дом в деревне на реке Псёл. Но в коллективизацию всё отобрали. Бабушка-то из голытьбы была, её не коснулось раскулачивание. Она считалась в деревне

красавицей. А жених Алёшка, единственный сын состоятельной и уважаемой за честность семьи, был просто очень добрым и любящим парнем. Этим и покорила её сердце. Поженившись, уехали на Донбасс.

Наверное, дед мой специально увёз свою Полюшку подальше от родных мест. Потому что у неё там была любовь. Говорят, когда ещё в девках она шла на свидание к другому, Алёшка убежал в рожь и плакал. А уж женившись на своей жар-птице, он ревностно оберегал семью! И жили хорошо. Сначала сына родили, вскоре дочку. Но война, война, подлая, всё перечеркнула! Бабушке был тридцать один год, когда она осталась одна в оккупации с тремя ребятишками, мал мала меньше. А муж пропал без вести. Хотя после войны приходил к ней односельчанин, служивший вместе с её Алексеем. Говорил, что своими глазами видел, как того убили во время боя за Смоленск. Звал её замуж. Отказала, хоть и любила его когда-то. Да теперь у неё муж был. Не верила, что он погиб. А коль не погиб, к ней вернётся обязательно. Он верный.

Но не вернулся... Так и прожила моя бабушка одна с тремя детьми. Всех выучила, дала им высшее образование. Сама-то она училась читать, будучи уже взрослой, по книжке Пушкина «Барышня-крестьянка». Эта пожелтевшая от времени книжонка у неё за иконой лежала. Икона висела в летней кухне, куда чужие люди заходили редко. Однажды я осталась там одна. Поставив табуретку на стул, добралась до той иконы, достала книжку и зачиталась. Мне ещё семи лет не было, но читать я умела уже года два. Это была первая взрослая книга в моей жизни! Когда бабушка увидела, как я её читаю, она, что-то вспомнив, погладила меня по голове, зацепив мои волосёнки заскорюзлыми пальцами труженицы, отчего я недовольно дёрнулась.

– Читай, внучка, читай! Алёшка вот в богатой семье вырос, а был неграмотным. Даже не мог мне с войны письма написать. Я-то читать выучилась сразу, как замуж вышла...

Она никогда не называла его дедом. Он для неё так и остался Алёшкой на всю жизнь.

Позже бабушка выстроила ещё один дом,

кирпичный. И снова сама спроектировала и почти всё сделала своими руками. А старый дом сломала...

Да, этот самый старый дом и приснился мне года через два после смерти папы. Будто собралась вся родня – столы выставили через две комнаты. Все заняты друг другом. Неожиданно в дверном проёме с улицы появляется мой папа с молодым красноармейцем в пилоточке времён Великой Отечественной войны. А папа – старше того парня – такой, каким я его помню в последние годы жизни. В шуме застолья одна я заметила их. В полутёмной комнате стоят они, пронизанные лучами солнечного света. Папа обращается к красноармейцу, показывая в мою сторону:

– Вот, пап, смотри – мои дочь и жена.

Я хочу спросить его: «Какой папа? Ты что?!», но немею, как это обычно бывает во сне. С тем и просыпаюсь.

Пришла к бабушке и говорю ей:

– Слушай, наверное, дед сегодня умер. Вот что мне приснилось...

Рассказала сон.

– Не знаю... Я долго верила, что он живой. Порой обижалась на него: «Что ж ты бросил меня, Алёшка! Мне так трудно с тремя ребятишками...», – бабушка скорбно поджала губы, вспомнив, видно, все обиды и унижения своей одинокой женской доли.

– Да, может, и жил себе, припеваючи, где-нибудь за границей все эти годы, – усмехнулась я.

Но невольно снова мысленно, как киноленту, прокрутила свой сон. И тут меня словно озарило – пилотка, и он молодой. Я, не верующая ни в Бога, ни в чёрта, ни в загробную жизнь, вдруг бухнула:

– А может, они сегодня встретились там, на том свете?

Бабушка молча перекрестилась почему-то двумя пальцами и пошла в огород. Я вспомнила, что когда-то она была в старой вере*, а потом уж стала, как все.

Запал мне этот сон в душу. Станный какой-то... Когда год назад я вошла в Интернет, то первым делом обратила внимание на окно «Поиск».

Для примера под ним было написано: «А. С. Пушкин». Я набрала свою фамилию. Чего только не выдал компьютер в ответ! Набрала «Ворошилин». Выдали «Историческую летопись Курского дворянства», «Писцовые книги» с «ять». Там в записи от 1688 года я увидела фамилию своих предков по отцовской линии. Они и в ней стояли рядом с бабушкиными. Судьба? Интересно!

С тех пор я стала искать Ворошилина А. А. на всех сайтах, связанных с Великой Отечественной войной. Даже среди власовцев. Но везде был один ответ: «В базе данных не найден. Слишком мало сведений». Всё верно! Бабушки нет в живых уже около десяти лет. Мой папа и его средняя сестра умерли ещё раньше. Осталась только самая младшая, сорок первого года рождения. Та вряд ли что знает...

Я поднялась с постели, сделала пару привычных упражнений утренней зарядки – на пятьдесят выглядеть не хочется. Весна! Из окна виден Дон. Оттуда доносятся гудки – судоходство началось. Земля в саду усыпана лепестками облетевшего цвета вишни. И яблоня стоит, словно невеста в пене подвенечной фаты. Жизнь прекрасна!

После душа подседа к компьютеру, вошла в Интернет. Пробежалась по сайтам. Наткнулась на «Мемориал». Сто раз уж была в нём. «Архивы, генеалогия»... Общались! «ОБД – Мемориал. Данные ЦАМО РФ». А сюда я обращалась? Не помню! Попробовать? Вошла. Как обычно, набираю «Ворошилин А. А.» Жду привычный ответ: «Нет данных». Но вдруг появляется условно-графическая фигурка солдата и слова: «Ворошилин А. А. 02.1912 – 16.03.1942 – Русская Борчная».

Нет, опять мимо! Не мой Ворошилин. Ничего общего с моим, кроме ФИО. Если 1912 – год рождения, то бабушка с 1910 года. Не может же он быть младше её? А почему – нет? Что-то оставливает меня. Я снова возвращаюсь к таблице. Русская Борчная, что это?

В 1688 году мои предки жили в селе Поречном. Гораздо позже оно разделилось на Черкасское Поречное и Русское Поречное, где родился мой папа. Так, может быть?.. Да нет! Этот младше бабушки на два года.

ОЛЬГА ПРИЛУЦКАЯ. РОДОВАЯ ПАМЯТЬ.

* В старой вере – здесь: старообрядчество.

Два рассказа

Что-то я разнервничалась, даже не сразу сообразила, что есть ещё и продолжение. Выхожу на другую таблицу. Так, снова 02.1912, но уже Русская Порчная. Конечно, очередной однофамилец, можно не сомневаться!

«Воинское звание – солдат (рядовой)». Понятное дело! «Судьба – погиб в плену 16.03.1942». Что ж, царствие ему небесное, этому незнакомому мне страдальцу.

Действительно, судьба. Не найти мне своего деда и на этот раз! На всякий случай распечатаю на бумаге эти данные. Только зачем?.. Но рука сама собой нажала на значок «Печать». Заработал принтер, и из недр машинки медленно выползает лист бумаги. Он ползёт, а я вижу на нём совсем не то, что видела на мониторе и хотела распечатать. На бумаге проявляется снимок большого листа с дырками от дырокола по краю, вырванного из какой-то старинной амбарной книги. Что это? Написано авторучкой по-немецки готическим шрифтом. Ничего не понимаю! Куда я влезла? Спокойнее надо, спокойнее! Чего я нервничаю? Снова нажимаю на «Печать». Господи, опять такой же листок выползает, только написано гораздо больше. Кажется, там даже что-то есть и на русском языке. С нетерпением вырываю из зубов принтера листок. Сразу всё одним взглядом не охватить. Но бросается в глаза свастика в правом верхнем углу и ниже слева отпечаток пальца в рамке. Под ним по-русски: «Умер 16.3.42». Прямо, как в кино! Спокойнее, не нервничать! Читаем документ, неизвестно какой давности. Почему его нет на мониторе? Так, «WOROSCHILIN ALEKSEJ Ruskaja Portschnaja». Ясно, всё о том же! Взгляд вправо. Следующая колонка: по-русски кем-то сделан перевод написанного «кр-ц 410 АП»*. Не понимаю, что означает печатный шрифт (я учила английский), но той же авторучкой написано: «Smolensk» – (батюшки, Смоленск! Мой?!) – «20 VIII 41».

Я покрылась испариной. Неужели мой? Но чего трястись, чего нервничать? Ну и что, может, и мой. Что же теперь? Да нет, не мой! Он с двенадцатого года, а моя бабушка с десятого! Никогда и речи не было, что её муж младше. А когда о чём вообще-то была речь? Ты хоть раз с

бабкой поговорила о её жизни? Так, всё урывками да обрывками. А теперь чего уж плакать по волосам, снявши голову? А никто и не плачет. Читай дальше! «Pelageja Woroschilina». Ой, мне плохо! Моя бабушка – Пелагея Алексеевна! Не может быть! Дальше! Глаза ничего не видят, руки трясутся! Господи, да что за почерк у этого проклятого немца! Или это я так плохо соображаю, что с трудом различаю латинские буквы? Да вот же, ниже, русским языком написано это имя и ещё ниже – «Шахта Румянцева, 46».

Мой!!! Мой дед... Нашёлся! Как будто живо-го встретила! Но он умер! Какая жалость! А где умер? В плену. Да понятно! Но где? Руки трясутся всё сильнее, бумага в них ходуном ходит. А, вот в верхнем углу: «Stalag VI/B Mauthausen». Маутхаузен?!

Ужас!.. Бедный мой, родной мой! Слёзы текут ручьём по лицу. Как же ты? Сколько же пришлось тебе выстрадать? Тебе, старообрядцу, которому вера запрещала пользоваться чужой посудой, курить, пить, материться и, конечно же, убивать! Может, потому ты и попал в плен, что не мог выстрелить в человека? Ты же, говорят, был очень добрым! Дед ты мой родной! А я и не помню твоего лица с того старого, восстановленного кем-то, портрета. Прости меня! Прости! Но я тебя нашла, нашла! Только вот уже ни бабушке, ни папе не смогу рассказать об этом...

Люди! Мой дед не предатель, как считали тогда всех, пропавших без вести! Он не пропал! Он погиб мученической смертью. В Маутхаузене весной сорок второго впервые опробовали газовые камеры на узниках. Об этом я где-то читала недавно! И папа тоже умер в марте... Судьба!

Я плачу, а в голове мечутся мысли, одна нелепее другой. Мелькнуло лицо Витьки Бухгаммера, красивого голубоглазого немца, который в студенчестве любил меня. Он был из поволжских немцев, немало пострадавших из-за своей национальности в войну. Славный парень, но что-то не сложилось у нас. Не судьба! Вспомнилось, какие хорошие немцы принимали нас с мужем в Берлине. Они тоже пережили войну. Одна приятная пожилая австриячка пригласила к себе домой. После войны её угнали в Красноярский

*«кр-ц 410 АП» — здесь: сокращение, означающее «красноармеец 410-го артиллерийского полка».

край. Мы с ней пили водку, и она вспоминала русские слова «картошка, спасибо, карашо!», сибирский мороз, спирт. А я смеялась и называла её землячкой, потому что училась там же в институте. И был старый немец, который говорил, что в годы войны работал на санитарной машине, а мы с мужем шутили между собой: не на «душегубке» ли? И вот оно что! Мой дед погиб в плену у этих милых немцев!.. Нет, у фашистов! В каждой нации есть свои мерзавцы. Но мне-то от этого не легче! Бедный, бедный мой дед! Только мы с тобой из всей нашей семьи побывали за границей. Я вернулась с приятными воспоминаниями, а ты остался там навечно.

Но теперь ты жив для меня! Я нашла тебя! Я обязательно приеду к тебе! Ты заново возродился для своих внуков и правнуков! Теперь ты – не просто портрет на стене! Ты мой родной, дорогой мой, погибший за наше будущее. Да ведь я люблю тебя! Спасибо тебе! И прости нас!!!

За окном буйно цветут пять яблонь в моём маленьком саду, как когда-то в огромном яблоневом саду моих предков в Курской губернии. Завтра День Победы и моё пятидесятилетие. И названа я своим отцом в честь победы Виктории. Я плачу от счастья и от боли за своего деда, бабушку, папу... За всех, кто пережил ту проклятую войну с её ещё долгим, долгим эхом... Действительно, «праздник со слезами на глазах». Только теперь это для меня не просто фраза из песни.

Господи, пусть никогда не будет войн! Люди, берегите мир! А иначе, зачем она, родовая память?

Май 2008 г.

ОЛЬГА ПРИЛУЦКАЯ. КАПЛИ БОЛИ.

Капли боли

*Антону Хмелевскому,
прадеду моему,
посвящается...*

Больно мне, больно! Плонули в душу те, от кого этого никак не ожидала. Что ж, подлость и злоба не вчера родились... Надо «переболеть» этим. И лучше всего это сделать во сне. Нужно спать, спать!

Я с трудом забываюсь в полудрёме. Но душа и там болит. Голова в каком-то странном состоянии – кажется, что её заморозили. Она словно в ледяном прозрачном шаре. Мне холодно, оттого что лёд потихоньку сковывает всю меня. Я замерзаю? Но, говорят, замерзать страшно и больно только сначала. Потом впадаешь в приятное сновидение. Так и я впадаю, впадаю...

Я слышу музыку. Что это? Что за звуки, отрывистой каплей проникающие в самое сердце? Да это же Паулс, «Капли боли»... Да, больно мне, больно! Значит, я ещё не до конца замёрзла, ещё чувствую что-то...

И вдруг я вижу глаза своего прадеда Хмелевского. С той единственной старинной фотографии, которая у меня осталась. Его умные, тронутые лёгкой усмешкой глаза, отчего тоненькие морщинки лучиками расходятся к вискам. Он всё понимает! Потому что не раз испытывал такую боль в своей жизни. И замерзал он так же, как я. Почти так же. Я знаю, что его вывели в декабре тридцать восьмого на плац Новосибирской тюрьмы. Мороз за тридцать. В чём он был одет? Да какая разница? Вряд ли у заключённого была шуба. Я слышу, как некто, чувствующий себя властителем человеческих жизней, с ухмылкой говорит моему прадеду: «Ну, пан, коль ты такой

Два рассказа

горячий, то давай, остудись немного. Остынешь, скажи, что ты понял... Ты такой же, как все здесь, враг народа! Ты вредил рабочему государству, травил лошадей. Считаешь себя выше, умнее других? А ты просто г..., которое нужно смыть! Сейчас я смою твою гордыню, и будешь ты таким же человеком, как все другие в нашей стране! У нас все одинаковые, запомни!»

Дальше я слышу команду: «Включай воду!» И захлестала из шланга струя сильного напора, в полёте распадаясь на мелкие капли. Кажется, некоторые из них замерзали, не долетая до моего прадеда Антона, падали на брусчатку остекленевшими шариками. А он стоял, скрестив на груди руки, словно прикрывал своё сердце от стужи. О чём он думал в те минуты? О том, что почти всё, сказанное этим мерзавцем — ложь? Что не мог он, всю жизнь любивший больше всего на свете женщин и лошадей, причинить им вред?

Наверное, сначала не верил, что воду скоро не перекроют. И потому мелькала мысль — воспаление лёгких ему обеспечено. Как ветеринар, который зачастую помогал и людям избавиться от хворей, он понимал, что это серьезно, что в тюрьме ему вряд ли удастся справиться с этой болезнью. Прожил он уже немало. А что повидал в этой жизни? Повидал немного, хотелось бы больше... Только в холодных северных краях и пожил — Омск, Иркутск, Красноярск. До Сахалина доехал... А вот до своей родной Польши, про которую так много рассказывал отец, Викентий Хмелевский, сосланный после восстания в Сибирь, так и не удалось добраться. Но традиции, порядок, заведённый отцом, свято хранил в своей семье. Следил, чтоб и младшие братья не нарушали родительской заповеди.

В древнем роду Хмелевских из поколения в поколение передавались два имени — Антон и Викентий. Ими называли первенцев. Он был Антоном Викентьевичем, и старшего сына назвал Викентием. Спасибо Богу и его Тосечке, первым родился парень. Потом две дочери. И снова сын — Генрих. Эти родились ещё до революции. А вот Бригида — после. Жена не хотела называть её нерусским именем. Уговаривала дать имя попро-

ще — время придумывает иные имена. Но он не мог предать свой род, свою нацию. Они поляки! Все дети знали язык предков — он строго следил за этим. Требовал, чтоб они обязательно играли на нескольких музыкальных инструментах, побольше читали, участвовали в самодеятельных театрах. Какая разница, что на театральные подмостки они всходили какими-то синемблужниками? Что ж, времена другие, другие нравы... Главное — быть близкими к искусству. Оно не даёт очерстветь, замёрзнуть душе.

...Я слышу «Капли боли». Раймонд Паулс за роялем. Он играет. И в своей манере иногда слегка отстраняет правую руку от клавиатуры, трогая пальцами ладонь. Сейчас мне кажется, он проверяет, не замерзли ли пальцы, не онемели, смогут ли ещё играть? Могут! Дай Бог, чтоб ещё долго могли!..

А мой прадед? Под какую музыку в душе замерзал он? Когда понял, что воду не выключат, потому что он не сдастся, не откажется от того, что Хмелевский Антон Викентьевич — польский шляхтич, дворянин, как бы ни пытались уничтожить в нём это за долгие годы. Наверное, он слышал песни своего народа. Потом — Шопена. Этюд «Революционный». Как хорошо, что российские революционеры тоже любили его! И в Советском Союзе часто можно было слушать по радио этот гимн польским повстанцам. Но что это? Свободолюбивые звуки сменяются нежностью шопеновского ноктюрна до-диез минор. Рояль, на котором играет отец... Много позже, в Красноярске, в доме купца Смольникова он ещё раз услышал эту музыку. Играла юная Ксения, дочь Василия Смольникова. Антон сразу же влюбился в эту кроткую девушку, которая и головы не поднимала, чтоб он не видел её синих глаз. Но он увидел и не мог уже уехать из этого дома, не сделав ей предложения. Он знает, сколько слёз пришлось пролить его юной невесте, прежде чем согласиться стать его женой. И не потому, что он был не люб ей. Нет! Просто надо было сменить веру, чтобы обвенчаться с ним. А от веры отказаться — всё равно, что от родной матери... Но Ксения Васильевна Смольникова стала Антониной Хмелевской. И всю жизнь, сияя сво-

ими лучистыми, любящими, добрыми глазами, следовала за мужем. Знала, что его очень любили многие женщины. В душе, конечно, страдала от этого, но и гордилась им. Она прекрасно понимала всех, влюблённых в её Антуса – ведь он самый лучший и красивый! Да, увлекающийся человек. Но очень честный и порядочный.

Антусь же и вправду, нащёптывая ласковые слова очередной пассии, не забывал сказать ей о своих детях и жене. Пусть сами делают выбор... Они и делали. Ни одной женщины в своей жизни он не обидел. А жене говорил: «Ты, Тосечка, рожай, рожай! Я только крепче буду любить тебя!» И любил...

А вот в Новосибирске, куда его однажды отправили на курсы, встретила одна женщина, напомнившая Антону молодую маму. Ольга абсолютно не смущало, что она почти на двадцать лет моложе своего возлюбленного. Решительная, горячая! И при этом столько нежности было, чувственности, возвышенности. Всё в ней восхищало. А может, просто весна неожиданно и не вовремя ворвалась в его осень?.. Ольга уговорила Антона перебраться с Сахалина поближе к ней. Обещала ничем не беспокоить его семью. Только бы изредка видеться с ним. Вот уж поистине: «Мы правим миром, а нами – женщины!» Не устоял. Собрали нехитрый скарб и поехали в Новосибирск. Старший сын Викентий к тому времени жил самостоятельно, женившись на большеглазой красавице в Иркутске. А у Ольги родился сын. Назвала его Виктором. Никогда не видел Виктор Антонович своего родного отца. Может, тот человек, который был мужем его матери, и оклеветал Антона Хмелевского? Теперь уж не отыскать истины.

...Капля за каплей проникает в тело, и тут же, замерзая, сковывает его льдом. В этой ледяной оболочке, покрывающей Антона Хмелевского, ему становится теплее, теплее... Уже нет сил сопротивляться приближающему сну, вечному покою. Только память и гордость... Да – поляк, и дети – поляки! *Wędziem Polakami!* Будем поляками! *Jeszcze Polska nie zginęła!* Ввеки Польша не погибнет! Это завещание отца. Но Россия давно стала родиной...

ОЛЬГА ПРИЛУЦКАЯ. КАПЛИ БОЛИ.

Езус Мария, пусть последние аккорды, эта мощнейшая кода шопеновского этюда, уже не тревожат сердце. Пусть душа возносится к небу под перебор звуков ноктюрна, пробегая по клавишам самой верхней октавы рояля! Пусть эта боль, последняя боль в его жизни, будет сплетена из нежных триолей музыки и сладких воспоминаний. Он всех любил и старался никому не делать больно. Простите все! Прощайте!

...Я засыпаю. Музыка понемногу удаляется, как повозка, которую нехотя тянут от моего дома по хуторской дороге усталые кони.

Да, мне часто хотелось жить где-нибудь на хуторе, чтоб соседи были далеко-далеко...

Капли боли становятся мягче, падают реже и уже не так сильно отдаются в сердце...

Ирэн ДРОЗД

*«Ковыль мне нежно
гладил душу...»*

*Будет так стучать
пяткой в палый лист...*

Ой, ты, осень моя, баба пьяная!
Полногрудая и румяная!
Не вином пьяна,
Поздней спелостью –
Жизнь в нее влила
Соки зрелости.

И идет она, не шатается!
Во всю ширь ума – улыбается!
Ой, ты, осень моя,
Баба смелая,
Знает, что пройдет,
Что умелая!..

Знает, что несет – ах, богатая!
Знает, что донесет – ведь заждаемая!
Все плоды раздаст
Баба щедрая;
Станет мир плясать –
Выйдет первая!

Будет так стучать
Пяткой в палый лист,
Что закружит вверх
Всех, кто падал вниз!
Потому что в ней –
Мед и соль любви!
Ой, любите сильней –
В осень мы вошли!..

Морошковая девица

Оранжем ниток вышивка горит:
Узоры солнца – в красно-золотом!
Морошковая девица бежит
За милым летом в тундре босиком...

Умчатся вдаль – жар в пяточках сверкнёт:
Ревнивец-солнце жжёт так сильно их!
Под осень след влюблённых пропадёт,
Оставив сладкий ягодный мотив.

А за окном...

Листву, как гриву кобылиц,
причёсывает ветер.
Табун берёз, сомкнувшись в круг,
склоняет шеи-ветви...
В невидимых руках, так трепетно-нежны,
плетутся веточки –
Запутанный пробор прикроет дуновей
воздушной сеточкой...

Ковыль мне нежно гладил душу...

Ковыль Вам нежно гладил душу
Прикосновеньем на ветру?
Сегодня целый час он слушал
Про жизнь и про мою судьбу...

Как вдруг поднялся сильный ветер –
Ковыль склонился до земли,
Казалось, он сумел примерить
Страданья женские мои...

Поняв, в поклонах-реверансах,
Помчался мягкою волной:
Стремился с нежностью прижаться
К душе израненной, пустой.

Ковыль мне нежно гладил душу,
Хоть не касался ни к чему...
И я тянулась, словно к мужу,
За тихой лаской на ветру.

Со мною вместе счастье мыли...

В воде зеркальным отраженьем
Стоят, как будто пред сраженьем!
Как мне умыться осторожно,
Строй боевой не растревожа?!

Зашевелился строй сердитый
Изображением размытым.
И тут всю я заплескала –
И лес из елей расшатала!

И ели словно ошалели,
Со мною – в детство полетели!
Как на волшебной карусели
Меня несли в Еланке ели.

...Тем тихим утром вековые
Со мною вместе счастье мыли.

Узор березового счастья...

Узор березового счастья
Ей снился ночью... Поутру,
Почти что сношенное платье
Слегка встряхнула на ветру...

Листочки редуенько на ветках
Лишь прикрывали наготу,
Но в них, как в солнечных монетках,
Звенело счастье на снегу...

В травянистой пелёнке, не сорванной

Колыбелью с ребёнком... Рисованным –
Круг зелёный алааса лежит.
Он глазёнки, цветочками новыми,
Распахнул: «А где мама стоит?»

Колыбель окружили берёзки
И качают ветвистостью рук...
Ветер лёгкий касается кос их,
Расплетая волнующий звук.

Дай прикурить – сожжём разлуку... Сангару

Черным-черны твои ладони:
В них жизнь, добытая с углём...
Когда плясали под гармони,
Вернувшись с шахты ночью, днём.

Воспоминания не смоешь:
Так вьелись с углем – день за днем,
Что не стряхнешь и не зароешь
Под лацкан сопочек рядом...

Не прячь ладонь, пожми мне руку –
Пусть след останется, как стих.
Дай прикурить – сожжем разлуку:
Одной сигаркой – на двоих!

Как факт, в нём русской роскошью...

В мир вышла, стала женщиной.
Сегодня – просто баба.
С годами слову вечному
Я стала очень рада.
Как факт, в нём русской роскошью –
Божественность намешана:
Вся бабья доля, мощная,
На женщину навешана.

Захочет баба – вскинется!..
Предстанет – из далёкого:
Вмиг женщиной откликнется
На голос полубога ли.

И вся, прекрасно-нежная,
Окинёт полуоком ли –
Утопит взгляд безбрежностью,
Забрав опять в далёкое.

«Ты, баба, русской роскошью
Словесности помечена!..» –
Мне на ночь шепчет женщина
Во мне... И это вечное...

Словно лета якутского звон...

Оттого и люблю я якутское, жаркое лето,
Что в немногие, яркие светом, палящие дни
В свою Лену зайду – и меня её воды, нагретые,
Унесут, обнимая потоком вселенской любви.

Там, в прохладной глуби,
в бесконечном движении водном,
Утомлюсь, отдохну, как умоюсь живою водой!
Словно мама дитя, накупает она меня волнами
И отпустит с любовью, да с новою силой речной!

Я энергию вод – ленских, мощных,
с лихвой забираю:

Уношу в каплях солнца,
                    что множились весело днём –
Вновь рождённая Леной, как чайка,
                    над нею порхаю,
Слыша всплески реки,
                    словно лета якутского звон!

И, как мои глаза...

С окна Байкала
Штору лета
Хозяйка Осень
Убрала:
За стены – скалы
Серым цветом
Цепляла
Новые она...

Осенний дождь
В рулон смотала,
Чтоб в синь гардины
Размотать:
Нить серебра
Дождём вшивала
По полотну
Узором «рябь»...

И закрывала
Мокрой шторой
Окно Байкала
В глубине –
И, как мои глаза,
Промокли
Его –
В зашторенной избе...

Мать-Земля когда пела...

Я в земной колыбели...
И качает меня
Мать-Земля!.. От метели
Укрывая любя.

Мягкой ветвью от ели
Звук хомуса слегка
Ощутился на теле –
И согрел всю меня...

Чудом Высшего звука
Из природы родной
Льётся сладкая мука:
Я – ребёнок большой.

Вновь лежу в колыбели,
Самой тёплой, родной:
От хомуса запели
Чувства детской струной.

И по-детски напилась
Уголочки души:
Как в дитя, в меня лились
Соки с песней Земли.

...Я была в колыбели,
Где кормила меня
Мать-Земля, когда пела
На хомусе сама...

Спускалась синь с небесного моста...

Под арку, деревьями сотворённую,
На тропочке лесной ступила я.
В сень веточек безлиственно-сплетённую,
Как сказочность, на цыпочках прошла...

Я любовалась сводами ветвистыми:
Ажуром серым вышив небеса,
Под арочку движеньями волнистыми
Спускалась синь с небесного моста...

ИРЭН ДРОЗД. «КОВЫЛЬ МНЕ НЕЖНО ГЛАДИЛ ДУШУ...»

Валентина ЧУСОВСКАЯ,
кандидат философских наук, доцент,
научный сотрудник Театра Олонхо

ФОРМУЛА ПРОСТРАНСТВА

Сценография Николая Попова*

Николай Николаевич Попов (1947 г.) – уроженец села Ситта Кобяйского района, выпускник художественно-графического факультета Ленинградского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, сорок лет работает главным художником Государственного академического Русского драматического театра имени А.С. Пушкина. Заслуженный деятель искусств России и Якутии, он в прошлом году отметил свое 70-летие и 40-летие творческой деятельности. За это время Н.Н. Попов выпустил около 120 спектаклей разного жанра более чем с 50-ю режиссерами России, ближнего и дальнего зарубежья. Его лучшие постановки показаны в Нерюнгри, Тынде, Мирном, Алдане, Йошкар-Оле, Минске, Усть-Каменогорске, Бобруйске, Хабаровске, Благовещенске, Петропавловске-Камчатском, Магадане и Москве. Это «Чайка» А. Чехова, «На дне» М. Горького, «А поутру они проснулись...» В. Шукшина, «Иван и Мадонна» А. Кудрявцева, «Мы, нижеподписавшиеся» А. Гельмана, «Диктатура совести» М. Шатрова, «Дети Арбата» по роману А. Рыбакова, «Июньский снег» Ю. Чертова, «Апостол государев» В. Федорова и др., а также целый

ряд оперных и балетных постановок, среди которых «Дон Кихот» Минкуса, «Нюргун Боотур Стремительный» М. Жиркова и Г. Литинского, «Колыбельная» З. Степанова.

Глубокое знание русского сценографического искусства, традиций якутского драматического театра, талант и новаторский дух обеспечили успех творчеству Николая Попова.

Николай Николаевич Попов – член Союза художников Якутии, член Союза театральных деятелей России, награжден Знаком отличия РС(Я) «Гражданская доблесть». Он Почётный работник культуры РС(Я), участник многочисленных республиканских, региональных и российских выставок, на которых представлялись не только его театральная работа, но и графические листы, станковая живопись.

ПРИНЦИП ЕДИНОЙ УСТАНОВКИ

...Все российские театры в 70-е годы прошлого века работали по определенному репертуару, утвержденному Министерством культуры РСФСР. По всей стране ставили примерно одно

ВАЛЕНТИНА ЧУСОВСКАЯ. ФОРМУЛА ПРОСТРАНСТВА.

*Главы из книги-альбома «Николай Попов».

В.Д. Антонов в роли Ивана.

и то же, но не все театры плыли по течению. Они не боялись местной партийной власти. Гельман, Шатров, Рыбаков вызывали трепет у среднестатистического провинциального постановщика. В.Я. Келле-Пелле выбирал самые острые, актуальные пьесы. Современная драматургия, приближавшая эпоху Перестройки, давала материал режиссеру и художнику для спектаклей, опережающих время.

Художник-сценограф попадал в сложную ситуацию, когда приходилось формировать пространственный образ спектакля, имевшего уже яркое решение в столичных театрах. Николай Попов вспоминает: «Легче было работать с незнакомыми пьесами. Пока еще не посмотрел их постановки в Москве, пока не возникло стереотипа. Нет худа без добра –

просто вначале многого не видел и поэтому не мог никого повторить. А когда набрался опыта, изучая спектакли мастеров, посещая выставки сценографов, лаборатории, начал обобщать чужой опыт, чувствовать стилистику разных театральных художников, тогда выработалось собственное видение, и повтор уже стал невозможен».

Принцип единой установки – главный, излюбленный сценографический прием Николая Попова. Первым удачным применением его, по мнению самого художника, стал спектакль «Иван и Мадонна» по пьесе А. Кудрявцева (1985), где ему удалось создать простую, емкую и легко трансформирующуюся единую установку, в то время как драматург описал в ремарке многопредметную реалистическую избу вплоть до салфетки на телевизоре, глиняных горшков с ухватом и трофейного чемодана с заклепками. Решение к Попову пришло от образа деревенской улицы, состоящей из домов и ворот с калиткой. Двускатная крыша над воротами и калиткой очень напоминает сам дом, и это-то сходство и было развито в динамике превращений объектов. При определенном освещении, с добавлением деталей и игрой актеров с верой в «предлагаемые обстоятельства», легко создается образ целой деревни, где калитка с висячим амбарным замком становится дверью в запертый магазин, а ворота – силуэтом рядом стоящего большого дома.

Во всю ширину двускатной крыши над воротами (4-5 метров) художник выстроил целую деревню: миниатюрные деревянные домики убегают к «горизонту» – к верхнему краю ската, с наступлением вечера загораются далекими огоньками. Зритель видит в этой картине, поддержанной звуками засыпающей деревни и воем собаки, сельский пейзаж со смешанным чувством любования и тревоги.

Изначально установка представляет собой деревенскую улицу: большие, широкие, плотно закрытые ворота под двускатной крышей и калитка создают образ типичного деревенского дома. Продолжает улицу вместо забора обыкновенная ораторская трибуна,

ВАЛЕНТИНА ЧУСОВСКАЯ. ФОРМУЛА ПРОСТРАНСТВА.

факт театральной условности – соединение несоединимого.

Открываются створки ворот, и вместо ожидаемого двора – интерьер: слева в глубине из-за ситцевой занавески видна спинка кровати, на обороте левой створки – небольшое старое зеркало. Это дом Ивана. Стоит закрыть ворота, как мы оказываемся снова на деревенской улице. Теперь это уже дом соседа-куркуля, который воровато тащит все в свой дом, чуть приоткрывая створки ворот и плотно закрывая их за собой. Плавно открываясь, закрываясь, резко распахиваясь или захлопываясь, они работают как деревянный занавес своеобразного деревенского театра, в котором разыгралась нешуточная драма. В сцене «атаки» Ивана на куркуля скриком: «За Родину! За Сталина!» ворота ненавистного соседа борец за справедливость и честность таранит большой тачкой с колесом от телеги. Правая створка не выдерживает удара, и добрый кусок, отвалившись от нее, падает во двор ненавистного куркуля.

В другой сцене ворота открывают двор с грудой ящиков из-под водки: добротной сколоченной тарой для самого ходового товара качественного советского производства. Печально известный «Бермудский треугольник» за винным магазином – пристанище бомжей, «меблированное» ящиками: тут и сиденья, и стол представляют место действия следующего эпизода. Поддержанная звуковыми и световыми эффектами трансформация происходит неожиданно, остроумно и, что самое важное, рождает образы и ассоциации с явлениями нашей действительности, принимая то комическую, то трагическую окраску.

С тех пор, как на ночной светомонтировке спектакля «А поутру они проснулись...» Н.Н. Попов и В.Я. Келле-Пелле вместе с заведующим осветительским цехом Николаем Чижовым создали первую запись световой партитуры всего спектакля, это стало профессиональным требованием для каждой постановки. Работа со светом поднялась на новый уровень сценографического искусства. Способствовала этому и работа мастера по свету Николая Чижова,

талант которого позволял ему справляться с задачей, находясь в самой невыгодной позиции – под сценой в оркестровой яме, откуда видны были только ноги актеров. Николай Попов после реконструкции зрительного зала перенес его рабочее место наверх и добился замены ручного управления осветительными приборами на автоматическое, дистанционное – с общего пульта.

Для этого потребовались новые прожектора с управляемым механизмом включения–выключения, поворота и движения по своей оси, плавным регулированием интенсивности светового потока. Художник потребовал покрасить в черный цвет коробку сцены, рабочие галерки, лестницы и другое закулисное хозяйство. По его указанию были установлены подвесные кронштейны для попланного освещения сцены прожекторами, а также устроены люки для спуска и выхода из-под планшета сцены в нескольких точках. Все это сделало сценографию спектаклей более выразительной, полнозвучной, расширило технические возможности сцены.

Влияние света на поверхность предметов и конструкций огромно – все богатство стилей мировой живописи связано с характером освещенности объектов и способами ее передачи. Серьезное художественное образование Попова, его тонкий вкус позволили ему мастерски использовать свет как выразительное средство во многих спектаклях. Живопись в «Иване и Мадонне» работает и как стиливое выражение, и как сценический эффект, включающий новые объекты в привычное пространство. Так возникает портрет-икона Мадонны с младенцем.

Светопись в финальной сцене заслуживает отдельного разговора. Иван погиб синей ночью, когда один за другим гасли огоньки убегающей во тьму деревни. Погиб нелепо, в день вручения ему Золотой Звезды Героя Советского Союза, напоровшись на вилы куркуля – бывшего немецкого полицая и вора. Распахнулись створы, и зрители увидели в тяжелом окладе ворот лик Мадонны с младенцем. Она высветилась

Сценография. Финал спектакля «Иван и Мадонна».

на заднике-горизонте, на протяжении всего спектакля изображавшем поля, леса, холмы, на фоне которых стояла деревня. Когда погасла синяя ночь и ушла в крошечную тьму сцена, через короткую паузу осветился «горизонт», на котором привольный русский пейзаж стал всеохватным фоном для Мадонны. Женщина с ребенком на руках, спасенная Иваном на оккупированной немецкой территории, как с иконы смотрела на него, а он медленно, раскинув руки, опускался перед ней на колени. Она и не она: художник создал живописный портрет на полотне, наделив его чертами иконописной

Богоматери с младенцем, за спинами которых плыли облака, цвели травы, шумели леса.

Двускатная крыша-деревня – символ сельской идиллии, ярко высвеченная силуэтом, надломилась, лопнула и повисла над воротами со всеми домиками, штaketниками, собачьими будками и изгородями. А Иван был уже далеко – среди друзей, что полегли на полях сражений. Иван ушел под звуки любимого вальса «В лесу прифронтовом...» среди танцующих пар, «уплывающих» и увлекающих за собой Ивана.

Так художник в единой установке создал лаконичную и вместе с тем богатую сценическую

ВАЛЕНТИНА ЧУСОВСКАЯ. ФОРМУЛА ПРОСТРАНСТВА.

среду для воплощения режиссерского замысла и вдохновенной актерской игры. Успех был ошеломительный: актеров – Валентина Антонова (Иван Климов) Нину Добрикову (Мария), Александра Кузнецова (Гришка-куркуль), Наталью Дорошенко (продавщица винного магазина) и других – приветствовали бурными овациями и в Якутске, и в других городах республики, и за ее пределами.

Телеграмма от автора пьесы

«г. Якутск. Коллективу театра. 27 марта 1990 г. Очень рад, что «Иван» на якутской сцене, желаю ему крепкого здоровья и всенародной любви. Нельзя, чтобы такие Иваны ушли из нашей жизни и со сцены. А. Кудрявцев».

«Для понимания сути истинного характера Ивана очень верна переключка исполнителя этой роли народного артиста РСФСР и ЯАССР Валентина Антонова, бывшего фронтовика, со своим прошлым, выстраданным на войне. Его герой, прежде всего, совестлив и честен. Повседневные мелкие и случайные обиды не разъели ржавчиной душу, не расплескали в нем теплоту человечности, не растворились в быте, не дали очерстветь... Правда Ивана приобретает особо современное звучание, заставляет задуматься: а так ли мы ведем себя в жизни, правильно ли оцениваем тех, кто рядом, не принижаем ли одних и не возвышаем ли незаслуженно других, которые более «на виду»?..

За эту роль народный артист удостоен звания лауреата Государственной премии ЯАССР им. П. Ойунского».

Газета «Мирнинская правда».

г. Мирный. 16 января 1988 г.

Особенно дороги Н. Попову гастроли в Белоруссии, на родине драматурга. Театр показал спектакль «Иван и Мадонна» в Минске, Бобруйске и Усть-Каменогорске.

Новая площадка – всегда испытание. Часто сценограф создает гастрольный вариант, более легкий для адаптации на новой сцене и более

транспортабельный, но порой приходится достраивать конструкции уже в чужом городе из подручного материала. В Белоруссии Попову пришлось не только почти с нуля создать всю декорационную установку, но и вручную писать и рисовать рекламные афиши.

Выехав на место за два месяца до показа, работая почти без отдыха, Николай Николаевич с маленьким помощником-сыном уложился в срок и блестяще выдержал экзамен: в Минском Доме офицеров зал на 1200 мест был заполнен до отказа во все время гастролей!

ЖИВОПИСЬ – ГРАФИКА – МАСКА

В творчестве Николая Попова сосуществуют графика и живопись. Все живописные композиции – и станковые, и театральные – он решает сначала графически. К этому располагает сам театр, являя собой цветовую и светотеневую картину.

Выразительность линий, фактур, точное применение цвета и света характеризует его живописные полотна, выполненные маслом и пастелью. Создавая портреты актеров в театральные костюмы, художник ставит задачу найти созвучие черт натуры с типом персонажа: В. Антонов – в роли святителя Вениамина и в облике фронтовика Ивана Климова, Б. Пеньков – в образе подсудимого партийца, Г. Платонова – в костюме Собаки из сказки «Зайка-Зазнайка», Г. Кондрашева в костюме Коровы из сказки «Кошка, которая гуляла сама по себе»...

В коллективном портрете актеров-исполнителей спектакля «А поутру они проснулись...» все портретируемые сохраняют сходство с актерами и также являются яркой характеристикой типов, попавших в вытрезвитель. На фоне стоящих плотной группой, как на традиционных любительских фотографиях, с очень строгим выражением лица сидит В.Я. Келле-Пелле. На самом краешке стола стопка водки – предмет разговора.

Кисти Н. Попова принадлежат также портреты

Натальи Дорошенко, Александра Кузнецова, Владимира Павлова, Валерия Келле-Пелле, Дмитрия Трофимова, Влада Мичурина, Николая Чижова и еще целого ряда людей театра.

Есть у Н. Попова и портреты «масочного типа». Передавая реальные черты лица, художник создает маску, закрепляющую характер и психологическое состояние человека.

Портрет Дмитрия Трофимова – открытое совмещение лица и маски. Левая половина выписана реалистически точно, подробно, вплоть до прорастающих щетинок бороды, а правая гладко выбрита и загримирована под маску клоуна – белую с ярко-красными губами. Портрет не писался с натуры, он смоделирован в мастерской. Попов показал перевоплощение актера в персонаж. Это уже явный эксперимент в области конструирования маски.

Также свойством «масочного типа» отличаются и другие – не театральные – портреты: целитель Никон, философ Уткин и ряд других.

Интерес, а затем страсть создавать образы-маски пробудились после посещения богатейшего музея г. Переяславля, где собрание гипсовых копий масок, ликов и личин мирового театра открыли для художника новую Вселенную.

Н. Попова привлекает свойство маски концентрировать характерные черты, поэтому ему интересно писать выразительные, своеобразные лица, находить в них новые черты, фиксируя на фото и в набросках.

Еще один исток – дружеские шаржи. Гиперболизация характерных черт лица сродни поискам гротесковых форм в народных комедиях, неизбежно связанных с «мимической формулой», гримасой, маской. В пору «Русского секретра» Попов изучает истоки театра и думает о скоморошьих масках, потешных и устрашающих, подобные которым можно найти у всех народов мира.

Тогда уже начали зарождаться мысли о масках канонизированных персонажей якутского эпоса: богатырей, удаганок, красавиц, шаманов, злых и добрых духов, покровителей. Не случайно в работе над «Нюргунум Боотуром Стремительным» в эскизах костюмов Попов ищет

не только характеры, пластику, но и типичные черты лица каждого из героев олонхо. Нюргун Боотур, Юрюнг Уолан, Туйаарыма Куо, Сорук Боллур, Сэркээн Сэсэн, Кыыс-Кыскыйдаан приближены к масочным типам. Начались грезы о новом театральном пространстве, подкрепленные найденной в Прибайкалье – прародине якутов – медной маской с густыми бровями, усами и бородой, сделанными из меха на заклепках, с подписью «Эвенкийская маска». Она поразила Попова одной деталью: в двух колечках-ушах продернуты серьги в виде подвесок – миниатюрных металлических элементов костюма якутского шамана на ободке.

Н. Попов начинает изучать древние корни маски у якутов. Его внимание привлекает старинная берестяная маска, интересуют «прошитые лица», описанные Даланом в романе «Глухой Виллой», информация о татуировках и раскрасках лиц северных индейцев и других народов. Посещение музея масок в Южной Корее (г. Тэгу) стало новым открытием. Этнокомплекс, расположенный на зеленом полуострове, представляет собой небольшую деревню из глинобитных хижин, покрытых соломой, окруженных такими же глинобитными невысокими заборами. Гостям показывают быт, традиционные виды деятельности, священные места для молитв и поклонения духам, богам, Будде, праздничные ритуалы и обряды. Среди красоты природной жизни гостям показывали театрализованные масочные представления.

Николай Попов познакомился с человеком, вырубавшим лица-маски идолов на высоких пятиметровых деревянных столбах типа якутских сэргэ. Маски изображают хранителей в гневном облики, отпугивающих злых духов: круглые глаза навывкате, оскаленные пасти. Корейцы ставят их при въезде и выезде из населенных пунктов. В гостях у Ким Чанга Николай увидел почерневшие бревна-столбы с вырубленными лицами, которые во множестве скопились у мастера. В результате знакомства к Ысыаху 2012 года всемирно известный художник-резчик по дереву оказался в Якутии по приглашению мэрии г. Якутска, инициированному Николаем Поповым.

ВАЛЕНТИНА ЧУСОВСКАЯ. ФОРМУЛА ПРОСТРАНСТВА.

На мастер-классах Ким Чанг показал, как делаются канонические деревянные маски для ритуальных танцев, исполняемых профессиональными танцорами в дни религиозных праздников.

Во время пребывания в Якутске мастер вместе с Николаем Поповым вырубил маски на четырех пятиметровых столбах. Теперь они стоят в городском парке, украшая аллею строгими ликами и развевающимися на ветру разноцветными ленточками, повязанными вокруг шеи. Участвовали в мастер-классе и наши якутские художники-резчики по дереву: Федор Марков, Василий Аргунов. Они тоже оказались не лыком шиты и сделали свои скульптуры на четырехметровых сэргэ. Мастер сам провел обряд открытия ритуальной композиции с окуриванием пахучими якутскими травами, с заклинаниями и молитвами, завершив его повязыванием ленточек цвета флагов Республик Корея и Саха (Якутия).

Проработав сорок лет в Русском драматическом театре, Николай Николаевич ни разу не усомнился в правильности выбора пути. На вопрос о том, как ему удалось так легко работать с русским драматургическим материалом, он отвечает: «С детства я воспитывался в международной среде. Затем в Ленинграде получил российское образование. Мои однокурсники, с которыми я жил в одной комнате (иногда по 10–12 человек), были буряты, коми, белорусы, русские и другие. Я вошел в профессию благодаря русской сценографической школе, поэтому работалось свободно. В конце концов, искусство же не имеет границ, но к своим истокам все-таки стремишься. Если бы не изучал театр, не интересовался бы искусством других народов, то и к портретам современников не потянуло бы, и к якутской маске бы не пришел».

Все в жизни взаимосвязано: в Ленинграде Николай Попов встретил свою любовь и судьбу – девушку-землячку Зину Корнилову родом из с. Токко Олекминского района. Она училась в Государственном институте культуры и искусства имени Н.К. Крупской на балетмейстерско-хореографическом отделении. Вместе они ходили в Эрмитаж и Русский музей, в Большой драматический театр и Театр оперы и балета имени С.М.

Кирова – знаменитую «Мариинку», гуляли в Летнем саду, бродили по набережной Невы белыми ночами. Талантливая ученица выдающейся якутской балерины Аксиньи Посельской по окончании вуза приехала работать в Якутск, благодаря чему Николай Николаевич почти случайно зашел в поисках работы в Русский драматический театр. Зинаида Николаевна создала прославленный детский танцевальный ансамбль «Айылгы». Ее музыкальность, пластичность, глубокое знание национального танца вдохновляют художника и очень помогают по сей день.

Их творческий союз выразился в детском спектакле по олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на русском языке «Священное дерево» (1993). Главные роли играют актеры, а массовые сцены исполняются детьми – учениками Зинаиды Николаевны, участниками ансамбля «Айылгы». В качестве режиссера выступила актриса Нина Константинова. Сценарий написал сам Николай Попов, осуществил сценографию и костюм. Многоцветное, звенящее детскими голосами зрелище с множеством ярких танцев, поэтических текстов, песен, исполняемых детской массовой, создали спектакль-праздник якутского олонхо на русском языке для детей и взрослых.

Кажущиеся парадоксы судьбы превращаются в закономерность: углубившись в русскую сценографию, создав в Русском драматическом театре целую эпоху, через интерес к корням русского театра художник идет к новому якутскому театру, рожденному его фантазией. Какова эстетика этого театра и формула его пространства, покажет время.

37-ОЙ ГОД. ХРОНИКИ

(Псевдослучайные выборки)

- 1 января 1937 года в Великобритании принят «Законообобщественном порядке», запрещающий военизированные политические организации и наделяющий британскую полицию правом запрещать демонстрации и митинги в случае, если они грозят вылиться в беспорядки.
- 4 января ОРУД Ленинграда установил на улице имени Желябова (террорист-народник) первый светофор для регулирования дорожного движения.
- 5–6 января проведена перепись населения в СССР. Статистические данные по результатам переписи до сих пор полностью не опубликованы. По опубликованным ныне данным, численность населения страны составляла 162 003 225 человек. Перепись была объявлена «дефектной», начальник Управления народно-хозяйственного учёта Госплана СССР И.А. Краверь 31 мая был арестован и впоследствии расстрелян.
- 8 января в Ленинграде открыт первый в мире Музей Арктики.
- 12 января вторично арестован Варлам Тихонович Шаламов (первый раз в 1929 году за «Письмо к съезду» ему дали 3 года лагерей). После приговора до 1956 года провёл время на Колыме.
- 20 января нарком НКВД Ежов издал приказ не указывать места захоронения казнённых или умерших в лагерях.
- В этот же день в США во второй раз президентом стал Франклин Делано Рузвельт.
- 23 января начался открытый суд над Ю.Л. Пятаковым, К.Б. Радеком, Г.Я. Сокольниковым, Л.П. Серебряковым. С

Экскурс в историю

28 января – уже членами «Параллельного антисоветского центра».

- 8 февраля в Ленинграде установлен памятник А.С. Пушкину на месте его последней (смертельной) дуэли у Чёрной речки.

В эти дни начались всесоюзные мероприятия, посвящённые 100-летней годовщине со дня гибели А.С. Пушкина. Перед этим миллионными тиражами были изданы его основные произведения. В Москве прошло Торжественное заседание с участием высшего политического руководства страны в Большом театре СССР. Во всех областных центрах проходили торжественные мероприятия. В далёком Якутске мероприятия длились три дня. 10 февраля в Якутском театре сделал доклад П.А. Ойунский (арестован в 1938 году) – талантливый поэт, переводчик, историк, лингвист, видный государственный и общественный деятель. В своём почти двухчасовом докладе автор тенденциозно и бездоказательно приписал А.С. Пушкина к декабристам, чуть ли не революционерам, боровшимся за «права трудового народа». Что это? Платон Алексеевич ничего не понял в текстах А.С. Пушкина? Или П.А. Ойунский хотел с помощью этой речи заслужить индульгенцию у властей, попасть в список верноподданных и уберечься от репрессий, обрушившихся на якутскую интеллигенцию первого призыва? Через год с небольшим он был тайно арестован в Иркутске в статусе депутата Верховного Совета СССР без предъявления ордера на арест. 11 февраля в Русском театре Якутска доклад сделал И.М. Романов, заведующий отделом культуры и образования правительства (репрессирован в 1939 году), а на следующий день прошла большая выставка фотографий в Областной библиотеке имени А.С. Пушкина.

- 10 февраля учреждён Государственный ансамбль народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева.
- 12 февраля в Аничковом дворце бывшей столицы Российской империи открыт Дворец пионеров. В царские времена в этом дворце постоянно устраивались императорские приёмы и балы, на которых танцевала жена А.С. Пушкина Наталья и присутствовал он сам (не танцуя, был вынужден есть мороженое).
- 16 февраля в США Уоллес Карозерс патентует нейлон.
- 3 марта на Пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин в своём докладе развил теорию обострения классовой борьбы в ходе успешного строительства социализма.
- 21 марта принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР «Об учёных степенях и званиях», в котором зафиксированы льготы и надбавки к зарплате для лиц, имеющих учёные степени.
- 22 марта из Москвы на Север стартовала авиационная экспедиция в составе 5 больших самолётов (четыре четырёхмоторных АНТ-6 и один двухмоторный АНТ-7) с грузами и материалами для организации станции первых полярников («СП-1»). Начальник экспедиции – О.Ю. Шмидт, начальник авиационного отряда – Герой Советского Союза М.В. Водопьянов.
- 21 апреля состоялась премьера спектакля «Анна Каренина» во МХАТе.
- 26 апреля – бомбардировка немецкими самолётами городка Герника в Испании, ставшая символом тотального уничтожения мирного населения. Пабло Пикассо посвятил этому событию знаменитую картину.
- 1 мая – завершение строительства и официальное открытие каналов и системы шлюзов «Москва–Волга». Город Москва приобрёл статус «порта пяти морей».

- 6 мая в Нью-Йорке сгорел самый большой в мире немецкий дирижабль «Гинденбург».
- В этот же день началось регулярное почтово-пассажирское воздушное сообщение между Москвой и Ленинградом.
- 10 мая в Красной Армии введён институт красных комиссаров (политических руководителей).
- 11 мая начались массовые репрессии (чистка) в отношении командного состава Красной Армии.
- 12 мая прошла коронация английского короля Георга VI.
- 21 мая произошла успешная посадка советских самолётов под руководством М.В. Водопьянова на Северном полюсе.
- 6 июня экспедиция вернулась на большую землю, а на полюсе открылась первая в мире полярная станция «Северный Полюс-1» в составе И.Д. Папанина (начальника), Е.К. Федорова (метеоролога), Э.Т. Кренкеля (радиста) и П.П. Ширшова (океанографа, биофизика, по совместительству врача станции). Начались регулярные научно-исследовательские работы по изучению Арктики, которые продолжают и по сегодня. Первая экспедиция проработала на льду 9 месяцев и была эвакуирована пароходами с расколовшихся льдин вблизи Гренландии.
- 28 мая премьер-министром Великобритании стал Невилл Чемберлен.
- 11 июня расстреляны видные советские военачальники Тухачевский, Примаков, Уборевич, Якир, Эйдеман.
- 13 июня А.Н. Толстой опубликовал в газете «Известия» статью «Мне не нужно много слов, чтобы узнать врага. Я узнаю его по чужому блеску глаз».
- 17 июня на стадионе «Динамо» советский спортсмен Н. Озолин прыгнул с шестом на высоту 4,26 метра, а Н. Ковтун преодолел планку 2,01 метра.
- 18 июня в 4 часа 18 минут с военного подмосковного аэродрома вблизи Щёлково стартовал самолёт АНТ-25РД с экипажем в составе Героев Советского Союза В.П. Чкалова (командир), Г.Ф. Байдукова (второй пилот), А.В. Белякова (штурман). Самолёт вылетел по маршруту Москва–Северный полюс–Америка. Начиная с 1935 г. велась подготовка к полёту. Готовили самолёт, аэродромы, тренировали экипажи, совершали длительные и сверхдальние тренировочные полёты. Автором идеи был Г.Ф. Байдуков, который осенью 1935 года предложил В.П. Чкалову возглавить экипаж для такого перелёта. Разрешение на полёт многократно откладывалось, проблему обсуждали в кабинете И.В. Сталина много раз. АНТ-25РД был одномоторным самолётом и риски были вполне реальными. Двигатель для самолёта отработывали вручную, крейсерская скорость была 165 км/час, максимальная 246 км/час. Самолёт был оснащён отечественной радиостанцией с дальностью приёма 5000 км, кислородными баллонами, системой обогрева салона выхлопными газами, автоматическим шасси. 20 июня в 19:30 по московскому времени самолёт приземлился вблизи американского города Ванкувер, топлива оставалось около 100 л., чего хватало на 50 км полёта. Полет стал мировой сенсацией. В столице США экипаж был принят президентом Ф.Д. Рузвельтом в Овальном кабинете Белого Дома. В Москве их встречали почти так же, как через 24 года встречали Юрия Гагарина. Менее чем через месяц на втором самолёте АНТ-25РД экипаж М.М. Громова по этому маршруту пролетел до границы с Мексикой (Сан-Джасинто), и в баках оставалось топлива ещё на 1500 км полёта. Был установлен мировой рекорд дальности беспосадочного

Экскурс в историю

полёта одномоторного самолёта, который остаётся таковым и сегодня. Все это очень сильно напугало американцев и вдохновило «простых людей» во всем мире. Тема стала крайне модной. 12 августа этого же года Герой Советского Союза Сигизмунд Леваневский вылетел через полюс на Аляску на четырёхмоторном самолёте. Последнее сообщение было о том, что отказал один из двигателей. О судьбе экипажа до сих пор ничего не известно. Известно, что перед этим на совещании у И.В. Сталина С. Леваневский заявил, что летать на одном моторе – авантюра, и обвинил А.Н. Туполева во вредительстве, просил занести его слова в протокол совещания. На это И.В. Сталин предложил ему поехать в Америку и закупить такой самолёт, какой он хочет. Известно также, что А.Н. Туполева вскоре посадили в тюрьму. Но не лишили возможности проектировать самолёты.

- 7 июля Япония напала на Китай.
- 15 июля начал свою работу концентрационный лагерь «Бухенвальд».
- 21 июля Генеральный прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский получил в Московском Кремле орден Ленина.
- 25 июля на 3-ей Международной олимпиаде в Антверпене золотые медали завоевали Николай Озолин, Серафим Знаменский, Мария Шаманова, Николай Старостин, Яков Кузенко.
- 27 июля орденом Ленина наградили Николая Ежова.
- 30 июля нарком внутренних дел Ежов подписал приказ №00447 «Об операциях по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Поток репрессированных резко возрос, приобрёл действительно массовый характер.
- 13 августа японцами атакован Шанхай, китайцы понесли очень большие потери. Японцы захватили Пекин,

Нанкин, Шанхай, практически все морское побережье страны было под их контролем.

- 30 августа в 150 километрах от сибирского города Томска, вверх по Оби, в деревне Белосток, где жили переселенцы из Польши и Белоруссии, начались аресты. Всего было арестовано 88 мужчин, притом, что всего в деревне жило 127 мужчин от 18 лет до стариков. Им предъявили обвинения в участии в «Польской организации войсковой», которая ставила задачу свержения власти большевиков в Сибири.
- 31 августа Лига наций обсудила положение евреев в Палестине.
- 3 сентября лейбористы Великобритании сделали заявление в газетах против военных столкновений в Европе.
- 15 сентября в США принят закон «Вагнера–Стигала», защищающий права трудящихся и ограничивающий права банкиров в управлении компаниями.
- 23 сентября в газете «Правда» опубликована статья «Спасибо товарищу Сталину...»
- 25 сентября Бенито Муссолини прибыл в Берлин для встречи с Адольфом Гитлером.
- 1 октября, после тактической победы над республиканцами при Арагоне, генерал Франко начинает руководить мощным наступлением на севере Испании, которое привело к поражению республиканцев и окончанию Гражданской войны. Франко: «Там, где я, там нет коммунизма».
- 3 октября выполнен приказ наркома Ежова №00485 от 11.08.1937 года и завершён разгром руководящего ядра «Польской организации войсковой» в Сибири. Все руководство расстреляно.
- 15 октября Эрнест Хемингуэй опубликовал роман «Иметь или не иметь». Всю Гражданскую войну в Испании он сражался на стороне республиканцев.
- 16 октября фашисты заявили о себе в

Венгрии, зарегистрировав политическую «Партию скрещённых стрел», созданную офицером Ференцем Салаши. Через два года партия одержала победу на парламентских выборах. Не менее 42% членов партии были рабочими.

- 17 октября начались беспорядки в Судах, которые привели к аннексии области, затем оккупации Чехословакии и началу Второй мировой войны.
- 21 октября арестован Андрей Николаевич Туполев, авиаконструктор, соперник и коллега И.И. Сикорского (автора первого в мире стратегического бомбардировщика «Илья Муромец» и вертолётов для армии США). А.Н. Туполев – руководитель дипломной работы С.П. Королева в МВТУ, в результате которой был построен летающий образец самолёта. А.Н. Туполеву предъявили обвинение в шпионской деятельности в пользу Германии. После прихода Л.П. Берии к руководству НКВД он остался под подозрением, но получил возможность руководить конструкторским бюро в «шарашке». Обеды А.Н. Туполеву по распоряжению Л.П. Берии доставляли в тюремную камеру из лучшего ресторана Москвы.
- 28 октября арестован писатель-авангардист Борис Пильняк, публично обвинивший в конце 20-ых годов И.В. Сталина в смерти М.В. Фрунзе.
- 28 октября республиканское правительство Испании из Валенсии переехало в Барселону.
- 28 октября лётчик Е.Н. Степанов произвёл в небе Испании первый в мире ночной таран.
- 30 октября расстрелян Абель Енукидзе, бывшее доверенное лицо С.М. Кирова, близкий к И.В. Сталину, большой любитель жизни, женщин и несовершеннолетних девочек, за что был исключён из членов ВКП(б) в 1935 году, старый большевик. А. Енукидзе

– единственный, кто подписал после убийства С.М. Кирова Постановление ВЦИК об ускоренном рассмотрении дел политических противников без прав на адвокатскую защиту и немедленном расстреле приговорённых к высшей мере наказания.

- 2 ноября на башнях Кремля к 20-летию Октября зажгли электрические лампы в рубиновых звёздах, которые горят поныне.
- 7 ноября отметили 20-летие революции. В торжественном докладе одним из главных был лозунг об искоренении «врагов народа».
- 13 ноября в селе Октёмцы, под Якутском, родился Миша Николаев, будущий общественный и государственный деятель Якутии и России.
- 16 ноября в Киргизии арестован М.К. Аммосов, видный политический и общественный деятель, один из организаторов Якутской Автономной Советской Социалистической Республики.
- 17 ноября потомственный английский аристократ лорд Галифакс встретился с Гитлером для обсуждения европейских проблем.
- 19 ноября член АН СССР, физик-экспериментатор, изобретатель Пётр Капица написал очередное письмо (всего около 300 писем) в Правительство СССР и пожаловался на мракобесие, произвол и бестолковщину в спорах о генетике. Предложил в научных дискуссиях опираться на силу научной аргументации, а не «на силу тов. Ежова».
- 20 ноября расстрелян митрополит Кирилл (Константин Илларионович Смирнов) за несогласие с позицией местоблюстителя Патриаршего престола Сергия (Старгородского).
- 25 ноября закрылась Всемирная выставка в Париже. Впервые была показана великолепная скульптура В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница»,

Экскурс в историю

которая венчала вершину советского павильона. Напротив нашего павильона располагался германский со свастикой и хищным орлом на вершине.

- 28 ноября флот генерала Франко блокирует Средиземноморское побережье Испании.
- 8 декабря под Ленинградом расстрелян отец Павел Флоренский, математик, философ, религиозный мыслитель.
- 21 декабря в США продемонстрирован первый в мире мультфильм Уолта Диснея «Белоснежка и семь гномов».
- 24 декабря после долгого пребывания в Европе возвратился в Москву советско-русско-еврейский писатель Илья Эренбург.
- Начали готовиться к Новому 1938 году. Снова ставили и украшали ёлки, как в старые добрые времена, на что случилось специальное разрешение верховной власти СССР. Верхушки ёлок украшали блестящей звездой. Правда, никто не называл её вслух рождественской, не вспоминал волхвов, возвестивших о рождении Иисуса Христа. И даже не рассказывали своим деткам эту красивую сказку, которая для многих стала былью. Многие из наших граждан делали так по простой причине – не знали, что кто-то сочинил для них эту сказку. Но покупали для родных и близких подарочки, придумывали, чем порадовать детей за новогодним столом, вместе с ними делали новогодние игрушки из конфетной и шоколадной упаковки. В магазинах больших городов вновь появилось шампанское вино. От этого все недобрые вести, горести и печали казались временными, преходящими, иногда даже неправдашными. Так устроена жизнь людей. Может быть, и не по их воле. Но возможно, что и с их небольшим участием, которое порождает новые добрые и светлые

надежды, а они порождают веру в Будущее, без которой оно никогда не может наступить.

- Мудрец по имени Иммануил Кант, живший в немецком городе Кёнигсберге (нынешний Калининград, самый западный островок России в сегодняшней Европе) в восемнадцатом веке, назвал такие мотивировки людей «категорическим императивом», и призвал всех людей всегда следовать им. Некоторые люди считают это событие самым важным в мировой истории. И делят всемогущее, всевластное время на два периода – до Канта и после него.

Не хлебом единым...

Мюди труда, производственники в нашей республике всегда уважаемы. Именно они со времён становления журнала являются нашими основными читателями и главными героями публицистических материалов.

Мы встретились с директором ООО «Хатасский свинокомплекс» Р.Г. Дмитриевым и председателем профкома этой организации В.И. Кириллиной.

Корр.: Здравствуйте, Роман Гаврильевич и Вероника Иннокентьевна! Расскажите, пожалуйста, о своей работе.

Роман Гаврильевич: Наш свинокомплекс занимается животноводством, воспроизводством свиней. Планы всегда выполняем. В прошлом году построили новый цех, а в этом году к Ысыаху заработает копильная. Это новшество в нашем производстве.

Вероника Иннокентьевна: За всю трудовую деятельность в свинокомплексе я работала при

АННА ПАВЛОВА. НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

двух директоров: Романа Михайловиче Максимове и Романа Гаврильевиче Дмитриеве. Оба директора очень человечные, понимают и поддерживают рабочий народ, радуют за благополучие людей. С приходом Романа Гаврильевича условия работы стали комфортнее. В цехах выбелены стены, система отопления полностью обновлена, цехи соответствуют всем нормам.

Роман Гаврильевич: Для работников мы организовали горячее питание за символическую цену. В месяц с человека мы берём по 400 рублей. Это уходит на покупку тех продуктов, которые мы сами не производим, всё остальное – своё, потому и получается такая небольшая сумма. Но не хлебом единым жив человек. Вероника Иннокентьевна работает председателем профкома нашей организации с 2011 года. В 2005-ом году она пришла работать в свинокомплекс ветеринарным врачом. В

коллективе её полюбили. Профком у нас работает сильно: проводятся культурные мероприятия, спортивные соревнования.

Вероника Иннокентьевна: В 2017-ом году подвели промежуточный – пятилетний – итог моей работы председателем профкома. Сделали стенд, где наглядно видно, какие награды кто, когда и за что получал, какие, когда и где проходили культмассовые мероприятия. Реском агропромышленного комплекса РС(Я) наградил нашу первичную профсоюзную организацию премией им. С.Н. Маркина Федерации профсоюзов РС(Я).

Целью своей работы я ставлю не только проведение мероприятий и распределение профсоюзных денег, но и стараюсь обратить внимание на проблемы каждого человека, узнать коллектив ближе, сплотить, помогать малоимущим семьям материально, награждать

юбиляров, ходатайствовать о присвоении званий и т. д., поскольку любой человек нуждается в положительной мотивации к работе. А ветеранам нашего свинокомплекса ежегодно делаем небольшие подарки из нашей продукции.

23 февраля приурочиваем своеобразное многоборье для мужчин, которое между собой называем «садоба» – соревнования по шахматам, шашкам и карточным играм. Отдельно – по пулевой стрельбе. Это оживляет коллектив, люди с удовольствием готовятся к мероприятиям, спланиваются, появляется здоровая конкуренция. На 8 марта проводим конкурсы для женщин: кулинарные, по рукоделию, во время застолий играем в весёлые игры. На Ысыахе, посвящённом 90-летию Министерства сельского хозяйства, наше тьюсюльгэ заняло почётное третье место.

Корр.: Ну и поскольку журнал у нас литературно-художественный, расскажите, любите ли вы читать, как относитесь к литературе?

Роман Гаврильевич: Я с детства помню, люблю и читаю журналы «Полярная звезда» и «Хотугу сулус» (ныне «Чолбон»). Очень нравятся исторические романы. Интересуюсь династией Романовых, особенно Михаилом Фёдоровичем Романовым – первым русским царём из этой династии. С внуком посещаем две городские библиотеки, читаем, смотрим фильмы, углубленно изучаем немецкий язык. Как увлечённый читатель, считаю, что иногда, чтобы посмотреть постановки в театре или экранизации, сначала надо прочитать само произведение. Ведь в пьесе или фильме многое невозможно передать. Например, спектакль «Төлкө» («Судьба») по роману Николая Якутского несколько укорочен, упрощён и поставлен в особом видении режиссёра, что, конечно же, закономерно. Но я всегда говорю молодёжи, что посмотреть постановку или экранизацию, прочитать в учебнике хрестоматийный вариант – это не всё равно, что прочитать произведение в подлиннике.

Вероника Иннокентьевна: Мне с детства

нравилось читать произведения советских авторов: Чингиза Айтматова, Михаил Пришвина, Виталия Бианки, Амма Аччыгыя, Василия Яковлева-Далана. От них человек психологически напитывается хорошей энергией, все они написаны о жизни. Я считаю, что чтение было и остаётся одним из самых действенных способов отдохнуть душой, получить заряд положительной энергии, книги помогают строить взаимоотношения с людьми, делают нас добрее. Сейчас у меня большая ностальгия по произведениям такого плана, поэтому я снова и снова перечитываю их, находя каждый раз что-то новое для себя. Также мне нравится читать психологическую, мотивационную литературу. Скажем, сейчас я читаю книгу Джо Диспенза о силе подсознания. У меня появляется желание любить жизнь, ценить людей, я начинаю ставить себе цель наградить по заслугам всех работников, делать добро. Это меня окрыляет. Я счастлива, что работаю в таком дружном коллективе и что имею возможность приносить добро.

Корр.: Спасибо за содержательную беседу, Роман Гаврильевич и Вероника Иннокентьевна! Желаю дальнейших успехов в работе и общественной жизни!

Беседовала Анна Павлова.

АННА ПАВЛОВА. НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...